

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ В ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

22 (733)
2015

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
Federal State-Funded Educational Institution
for Higher Professional Education
“Moscow State Linguistic University”

www.linguanet.ru

VESTNIK
of Moscow State Linguistic University

The year of foundation – 1940

Issue 22 (733)

LINGUISTICS AND LITERARY STUDIES

**LEXICOLOGICAL STUDIES:
DYNAMICS IN THE LANGUAGE SYSTEM**

Moscow
FSFEI HPE MSLU
2015

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Московский государственный лингвистический университет»

ВЕСТНИК

Московского государственного лингвистического университета

Год основания издания – 1940

Выпуск 22 (733)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**ДИНАМИКА ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЫ
В ЛЕКСИКОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**

Москва
ФГБОУ ВПО МГЛУ
2015

Печатается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор издания
академик РАО, доктор педагогических наук, профессор
И. И. Халеева

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК МГЛУ»

И. И. Халеева (председатель)

Н. Н. Нечаев (заместитель председателя)

Гаджиев А. А. (Азербайджан)	Медведева Т. В.
Баранова Н. П. (Белоруссия)	Моисеенко Л. В.
Бурнацева З. К.	Мусаев А. И. (Кыргызстан)
Голубина К. В.	Ноздрина Л. А.
Воронина Г. Б.	Поталова Р. К.
Гаспарян Г. Р. (Армения)	Прохоров Ю. Е.
Гусейнова И. А.	Радченко О. А.
Дудик Н. А.	Русецкая М. Н.
Имомов М. С. (Таджикистан)	Семенова Т. И.
Ирисханова К. М.	Сорокина Т. С.
Ирисханова О. К.	Сухарев Ю. А.
Касюк А. Я.	Тарасова А. Н.
Краева И. А.	Титкова О. И.
Красноженова Г. Ф.	Убин И. И.
Кунанбаева С. С. (Казахстан)	Ли-Янке Х. (Швейцария)
Лодейро Ф. Г. (Испания)	Ченки А. Д. (Нидерланды)
Лю Лиминь (КНР)	Шулепов Н. А.
Маркес Д. С. (Испания)	Форстнер М. (Германия)

Редакционная коллегия Выпуска 22 (733)

канд. филол. наук, доц. К. В. Голубина (ответственный редактор);
д-р филол. наук, проф. Г. Г. Бондарчук (зам. ответственного редактора);
канд. филол. наук, проф. Л. А. Уралова;
д-р филол. наук, проф. Е. Е. Голубкова;
канд. филол. наук, доц. Е. В. Рыжкина;
канд. филол. наук Г. В. Грачев;
д-р филол. наук, проф. З. А. Харитончик (Минск, Беларусь);
канд. филол. наук, проф. Виолета Янувлевичене (Вильнюс, Литва);
канд. филол. наук, доц. Е. В. Александрова (ответственный секретарь)

Издание входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2015

Издание зарегистрировано 10 октября 2014 г. ЭЛ № ФС77-59634 Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (РОСКОМНАДЗОР)
Доменное имя сайта: VESTNIK-MSLU.RU

Учредитель: ФГБОУ ВПО МГЛУ

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ

Беляевская Е. Г.

Фрейм, концепт, концептуальная метафора – синонимы?
(о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики)9

Голубкова Е. Е.

Динамика синонимических отношений
(корпусный анализ прилагательных).....21

Киосе М. И.

О динамике прямого и непрямого статуса номинации в тексте29

Гусева О. А.

Анализ семантики глаголов смеха.....37

Ларионова М. А.

Маркеры «события» в англоязычном экономическом новостном
дискурсе (на материале текстов, описывающих судебные решения
в экономической сфере).....44

Ананьева К. А.

Особенности загадки как жанра игрового дискурса56

Евдокимова Е. М.

Формы объяснения семантики термина в англоязычном
научно-популярном тексте67

Раздел II

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОВЫХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ НОМИНАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Зыкова И. В.

Разновидности процесса фразеологизации
с позиции лингвокультурологического подхода79

<i>Стебелькова Н. А.</i>	
Влияние социальных факторов на формирование и развитие фразеологизмов как единиц языка.....	92
<i>Прянишникова А. Д.</i>	
О варьировании точки зрения в английских многозначных лексемах «lecture» и «carpet»	98
<i>Голикова Т. О.</i>	
Одушевление предметов и понятий в художественной и в живой речи.....	108
<i>Касатова И. А.</i>	
Динамика эвфемистического потенциала в диахронии.....	112
<i>Канашина С. В.</i>	
Семиотическая природа интернет-мема. Интернет-мем как симулякр.....	118
<i>Ткаченко А. В.</i>	
Особенности концептуализации понятийного пространства «office» неологизмами английского языка	126
<i>Волынец Ю. П.</i>	
Динамика оценочного потенциала цитаты в англоязычном медиадискурсе	137
<i>Соколова А. В.</i>	
Ономастопозэтические имена собственные как специфическое явление детской литературной сказки.....	148

Раздел III

СЕМАНТИКА ПРОСОДИИ И НЕВЕРБАЛИКИ

<i>Цибуля Н. Б.</i>	
Динамический аспект жестов и просодии (на материале британского и американского вариантов английского языка)	162
<i>Кудинова Е. С.</i>	
Динамика изменений невербалики и просодии.....	170
<i>Безбородова М. В.</i>	
Диалектное нивелирование и географическая диффузия в Великобритании	179

CONTENTS

Section I

NEW METHODS OF STUDYING DYNAMIC PROCESSES IN THE LANGUAGE

Beliaevskaya E. G.

Frame, Concept, Conceptual Metaphor – Synonyms?
(on the correlation of research methods in cognitive linguistics) 9

Golubkova E. E.

Dynamics of Synonyms (corpus-based analysis) 21

Kiose M. I.

Dynamic Status of Direct and Indirect Names in Text 29

Guseva O. A.

Semantic Analysis of “Laughing” Verbs 37

Larionova M. A.

Event Markers in English Economic News Discourse
(based on economic news items about court settlements) 44

Ananyeva K. A.

Riddles as a Game Discourse Genre 56

Evdokimova E. M.

Means of Disclosing the Meaning of Terms
in English Popular Science Texts 67

Section II

DYNAMIC ASPECT OF NEW NOMINATIONS IN ENGLISH

Zykova I. V.

Types of the Process of Phraseologism-Formation
in a Linguoculturological Perspective 79

Stebelkova N. A.

The Impact of Social Factors on the Formation and Development
of Phraseological Units 92

<i>Prianishnikova A. D.</i>	
On Variability of Point of View in the English Polysemantic Lexemes “Lecture” and “Carpet”	98
<i>Golikova T. O.</i>	
Personification of Things and Realia in Literary Discourse and in Everyday Talk.....	108
<i>Kasatova I. A.</i>	
The Dynamics of Euphemistic Potential in the Diachronic Aspect.....	112
<i>Kanashina S. V.</i>	
Semoitic Identity of Internet Meme. Internet Meme as a Simulacrum	118
<i>Tkachenko A. V.</i>	
The Conceptualization of the Peculiarities of the «Office» Notional Space by Neologisms of the English Language	126
<i>Volynets Yu. P.</i>	
Evaluation Dynamism of Quotation in English Media Discourse.....	137
<i>Sokolova A. V.</i>	
Onomatopoeic Proper Names as a Specific Phenomenon of Children's Literary Fairy Tale	148

Section III

SEMANTICS OF PROSODY AND NON-VERBAL COMMUNICATION

<i>Tsibulya N. B.</i>	
Dynamic Aspect of Gestures and Prosody	162
<i>Kudinova E. S.</i>	
Dynamics of Gesture and Prosody	170
<i>Bezborodova M. V.</i>	
Dialect Levelling and Geographical Diffusion in Great Britain	179

Раздел I

НОВЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ЯЗЫКЕ

УДК 81'1

Е. Г. Беляевская

доктор филологических наук, профессор,
кафедра стилистики английского языка ФГПН МГЛУ
тел.: 8 (499) 245 13 60

ФРЕЙМ, КОНЦЕПТ, КОНЦЕПТУЛЬНАЯ МЕТАФОРА – СИНОНИМЫ? (о соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики)

В статье рассматривается вопрос о порядке использования фреймовых семантик, концептуально-метафорической репрезентации и концептуального анализа при изучении языкового материала. Обосновывается положение о том, что в отличие от методов структурной лингвистики методы когнитивной лингвистики образуют методологический комплекс, в рамках которого следует применять несколько методов одновременно для обеспечения эффективности исследования.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; концепт; методы лингвистического анализа; фреймовые семантики; концептуальная метафора; концептуальный анализ.

E. G. Beliaevskaya

Ph.D., Professor, Department of English Stylistics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
tel.: 8 (499) 245 13 60

FRAME, CONCEPT, CONCEPTUAL METAPHOR – SYNONYMS? (on the correlation of research methods in cognitive linguistics)

The paper discusses the procedure of applying conceptual analysis, frame semantics, and reference to conceptual metaphoric representations in the study of language material in cognitive research. It is shown that unlike the methods of structural linguistics which were relatively independent and were usually applied consecutively the methods of cognitive linguistics form a methodological complex where different procedures are to be applied concurrently to ensure a result serving to effect the purpose.

Key words: cognitive linguistics; concept; methods of linguistic analysis; frame semantics; conceptual metaphor; conceptual analysis.

Практически все исследователи, занимающиеся изучением разного рода терминосистем, сходятся в том, что семантика терминов формируется под влиянием двух прямо противоположных тенденций. С одной стороны, термины как обозначения специальных научных понятий стремятся к однозначности и к определенной «семантической точности», поскольку это свойство необходимо для обеспечения научной коммуникации. Действительно, если два исследователя используют один и тот же термин, но вкладывают в него разное смысловое содержание, это в значительной степени будет затруднять понимание и обмен научной информацией. С другой стороны, любой исследователь непроизвольно «приспосабливает» используемое им научное понятие, во-первых, к той научной концепции, которой он придерживается, и, во-вторых, к конкретным задачам проводимого исследования. В результате точные и строгие научные понятия подвергаются некоторой вариативности.

Некоторая «размытость» семантики терминов характерна в большей степени для гуманитарных наук, в частности для лингвистики, и в меньшей степени – для естественных наук, таких как физика и др. Причина этого заключается в том предмете, который изучает та или иная наука. Лингвистика изучает язык – субстанцию крайне изменчивую и тесно связанную с человеческим мышлением и с особенностями коммуникации в человеческом сообществе. Соответственно лингвистические понятия по большей части абстрактны, многообразны и изменчивы, и их труднее выделить и отграничить друг от друга. Это подтверждается тем, что имеются разные подходы и разные определения даже таких базовых языковых единиц, которые имеют материальное воплощение, таких как *фонема*, *морфема*, *слово*, *частица*, *предложение*, *текст* и т. д.

Следует при этом отметить, что при изучении языковой **семантики** вариативность терминологии значительно возрастает, поскольку значения и смыслы нематериальны и, следовательно, их труднее зафиксировать и точно определить.

На современном этапе развития языкознания как науки сложности, возникающие при определении лингвистических понятий, усугубляются тем, что на рубеже XX и XXI вв. в лингвистике сформировалась новая парадигма лингвистического знания – когнитивная лингвистика. В отличие от сравнительно-исторической и структуральной

парадигм лингвистического знания [1], в рамках которых разрабатывались более формализованные методы лингвистического анализа, в минимальной степени учитывающие семантическую составляющую языковых явлений, демонстрация принципов новой парадигмы началась с рассмотрения проблем семантики. Поэтому становление новой парадигмы лингвистического знания должно было привести к «столкновению» терминов традиционной семантики и тех терминов, которые появились в рамках когнитивной лингвистики для обозначения новых понятий и новых подходов к изучению значимой стороны языковых явлений.

Кроме того, основной целью когнитивной лингвистики стало объяснение того, как формируются и функционируют языковые (в основном *семантические*) сущности. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «лингвистика, в задачу которой неизменно входило и входит требование *описания* ее объектов, становясь зрелой в куновском смысле наукой, должна ... всё более приобретать *объяснительный* характер. Когнитивная наука предоставляет ей эти возможности, то есть расширяет рамки возможных в лингвистике и так необходимых для нее объяснений» [5, с. 5–6]. Вследствие особого характера объекта лингвистических исследований – языка, который является основным и важнейшим средством получения, хранения, переработки и передачи информации и который предназначен, таким образом, для кодирования и декодирования смысла в процессе коммуникации, объяснение языковых фактов требует обращения к ментальным процессам говорящего и слушающего. Доступ исследователя ко всему, что касается мыслительных процессов, крайне затруднен, однако моделирование *ментальных оснований* пользования языковой системой в процессе коммуникации при когнитивном подходе к анализу языковых явлений необходимо, поскольку оно составляет саму суть когнитивной лингвистики. Неслучайно поэтому в когнитивных исследованиях появились такие понятия (и соответственно термины), как *концепт*, *ментальное пространство*, *ментальные структуры*, *концептуальные структуры*, *фреймы*, т. е. вся та терминология, которая касается ментальных процессов, лежащих в основе пользования языком.

Как уже отмечалось выше, в настоящее время в семантических исследованиях термины когнитивной лингвистики используются совместно с терминами традиционной (структурной) семантики такими

как, например, значение, смысл, семантическая структура, сема, денотат, денотация, коннотация. В результате может возникнуть (и чаще всего возникает) терминологическое смешение, путаница, когда в качестве синонимичных и взаимозаменяемых используются *концепт* и *сема*, *концептуальная структура* и *семантическая структура*, *семантическая структура* и *фрейм*. Как взаимозаменяемые также часто используются и сами термины когнитивной лингвистики: *концепт*, *фрейм*, *ментальное пространство*, *концептуальная метафора*.

Такая высокая вариативность в использовании терминологии имеет свои причины. Первая причина достаточно очевидна: понятия когнитивной лингвистики, связанные с ментальными основаниями дискурсивной деятельности человека, оказываются близкими друг другу, поскольку ментальные процессы трудно разграничить; также трудно выделить их концептуальные составляющие. Однако нас интересуют менее очевидные причины терминологической вариативности, обусловленные методологией когнитивных исследований языкового материала.

Если рассматривать ключевые понятия когнитивной лингвистики как указания на возможные методы анализа языкового материала¹, то следует рассмотреть практику применения этих методов и постараться понять, где и в чем они пересекаются. Покажем, как действуют методы когнитивной лингвистики на конкретном примере, взятом из современной английской фразеологии.

Допустим, поставлена задача исследовать некоторую группу фразеологизмов. Вопрос о методах исследования возникает уже на этапе отбора языкового материала, возможно, даже до постановки конкретной исследовательской задачи. В настоящее время во фразеологии принято два основных критерия формирования выборки на фразеологическом материале – структурный и семантический.

Структурный критерий реализуется в двух вариантах, которые иногда сочетаются друг с другом. Во-первых, могут отбираться фразеологизмы, в составе которых реализуется некоторое слово-компонент. Например, можно отбирать все английские фразеологизмы со словом *time*. Или же можно отбирать фразеологизмы со словами, принадлежащими к одной семантической или тематической группе, например фразеологизмы с соматизмами, со словами-обозначениями атмосферных явлений (*snow, rain, storm, etc.*). Во-вторых, по структурному

¹ Подробнее см. [3].

принципу могут отбираться фразеологизмы, построенные по некоторой структурной модели, например «all+существительное» (all eyes, all ears, all smiles, all hours).

Семантический принцип отбора языкового материала предполагает формирование выборки фразеологизмов, объединенных некоторым общим значением. Представление о «некотором общем значении» также многообразно, поскольку можно говорить об одной общей семе в семантике фразеологизмов (например, о семе *движения*) или об общей объединяющей ряд фразеологизмов идее «занять чье-либо место», которую вряд ли можно признать «элементарной составляющей смысла» – семей. Но можно ли считать эти семантические основания выборки *концептами*, вокруг которых объединяются группы фразеологических единиц?

Термин «концепт» в когнитивных исследованиях в настоящее время трактуется по-разному. Тем не менее представляется, что различные определения концепта более или менее единообразны и сводятся к тому определению, которое дается в «Кратком словаре когнитивных терминов»: «Понятие К. отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессе мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” **знания**» [4, с. 90]. Разногласия в основном относятся к тому, что следует понимать под языковым воплощением концепта. Концепт можно определить как максимально обобщенный ментальный конструкт, вербализуемый множеством языковых средств (например, концепты *добро, красота, разум, истина, ложь* и т. д.), и в этом случае аналогом концепта в структурной семантике будет семантическое поле. Отметим, что здесь имплицитно предполагается, что концепт представляет собой комплекс, состоящий из ментального конструкта и множества языковых средств, репрезентирующих его в языковой системе. Концепт может также пониматься как условная ментальная единица, являющаяся составным элементом концептуальных структур, лежащих в основе семантики языковых и речевых единиц [2]. Во второй трактовке концепт – это чисто ментальная сущность, которая в равной степени может использоваться при конструировании более сложных ментальных структур и при изучении языковых средств, с помощью которых он реализуется в дискурсивной деятельности человека.

Если принять эту трактовку концепта, то можно говорить о том, что отбираемый в ходе исследования языковой материал соотносится с некоторым концептом, причем этот принцип применим и к структурным критериям формирования исследовательской выборки. Действительно, всякая структурная модель имеет свое смысловое основание. Например, приведенная выше модель «all + существительное» (all eyes, all ears, all smiles, all hours) строится на концепте *всеобщности* (все без исключения), который в семантике соответствующих фразеологизмов может преобразовываться в сему интенсивности. В свою очередь соматизмы соотносятся с концептом *тело человека*, сема «движения» непосредственно соотносится с концептом *движения* и т. д.

Дальнейшее исследование, осуществляемое после формирования выборки языкового материала, может проводиться с помощью разных методов когнитивной лингвистики в зависимости от поставленной исследовательской задачи. Допустим, поставлена задача определить факторы, обеспечивающие формирование коннотации фразеологизмов, построенных по данной структурной модели. Рассмотрение семантики фразеологизмов показывает, что единицы данной группы характеризуются как положительной, так и отрицательной оценочной коннотацией (маркеры коннотации в дефиниции подчеркнуты):

All ears – *coll* keen to listen to what is about to be said (+) [9];

All eyes – *coll* watching keenly and attentively (+) [9];

All hours – unusual hours, e.g. very late or very early (–) [9];

All smiles – seem very happy and friendly (–) [10];

All thumbs – informal to be unable to control your hands, for example, because you are nervous (–) [10].

Поставленную исследовательскую задачу можно решить, обратившись к фреймовым семантикам.

Фрейм в самом общем виде определяется как ментальная или когнитивная структура (или структура памяти), отражающая знание данного социума о некотором фрагменте действительности. Фрейм представляет собой многослойную конструкцию, которая включает в себя не только все языковые средства, необходимые для речевой передачи информации о некотором фрагменте действительности (собственно *фрейм*), но также и схематизированное представление об этом фрагменте, включенное в общую систему знаний человека о мире (*схему*).

В отобранной нами для анализа группе фразеологизмов, построенных по модели «all + существительное», первый компонент указывает на интенсивность (большое количество) того объекта, который соотносится с некоторым фрагментом действительности. Вторым компонентом рассматриваемых фразеологизмов может быть проанализирован с точки зрения стоящей за ним структуры знаний о мире. На основании инференции можно прийти к выводу о том, что интенсивное восприятие визуальной информации (all eyes) и слуховой информации (all ears) может быть оценено положительно, поскольку оно обеспечивает максимальную эффективность коммуникации, т. е. позволяет как можно больше увидеть и услышать. Фразеологизм all hours, соотносимый с русским выражением *в любое время*, при наложении на соответствующий фрагмент действительности обнаруживает амбивалентную оценочность, поскольку в знание человека о мире входит представление о том, что в течение суток есть время, когда человек активен и есть время, когда человек находится вне активной деятельности. Следовательно, можно говорить об экстремальной ситуации, когда необходимо быть активным в течение целых суток, и в этом случае фразеологизм может получить в контексте положительную коннотацию:

Is it too late to see nanny? – No she sits up to all hours with her wireless
(*Evelyn Waugh*) [9].

Но также может представиться ситуация, когда человека беспокоят в неурочное время и тогда оценочная коннотация может измениться на негативную. Рассмотрение фразеологизма *all smiles / charm / sweetness* показывает, что эта идиома содержит в своей семантике указание на *излишнюю* демонстрацию положительных эмоций, что в английском языковом сообществе оценивается отрицательно. В свою очередь идиома *all thumbs (to be all thumbs)* в составе поведенческих фреймов, очевидно, указывает на неспособность человека работать и на неумение себя вести, т. е. несет отрицательную оценку.

Проведенное нами рассмотрение процедуры анализа показывает, что понятие *концепта* и понятие *фрейма* тесно связаны между собой. Но есть и существенные различия, которые, прежде всего, заключаются во внутренней структуре этих двух ментальных конструкций. Фрейм, как уже отмечалось выше, основывается на концептуальной схеме, моделирующей соответствующий фрагмент

окружающей действительности. В этом плане формирование концептуальной схемы фрейма можно проводить до начала собственно анализа языкового материала. Структура концепта, напротив, может быть установлена только в ходе семантического анализа репрезентантов концепта в языковой системе. Таким образом, **концепт конструируется «от языка», а фрейм конструируется «от конкретной действительности»**. Вследствие этого становится понятным, что внутренняя структура концепта может не совпадать с внутренней структурой соответствующего фрейма. Именно эти различия фрейма и концепта определяют следующие контексты использования этих терминов:

Fillmore views *frames* not as additional means for organizing *concepts*... [6, с. 8]; a *frame* is any coherent body of knowledge presupposed by a word *concept* [6, с. 17].

Здесь необходимо упомянуть еще одну группу терминов когнитивной лингвистики – термины, объединенные общим компонентом «пространство» (*смысловое пространство, ментальное пространство, концептуальное пространство*). Все эти словосочетания, часто используемые нетерминологически, в своем терминологическом смысле обозначают то же самое, что и термины *концепт* и *фрейм*, однако при этом подразумевают *отсутствие внутренней структуры у обозначаемой ментальной сущности*. Из этого можно сделать вывод о том, что, говоря о смысловом пространстве, о ментальном или о концептуальном пространстве, исследователь просто очерчивает область, в которой будет проводиться исследование, по-видимому, предполагая, что впоследствии может оказаться, что эта область может быть структурирована как фрейм или же она может иметь какую-либо другую концептуальную структуру.

Если обратиться к термину *концептуальная метафора*, то, на первый взгляд, может показаться, что он никак не относится к той группе терминов, которые мы рассмотрели выше. Тем не менее мы постараемся показать, что это не так.

Прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что концептуальная метафора – это не *метафора* особого рода, а *концепт* особого рода, о чем основоположники теории концептуальной метафоры М. Джонсон и Дж. Лакофф заявили еще в своей первой работе «*Metaphors We Live by*» [7, с. 6]. Метафорический концепт представляет

собой сложную концептуальную конструкцию, состоящую из двух доменов, один из которых «спроецирован» на второй. Оба домена, соединенных метафорической проекцией, фактически представляют собой фреймы, и это явное указание на связь концептуальной метафоры с ранее рассмотренными понятиями когнитивной лингвистики.

Как метод когнитивных исследований языковых явлений *концептуальная метафора* «работает» несколько иначе, чем *концепт* и *фрейм*. Изучение концептуально-метафорических оснований семантики языковых единиц позволяет проследить процессы их формирования [3]. Например, (в сфере фразеологии) можно исследовать фразеологические единицы, восходящие к одной концептуально-метафорической модели (к метафоре ПУТЕШЕСТВИЯ, ОГНЯ, ИГРЫ, ОХОТЫ и т. д.), раскрыв особенности процесса фразеологизации.

При этом возможно обращение к концептуальным метафорам и в рамках тех исследовательских процедур, которые применимы к обычным, неметафорическим, концептам. Так, концептуальная метафора принимает активное участие в процессе лексической номинации, а также в процессе формирования разных видов дискурса.

Если метод обращения к концептуальным метафорам использовать для анализа фразеологического материала, отобранного по принципу «общего значения», то необходимо учитывать и фрейм «общего значения» – тот фрагмент действительности, с которым соотносится группа отобранных для анализа фразеологизмов.

В качестве примера приведем группу английских фразеологизмов с общим значением «занять чье-либо место»: *serve in one's stead*; *fill in for someone*; *pinch-hit for someone*; *take the rap for someone*; *go to bat for someone*; *be / fill in someone's shoes*; *turn the tables*; *give place to something / someone*, etc.

При анализе фразеологизмов этой группы придется констатировать, что они восходят к разным концептуальным метафорам. Фразеологизмы *be / fill in someone's shoes*, *fill in for someone* и *serve in one's stead* основываются на концептуальной метафоре КОНТЕЙНЕРА. Фразеологизмы *pinch-hit for someone*, *go to bat for someone* и *turn the tables* восходят к разным видам спорта и соответственно к концептуальной метафоре ИГРЫ. Семантика фразеологических единиц *give place to something / someone* и *take the rap for someone* формируется на основе концептуальной метафоры ОБЪЕКТИВАЦИИ.

Дальнейший анализ семантики данных фразеологизмов показывает, что их можно распределить по нескольким небольшим подгруппам, выделив:

- указание на смену позиции:

be / fill in someone's shoes – *coll* in someone's position or situation [9];
step into someone's shoes – to take over the duties, responsibilities, etc.,
of someone's else; take over someone's job [9];
serve / do something in one's stead – *formal* to do something that someone
else usually does or was going to do [10];

- указание на обстоятельства, обуславливающие смену позиции:

fill in for someone – to do someone's job for them while they are away [10];
pinch-hit for someone – pinch-hitter, baseball player who bats instead of
another in emergency, (*fig*) person acting as substitute [8];
go to bat for someone – *mainly Am E informal* to give someone your
support and help [8];

- указание на изменение ситуации в свою пользу:

turn the tables – *not fml* to change a situation so that one gains a position
of advantage (over one's opponent or enemy) after being at
a disadvantage [9];

- указание на насильственное изменение позиции:

take the rap (for smth) for someone – to be blamed or punished, especially
for something you did not do [10];

- указание на ненасильственное изменение позиции:

give place to something / someone – to be followed or substituted by [9].

Данная предварительная классификация показывает, что для уточнения результатов анализа обращение к концептуализации того фрагмента действительности, который послужил основанием для формирования выборки, приобретает особую важность. Необходимо учитывать, что в структуре концепта «занять чье-либо место» имеются два участника и некоторая ситуация, в которой участники действуют. Соответственно участники могут выступать как соперники или враги, и в этом случае концепт «занять чье-либо место» будет коррелировать с концептом «борьба», но могут выступать и как

друзья, делающие общее дело. Кроме того, ситуация может требовать замены позиций участников, но может и не требовать этого. Присутствует здесь также идея улучшения ситуации или ухудшения ситуации *до* или *после* смены позиций.

Иными словами, проведенная выборка языкового материала представляет собой **фрейм**, и для получения надежных результатов лингвистического анализа следует предварительно построить **концептуальную схему**, на которой этот фрейм основывается. Это не только позволит «не упустить» какие-либо фразеологизмы, относящиеся к данному фрейму, но и создаст основания для сопоставительного анализа фразеологического материала, например русского и английского языков. Кроме того, можно будет оценить активность тех или иных *метафорических концептов*, продуцирующих фразеологизмы на разных участках фрейма.

Подводя итоги, отметим, что в структурной лингвистике методы лингвистического анализа были более или менее независимы друг от друга и применялись не *одновременно*, а *последовательно*, например те результаты, которые не могли быть получены при дистрибутивном анализе, можно было получить, перейдя далее к трансформационному анализу. Анализ по непосредственным составляющим, дистрибутивный анализ, трансформационный анализ – все эти методы были применимы к разным уровням языковой системы, и каждый из них основывался на своей формальной процедуре, не связанной с формальными процедурами других методов. Напротив, **методы когнитивной лингвистики образуют исследовательский методологический комплекс**, где использование одного метода предполагает (и даже требует) применения других методов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляевская Е. Г. Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование : материалы Междунар. конф. – Калининград : Изд-во КГУ, 2003. – С. 60–72.
2. Беляевская Е. Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования : сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания ; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г. Р. Державина. – М. ; Калуга : Эйдос, 2007. – С. 60–69.

3. *Беляевская Е. Г.* Методы анализа лексической семантики в когнитивной лингвистике // Современная лингвистика: взаимодействие парадигм и школ. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 9–21. (Вестн. Моск. гос. лингв. ун-та; вып. 20 (706). Серия Языкознание.)
4. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
5. *Кубрякова Е. С.* Семантика в когнитивной лингвистике (о концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–12.
6. *Croft W. & Cruse D. A.* Cognitive Linguistics. – Cambridge : Cambridge University Press, 2007. – 356 p.
7. *Lakoff G. and Johnson M.* Metaphors We Live by. – Chicago : The University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
8. The Concise Oxford Dictionary. 6th ed. – Oxford : Oxford University Press, 1976. – 1368 p.
9. Longman Dictionary of English Idioms. – Harlow and London : Longman, 1980. – 387 p.
10. Macmillan English Dictionary. International Student Edition. – Oxford : Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1693 p.

УДК 81.119

Е. Е. Голубкова

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: katemg@yandex.ru

ДИНАМИКА СИНОНИМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ (корпусный анализ прилагательных)

В статье предпринят анализ семантики семи английских прилагательных с общим значением «strange» с целью выявления изменений в их семантике, наблюдаемых на основе анализа корпусных данных. Обнаруженные тенденции отражают динамику развития семантики синонимов, что имеет важные последствия для их лексикографического представления и для методики преподавания.

Ключевые слова: лингвистический корпус; синонимы; коннотация; частотность; семантическая доминанта.

E. E. Golubkova

Ph.D., Professor, Department of English Lexicology,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: katemg@yandex.ru

DYNAMICS OF SYNONYMS (corpus-based analysis)

The article describes the results of the corpus-based analysis of English synonyms with the common meaning “strange” with the aim to reveal some current trends in their semantics. The conclusions can be relevant for the lexicographic treatment of these adjectives as well as for teaching purposes.

Key words: linguistic corpus; synonyms; connotation; frequency; semantic dominant.

В статье хотелось бы остановиться на возможностях корпусного анализа синонимичных имен прилагательных и показать, что посредством корпуса возможно определить некоторые тенденции в развитии их семантики и более точно описать процесс перераспределения значения между членами одной лексико-семантической группы (ЛСГ) и их дальнейшего лексикографического разграничения как синонимов.

ЛСГ с общим значением «странный» достаточно репрезентативна, так как отклонения от нормы встречаются часто и являются маркированными членами любой аксиологической категории.

В статье проводится анализ семантики группы прилагательных, объединенных значением **STRANGE** (STRANGE, ODD, WEIRD, QUEER, BIZARRE, FREAKISH, ECCENTRIC), с опорой на корпусные данные с целью обнаружения некоторых новых тенденций в развитии их значения и возможности их дальнейшего лексикографического разграничения как синонимов [3; 5; 6].

Напомним, что синонимия является относительным лингвистическим понятием и показывает лишь очень приблизительное сходство значений языковых единиц. Кроме этого синонимии можно рассматривать как градуированную категорию, некоторую шкалу близости значений единиц номинации, имеющих общие семантические признаки. Изучая семантические особенности близких по значению слов, можно перемещаться по данной шкале, выявляя качественные параметры близости и различий значений как денотативного, так и коннотативного плана. Лингвистические корпуса становятся важным инструментом подобного анализа, так как, кроме богатого эмпирического материала, предоставляют статистические данные (частотность) и профиль встречаемости единиц в дискурсах различных жанров [4]. Значительно расширяя границы традиционного семантического исследования, корпус позволяет диагностировать некоторые неуловимые «невооруженным глазом» тенденции в развитии семантики изучаемых прилагательных, которые могут привести к перераспределению отношений в этой небольшой парадигме и свидетельствуют о постоянной динамике в системе языка, обусловленной внутрilingвистическими и экстралингвистическими событиями. Актуальность определяется как лексикографическими, так и дидактическими нуждами.

Исследование проходило в три этапа: анализ словарных данных, в том числе и этимологических словарей; работа с корпусом (выявление типичных сочетаемостей; анализ контекстов, анализ «хронологической активности» синонимов по годам и по жанрам); сопоставительный антонимический анализ [1].

Прилагательное *strange* является бесспорной доминантой в данном синонимическом ряду, о чем свидетельствует частота употребления этого слова – 25 484 раза [4].

Таблица 1 показывает распределение прилагательного *strange* по регистрам с предпочтительным его использованием в жанре художественной литературы.

Таблица 1

Section	All	Spoken	Fiction	Magazine	Newspaper	Academic
Freq	25484	4091	12328	4028	2888	2149
Per Mil	54.92	42.80	136.33	42.15	31.49	23.60
See All Sub-Sections at Once						

По данным словарей число значений «STRANGE» варьируется от 1 до 9, но два значения эксплуатируются наиболее часто:

1. unusual or surprising; difficult to understand or explain;
2. not previously visited, seen, or encountered; unfamiliar or alien.

Спонтанная выборка по корпусу свидетельствует о том, что при-
марное значение «STRANGE» действительно является центральным
для данного прилагательного (в 187 контекстах из 200 оно встрети-
лось в данном значении). В дальнейшем мы будем проводить сравне-
ние семантики остальных членов ЛСГ с ее доминантой.

Изложим основные результаты наших наблюдений за функциони-
рованием шести прилагательных из ЛСГ STRANGE в корпусе.

В паре STRANGE – ODD, обладающей высокой степенью близос-
ти денотативного компонента значения, наблюдается существенное
различие в регистре употребления: ODD преимущественно исполь-
зуется в разговорном языке. В отношении одушевленных предметов
STRANGE используется для описания идей, убеждений, верований,
представляющихся необычными, в то время как ODD появляется
в контекстах странного / девиантного поведения и действий:

Rousseau was a deeply *STRANGE man*. It has been said of him that *he labored under the illusion that changes within his own life mirrored the great transformations of Western civilization*. Even today the popular impression is that *Rousseau wanted us to abandon civilization and live the life of a noble savage*. But Rousseau explicitly disclaims any such intention. “Although I want to form the man of nature,” he writes, “the object is not to make him a savage and

relegate him to the depths of the woods” (*D’Souza, D. Freedom and Its Abuses // American Spectator. 2002 (May / June). Vol. 35 Issue 3, p. 34, 4p, 1c*).

Прилагательное WEIRD превосходит STRANGE по интенсивности характеристик странности, что объясняется, вероятно, влиянием первого словарного значения данного прилагательного – *suggesting something supernatural; unearthly*, – на второе, приводящим к значению: *something very STRANGE in a mysterious or frightening way*.

No, no. Listen. Haven’t you guys noticed how **WEIRD things** have gotten around here? **Like, people disappearing, people turning up dead...** (*Buffy the Vampire Slayer // #Just no. 1992*).

Прилагательное QUEER было впервые зафиксировано в своем дисфемистическом значении в начале XX в., позднее превратившись в эвфемизм, обозначающий «same-sex relations» [2]. Возможно, оно обязано своей этимологией немецкому *quer* «oblique, perverse» (XVI в.), хотя на этот счет мнения этимологов расходятся.

Таблица 2 показывает флуктуации частотности QUEER с 1810 по 2000 гг., заметно падение частотности в 20-х гг., что, видимо, связано с развитием пейоративного значения у данного слова.

В настоящее время QUEER проходит стадию семантического сдвига, сопровождающегося сужением значения ввиду преимущественно эвфемистического или дисфемистического употребления слова (люди соответствующей ориентации используют его как дисфемизм), ср. с *gay*.

В паре STRANGE – BIZARRE различие в интенсивности признака, зафиксированное словарными данными, подтверждается корпусом и дополняется тенденцией употребления «BIZARRE» в контекстах, описывающих крайне странное и девиантное поведение объекта:

It’s a company that does **BIZARRE things** like *planting millions of trees in Guatemala (to make up for the carbon dioxide produced by its facilities) and asking teams of hourly workers to manage its multimillion-dollar cash-reserve funds*. No doubt I sounded a little sceptical when I asked one of the technicians about the latter practice (*Case, J. Corporate culture // Inc. Vol. 18 Issue 16. 1996 (Nov). P. 42, 8p, 7c*).

Dr. Alzheimer based his research on the case of **Frau Auguste D.**, a society matron whose **BIZARRE behavior** brought her to his attention. **Examining her brain after she died**, Alzheimer observed parts of brain cells twisted into WEIRD tangles, and he found deposits of sticky protein gunk now called amyloid plaques, the two hallmarks of the disease (*A New Day: Hope for Helping Alzheimer’s Patients May Be Near // CBS_Morning. – 2000.09.24*).

Таблица 2

SECTION	1810	1820	1830	1840	1850	1860	1870	1880	1890	1900	1910	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000
FREQ	7	22	101	133	292	306	552	591	702	947	1232	1275	985	713	477	335	184	152	115	89
PER MIL	5.93	3.18	7.33	8.29	17.73	17.94	29.74	29.09	34.08	42.86	54.27	49.70	40.04	29.28	19.43	13.97	7.73	6.00	4.12	3.01

В семантике FREAKISH в фокусе находится исключительность странного объекта описания, зачастую с отрицательной коннотацией, что объясняет относительно низкую (по сравнению с другими синонимами) частотность данного слова при его высокой частотности в отношении аномальных погодных явлений, которые становятся всё более частыми в настоящее время.

It reminds me of the old circus sideshows, where once you paid to get inside the tent, you were asked to fork over an extra half a buck to see something especially **FREAKISH – the two-headed baby or the half-man, half-woman**, whatever (Edwards, B. *Many may watch title fight just to see if Tyson will do something outrageous : Commentary // NPR_Morning. 2002.06.05*).

And 2011s **FREAKISH weather** followed a blockbuster 2010 for extreme weather, which featured a Russian **heat wave** and ensuing forest fires that caused an estimated 56,000 deaths; **epic flooding** in Pakistan that displaced 20 million people; and one of the **busiest Atiantic hurricane seasons on record** (MacDonald, Ch. *The Freak Weather // E : The Environmental Magazine. Mar/Apr 2012*).

Прилагательное ECCENTRIC было заимствовано в английский язык через латынь из греческого *ekkentros*, от **ek** «от» + **kentron** «центра». Переносное значение, ставшее в настоящее время центральным (of a person or their behaviour) unconventional and slightly STRANGE), было зафиксировано в 1620 г. В отличие от своих соседей по ЛСГ ECCENTRIC характеризуется преимущественно положительной коннотацией и характеризует людей с выдающимися интеллектуальными и творческими способностями.

A friend once described me as “charmingly **ECCENTRIC**.” I’m not sure about my being charming, but I can’t deny the **ECCENTRIC part**. I’m not ECCENTRIC like **Howard Hughes or the Rain Man character – just, perhaps, a wee bit short of completely normal**. In fact, two experts on autism have told me I have certain “autistic characteristics” (Boyd, G. A. *Created for community // Christian Century. May 19, 2009. Vol. 126, Iss. 10; pg. 20, 4 pgs*).

Наблюдается также тенденция к «легкой» эвфемизации ECCENTRIC для обозначения *very STRANGE or even crazy* особенно в отношении обличенных властью и деньгами мужчин (с существительными *auctioneer, billionaire, millionaire; genius and artist*), что объясняется социально-мотивированным контекстом.

Caren, it was interesting. There's a quote in your piece that sets up the situation, again going back to resources: *If you are poor and have these kinds of conditions, you are considered crazy. If you're wealthy, you're considered ECCENTRIC* (Making The World Work For Adults With Autism // Talk of the Nation. – 2010.09.15. 3:00 PM EST NPR).

ECCENTRICs, the study revealed, aren't dysfunctional. *It's just that their thought processes are, well, unusual. Their IQs are high, perhaps in the top 10 to x5 percent; a large proportion of the extremely gifted are ECCENTRIC* (Congdon, T. The Wizards of Odd // Forb. 1998 (Fall). Vol. 162 Issue 6, p. 110–120, 10 p, 8 bw).

Корпусный анализ в сочетании с дефиниционным и этимологическим позволил выявить дополнительные различия синонимичных прилагательных:

- в интенсивности передаваемой характеристики (STRANGE / ODD – WEIRD – BIZARRE);
- в различии регистра употребления (STRANGE / BIZARRE / ECCENTRIC versus ODD / WEIRD / FREAKISH);
- в различии коннотаций приписываемой имени характеристики (ECCENTRIC versus FREAKISH; ODD versus WEIRD; BIZARRE; FREAKISH);
- в социальной детерминированности выбора характеристики объекта (ECCENTRIC, QUEER).

Корпусный мониторинг близких по значению слов позволяет, таким образом, отслеживать некоторые тенденции развития их семантики и процесс перераспределения значения, что имеет важные последствия для лексикографической практики и тактики объяснения их значения студентам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голубкова Е. Е. Прилагательные сквозь призму их сочетаемости с именами существительными в английском языке (на материале прилагательных размера) // Современные лингвистические парадигмы: фундаментальные и прикладные аспекты : по материалам Третьих чтений памяти О. Н. Селиверстовой. – М. : МГПУ, 2009. – С. 48–55.
2. Порохницкая Л. В. Культурологические и когнитивные принципы эвфемии в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 21 с.

3. *Biber D., Conrad S., Reppen R.* Corpus Linguistics: investigating language structure and use. – New York : Cambridge University Press, 1998. – P. 4–11.
4. *Davies M.* The Corpus of Contemporary American English: 450 million words, 1990-present. – URL : <http://corpus.byu.edu/coca/>
5. *Edmonds P.* Semantic Representativeness of Near Synonyms for Automatic Lexical Choice. – Toronto : University of Toronto, 1999. – P. 3–35.
6. *McEnery T., Hardie A.* Corpus Linguistics. – New York : Cambridge University Press, 2012. – P. 6–27.

УДК 81; 811.161.1; 811.111

М. И. Киосе

кандидат филологических наук, доцент,
докторант сектора теоретического языкознания
Института языкознания РАН, г. Жуковский, Россия
e-mail: maria_kiose@mail.ru

О ДИНАМИКЕ ПРЯМОГО И НЕПРЯМОГО СТАТУСА НОМИНАЦИИ В ТЕКСТЕ¹

В статье исследуются зависимости между техниками наименования референта в тексте и статусом номинации, прямым или непрямым. Обосновывается возможность выявления когнитивных параметров, определяющих номинацию как прямую или как непрямую. На примере одного параметра (тип интеграции образов референта, согласование и рассогласование) демонстрируется динамический статус номинации в тексте.

Ключевые слова: статус номинации; прямая и непрямая номинация; техники наименования; параметры наименования; согласование и рассогласование.

M. I. Kiose

Ph.D., Assistant Professor,
Doctorate degree searcher, Russian Academy of Sciences
(Institute of Linguistics), Zhukovsky, Russia
e-mail: maria_kiose@mail.ru

DYNAMIC STATUS OF DIRECT AND INDIRECT NAMES IN TEXT

The article investigates the dependent character of direct and indirect names status in text which is determined by the choice of particular naming operations. This choice is viewed as regulated by a number of cognitive parameters, whereas the same parameters serve to define the name status. The article specifies one parameter (the type of cognitive referents integration, analogy and disanalogy) as illustrating the dynamic names status in the text.

Key words: names status; direct and indirect names; naming operations; naming parameters; analogy and disanalogy.

Статус номинации в тексте – прямой и непрямой – в сравнении с ее языковым статусом является более гибким; он подвержен изменениям, отражающим функциональную природу наименования. Динамические переходы в паре «прямая – непрямая номинации», как и динамические отношения техник собственно непрямого наименования,

¹ Исследование осуществлено при финансовой поддержке Российского научного фонда. Проект №14-28-00130.

убеждают в необходимости установить основания такой функциональности, т. е. некоторые когнитивные факторы, которые определяют номинацию как прямую или непрямую в тексте.

О том, что решение вопроса о текстовом статусе номинации представляет собой сложную исследовательскую проблему, свидетельствуют следующие примеры с использованием номинации *ноги* (здесь во всех случаях она выступает в роли подлежащего, притом что сказуемое выражено активным глаголом):

- (1) Прилечь Колюша прилег, но спать не мог. Тело болело, *ноги* ныли [6, с. 35].
- (2) А *ноги* меж тем вели его к водокачке [2, с. 502].
- (3) О, чьи-то знакомые *ноги* пришли [13, с. 102].
- (4) На дорогу вышли *ноги*. На поясе брюки стягивал ремень, а выше ничего не было [4, с. 216].

В первом случае номинация однозначно определяется как прямая за счет отнесения к референту именно ноги. Во втором номинация также прямая, однако отмечаем, что это происходит не за счет означивания референта ноги, а за счет модификации фразеологической модели *ноги несут (ведут) кого-л. куда-либо*. В третьем примере номинация воспринимается как непрямая, референтом выступает человек, а не ноги. В четвертом примере номинация сначала в момент восприятия определяется как непрямая, а потом оказывается прямой.

Может показаться, что разграничение прямой и непрямой номинаций происходит только из-за того, что мы задействуем только одно ментальное пространство (далее МП), в нашем случае МП Ноги в первых двух случаях; и интегрируем различные МП, в нашем примере МП Ноги и МП Человек в третьем и в четвертом. Возможность такого разграничения постулируется в концепциях интеграции ментальных пространств¹.

При этом многие случаи динамического статуса номинации не могут найти объяснения с опорой на положения данных концепций. Рассмотрим некоторые примеры текстовых номинаций:

- (5) – Пстой-ка, – продолжал *мордастый*. <...> *Мордастый* взвыл, завалился в снег. <...> – Ладно, убогий, иди! – милостиво разрешил *мордастый* [11, с. 88].

¹ См., например [16–20].

Последняя номинация в силу своей повторяемости по отношению к одному и тому же текстовому референту начинает восприниматься иначе, чем первая непрямая номинация.

- (6) – Не помню, – сказал *Медвежонок*. – Еще бы! – вздохнул Ежик. – Ты всю зиму говорил, что ты – *снежинка*. Я так боялся, что ты растаешь к весне [10, с. 87].

Для Ежика, который произносит эти слова, номинация *снежинка* прямая, как, возможно, и для ребенка, которому читают эту сказку. А для взрослого она определяется как непрямая.

- (7) Дедушка подошел, увидел ручку и говорит:
– Вот *молодцы*, ребятки! Только приехали – и за работу сразу... Кто это придумал к калитке вторую ручку прибить? [12, с. 131].

Здесь номинация одновременно и прямая характеризующая, так как актуализируется часть пространства Люди или Дети (возможность быть положительно оцененными). В то же время фиксируется сближение МП Люди и МП Деятельность, которая оценивается отрицательно, за счет чего происходит рассогласование элементов, «получающих положительную и отрицательную оценку», и номинация определяется как непрямая.

Все эти случаи и многие другие свидетельствуют о необходимости разработки комплексного подхода к феномену разграничения прямой и непрямой номинаций в тексте.

Данная проблема не получила своего решения, потому что, хотя объектом анализа в разное время становились различные отношения (между референтом текста и его образами в логико-референциальных концепциях, между образом референта и номинациями в ономаσιологических и семасиологических концепциях, между самими образами в когнитивных концепциях), интегрированного анализа данных отношений применено не было.

Философские и логико-семиотические концепции при этом подсказывают, что для решения данной проблемы необходимо принять во внимание всю сложную систему отношений между референтом текста, его образами и номинациями.

Еще одной причиной нерешенности проблемы является то, что не прямые номинации либо рассматриваются изолированно от прямых, либо в бинарной оппозиции, что не дает возможности определить

основания динамического статуса номинации. Поэтому мы обратились именно к цепочечным проявлениям номинаций в тексте.

Изначально мы предположили, что, конструируя образы референтов, автор задействует те или иные техники, задавая статус номинации – прямой или непрямой – с помощью некоторых параметров. Читатель, определяя эти параметры по текстовым сигналам, устанавливает статус номинации. То есть сам текст должен быть достаточным для того, чтобы читатель смог понять, какая номинация перед ним, а анализ текста должен помочь выявить как параметры разграничения прямой и непрямой номинаций, так и отличия в техниках конструирования.

Путем анализа более 3,6 тыс. кореферентных бинарных и цепочечных оппозиций прямой и непрямой номинаций в русскоязычных и в англоязычных текстах (в данной работе положения иллюстрируются на материале русского языка), мы выявили техники наименования с участием прямых и непрямых номинаций. Это техники концептуализации, концептуальной трансформации и языковой репрезентации. Исследование техник наименования на предмет статуса номинации позволило определить группу параметров, определяющих номинацию как прямую или как непрямую. Однако процесс наименования не может быть представлен как алгоритмизированная схема, управляемая параметрами. В реальной номинативной деятельности, связанной с реализацией личностных смыслов, человек демонстрирует «лингвокреативный потенциал мышления» [8, с. 50] и «резервы языкового творчества» и «языковую рутину, привносимую внутренней формой слова из глубины веков» [7, с. 537, 541], реализуя различные ее этапы. Но мы можем подвергнуть анализу счетное множество параметров прямого и непрямого наименования, не выстраивая их в единый алгоритм, который жестко свяжет референт и номинацию. Как отмечает О. К. Ирисханова, «эвристический принцип решения полагается не на просчитанные алгоритмы, а на интуицию» [8, с. 45].

Одним из таких параметров, существование которого не предполагается в концепциях интеграции ментальных пространств, является параметр согласования или рассогласования элементов в структуре интегративного образа референта. Его выявление становится возможным благодаря анализу техники интеграции разных образов референта в тексте.

Продемонстрируем некоторые особенности реализации данной техники и покажем, какова роль фокусных элементов¹ при согласовании и рассогласовании образов референта при интеграции образов.

- (8) За двадцать лет на твою кошку уйдет тысяча четыреста сорок рублей; а на Кыша – в полтора раза больше: *две тысячи сто шестьдесят рублей*. Все сотрудники ужаснулись.
– Это – *Запорожец!*
– *Целая дача!* – сказал другой.
– *Несколько мотоциклов,* – добавил третий [1, с. 66].

Здесь между образами референта «Сумма денег» (деньги, потраченные на еду собаке) и «Потенциальные покупки» фиксируется проявление согласования. Это происходит за счет того, что в фокусе обоих образов находится элемент «дорогой», при том что в нефокусном положении находятся рассогласующиеся элементы, здесь – это элементы «необходимый и относящийся к предметам роскоши», «предназначенный для живого существа и материальное».

Рассмотрим пример рассогласования.

- (9) Васков вышел за околицу, оглядел свою «*гвардию*»: винтовки чуть прикладом по земле не волочатся. <...> Засмеялись *девчонки* [3, с. 162].

Здесь в фокусе при сближении двух образов референта «Девушки на войне» оказываются рассогласующиеся элементы «воинственный, готовый к сражению и мирный, невоенный». Об этом свидетельствуют текстовые сигналы *винтовки чуть прикладом по земле не волочатся*. В нефокусном положении при сближении образов оказываются согласующиеся элементы «одетые по-военному».

Можно сделать вывод о том, что согласование и рассогласование разграничиваются посредством выдвижения в фокусное положение согласующихся или рассогласующихся элементов образов референта. Основным фактором, определяющим технику трансформации образа референта (согласование или рассогласование), можно считать положение этих элементов в фокусе или вне его.

Анализ примеров убедительно доказывает, что сама фиксация рассогласования образов референта однозначно служит указателем на то, что перед нами непрягая номинация. То есть параметр согласования

¹ О фокусировании и дефокусировании см. [9].

и рассогласования является жестким параметром при определении статуса номинации в тексте.

Однако могут быть выявлены сдерживающие факторы, которые осложняют процесс разграничения согласования и рассогласования. Так, в тексте может быть реализован прием перехода согласования в рассогласование или совместная актуализация согласования и рассогласования в пределах одной непрямой номинации при смене перспективы и удвоении перспективы.

Покажем на некоторых примерах:

- (10) – И всё же философы утверждали, что теория сера, а вечно дерево жизни, – говорил Ричард.
– *Знаток*, – сказал Голицын. – Между прочим, какой это философ утверждал?
– Из древних [5, с. 18].

Смена согласования рассогласованием в кореферентной оппозиции *Ричард* – *знаток* обеспечивается сменой адресанта. Номинацию *знаток* мы воспринимаем как прямую с характеризующим фокусом. Однако, когда оказывается, что Ричард не может ответить на вопрос, какой философ привел озвученную им цитату (измененную цитату Мефистофеля из «Фауста» И. В. Гёте), мы понимаем, что номинация *знаток* была иронически использована Голицыным как означающая образ, конструируемый с участием техники рассогласования с участием двух образов – Образованный человек и Необразованный человек. Фокус «незнающий» рассогласуется с центром интегративного образа «образованный». В этом случае статус номинации меняется на непрямой, она определяется как непрямая характеризующая.

- (11) (из диалога политического заключенного и женщины) Носков
я просто не ношу. Я ношу *гордость нашего русского убранства* –
портянки [14, с. 252].

В примере одновременная актуализация согласования и рассогласования обеспечивается наличием двух участников ситуации: говорящего и слушающего. Для первого участника номинация определяется как прямая, так как элемент «вызывающий *гордость*» определяется им как часть образа «Портянки». Но мы не можем не обратить внимания на то, что номинация *гордость* используется иронически. Это можно объяснить адресацией данной реплики.

Далее по тексту:

Его внезапные переходы от строгости к насмешке всегда пугали и забавляли Емину [14].

Для собеседницы, не являющейся членом мира политических заключенных, образ Портянки не включает в себя данный элемент. Поэтому, произнося данную реплику, заключенный одновременно конструирует два образа Портянки₁ и Портянки₂ на основе согласования и рассогласования.

Рассмотрим еще один пример одновременной реализации согласования и рассогласования.

(12) И начало в нем [Матроскине] закипать революционное возмущение. Кот Матроскин решил создать подпольную организацию. Он пригласил всех в свой подпол. – Назревает революционная ситуация. *Низы* не могут, а *верхи* (он постучал пальцем в потолок) не хотят жить по-старому [15, с. 277–278].

Пример реализует согласование по классифицирующему фокусу (находящиеся пространственно вверху и внизу) для адресата-ребенка. Номинация определяется ребенком как прямая. Для взрослого сближение образов кота Матроскина, Шарика (номинация *низы*) и тети дяди Федора (номинация *верхи*) происходит посредством согласования МП «Обычные жители» и «Политические силы» по характеризующему фокусу «управляющие» и «управляемые» и одновременно посредством рассогласования МП «Детская литература» и «Литература для взрослых» по фокусу «находящийся в сфере знаний взрослого», поэтому номинация определяется как непрямая.

Таким образом, одна и та же номинация в тексте может быть рассмотрена как означающая образ, который конструируется с использованием техники согласования и рассогласования, что во многих случаях может способствовать различному толкованию статуса номинации. Однако установление рассогласования как техники конструирования интегративного образа референта однозначно определяет статус номинации как не прямой. Поэтому параметр согласования и рассогласования образов референта можно отнести к жесткому при определении статуса номинации.

Исходя из высказанных замечаний, мы полагаем, что прямая и не прямая номинации в тексте – понятия, которые могут рассматриваться

только относительно друг друга в данном тексте с учетом текстовой конвенции наименования. Это положение обуславливает динамический статус номинации в тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алешковский Юз.* Кыш и два портфеля. – М. : АСТ, 2010. – 704 с.
2. *Астафьев В.* Печальный детектив. рассказы. – М. : Эксмо, 2011. – 640 с.
3. *Васильев Б.* А зори здесь тихие. – М. : Эксмо, 2005. – 768 с.
4. *Гераскина Л.* В стране невыученных уроков // Сказочные повести. – М. : Интерфейс, 1993. – С. 213–300.
5. *Гранин Д.* Иду на грозу. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – 514 с.
6. *Гранин Д.* Зубр. – СПб. : Лениздат, 2012. – 384 с.
7. *Демьянков В. З.* Новаторство лингвистической теории и креативность речи // В пространстве языка и культуры: Звук, знак, смысл : сб. ст. в честь 70-летия В. А. Виноградова. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 535–542.
8. *Ирисянова О. К.* О лингвокреативной деятельности человека: Отглагольные имена. – М. : ВТИИ, 2004. – 352 с.
9. *Ирисянова О. К.* Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М. : Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
10. *Козлов С.* Зимняя сказка. – СПб. : Азбука-классика, 2010. – 128 с.
11. *Лиханов А.* Чистые камушки. – Киев : Нурергон, 1990. – 798 с.
12. *Носов Н.* Фантазеры [Рассказы]. – М. : Махаон, 2006. – 322 с.
13. *Попов В.* Грибники ходят с ножами. – М. : БЛИЦ, 1998. – 240 с.
14. *Солженицын А. И.* В круге первом. – М. : Азбука-классика, 2006. – 768 с.
15. *Успенский Э.* Всё Простоквашино. – М. : Астрель, 2001. – 672 с.
16. *Coulson S.* Semantic leaps: Frame-shifting and conceptual blending in meaning construction. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 305 p.
17. *Fauconnier G.* Conceptual blending and analogy // *The Analogical mind: Perspectives from cognitive science* / D. Gentner, K. J. Holyoak, B. N. Kokinov (eds.). – Bradford Books, 2001. – P. 254–285.
18. *Fauconnier G., Turner M.* The way we think: Blending and the mind's hidden complexities. – Basic Books ; Persus Books Group, 2002. – 440 p.
19. *Fauconnier G.* Generalized integration networks // *New directions in cognitive linguistics* / V. Evans, S. Pourcel (eds.). – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2009. – P. 147–160.
20. *Grady J. E.* Metaphor // D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.). *The Oxford handbook of cognitive linguistics.* – Oxford University Press, 2007. – P. 188–213.

УДК 81'373.421

О. А. Гусева

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: gouseva_olga@rambler.ru

АНАЛИЗ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛОВ СМЕХА

В статье представлен анализ вербальной составляющей концептуальной сферы «смех», репрезентированной в английском языке глаголами, именуемыми смеховые действия – laugh, giggle, chuckle, snigger, cackle и т. п. При анализе словарных толкований смеховых глаголов выделяются такие компоненты значения, как характер звучания, причина смеха, оценочность и проч. В работе также использован метод этимологического анализа.

Ключевые слова: смех; невербальные реакции; этимология.

O. A. Guseva

Ph.D., Assistant Professor, Chair of English Lexicology,
Department of Humanitarian and Applied Sciences, MSLU
e-mail: gouseva_olga@rambler.ru

SEMANTIC ANALYSIS OF “LAUGHING” VERBS

In this article we present the analysis of the verbal component of the conceptual sphere “laughter”, that is of English verbs denoting “laughing” actions – laugh, giggle, chuckle, snigger, cackle etc. A thorough analysis of dictionary definitions gives the primary clue to the conceptual bases. For instance, the definitions of “laughing” verbs provide such components of meaning as manner, reason, assessment, spontaneity, etc. Besides analysing definitions, the etymological analysis was used.

Key words: laugh; non-verbal reactions; etymology.

Смех – явление, находящееся под пристальным вниманием многих ветвей научного знания: психологии, психиатрии, социологии, культурологии и лингвокультурологии, истории, этнологии. Смех относится к невербальным реакциям наряду со вздохами, с кашлем, шмыганьем носом, плачем и даже с молчанием, которые уже давно изучаются в разных областях науки, в том числе и в лингвистике.

В лингвистике смех можно рассматривать в рамках теории коммуникации, анализа дискурса, семантики. В данной статье мы поговорим о глаголах, обозначающих смеховые действия в английском языке и, по возможности, сравним их с их русскими переводными эквивалентами.

Поставленная цель непременно возвращает нас к одной из базовых проблем языкознания, волнующих умы ученых уже не одну сотню лет – где заканчивается действительность и где начинается язык? Как известно, языковая картина мира отличается от концептуальной и научной. В свою очередь языковая картина мира зависит от конкретного языка и, следовательно, в каждом языке представлена по-своему. Чисто технически это выражается в количестве слов в том или ином языке и, более узко, в количестве значений каждого слова. В одном языке оттенки значения лексикализованы и представлены целым рядом лексических единиц, в другом языке эти же значения (или даже некие представления о них) есть, но они не лексикализованы в рамках лексических единиц данного класса и передаются описательно при помощи дополнительных слов.

Подобную ситуацию мы можем наблюдать при изучении глаголов, обозначающих различные виды смеха в английском языке.

Глаголы, обозначающие смеховые действия в русском и в английском языках, очень различаются по своей семантике. Если обобщить имеющуюся картину, то в русском языке в основном три глагола, обозначающих основные разновидности смеха: *смеяться*, *хохотать* и *хихикать*. Все остальные имеющиеся обозначения образуются от этих трех с использованием различных средств словообразования, чаще всего с помощью приставок (*посмеиваться*, *расхохотаться*, *подхихикивать*). Остальные смысловые оттенки передаются либо описательным путем (*злобно хихикать* или *смеяться до упаду*), либо сленговыми или просторечными выражениями (как чисто глагольными, так и сочетаниями с существительными) – *зубоскалить*, *гоготать*, *надорвать животики* и пр. Причем в сленге часто используются глаголы (и выражения), в семантике которых изначально не заложено значение смеха, например, *ржать*, *прыскать*, *держаться за бока*, *заливаться* и т. д.

В английском языке поле смеховых глаголов носит гораздо более дифференцированный характер. Самые распространенные лексические единицы, несущие на себе семантику смеха, сводятся к следующим: *laugh*, *giggle*, *chuckle*, *snigger*, *titter*, *guffaw*, *roar*, *cackle*, т. е. в английском языке, в отличие от русского, лексикализовано больше оттенков смысла.

Комплексный подход к изучению концептуальной сферы «смех» начинается с изучения словарных дефиниций. Анализируя толкования

восьми наиболее частотных глаголов, представленные в четырех словарях («Longman», «Macmillan», «Webster», «Oxford»)¹, мы выделили слова, при помощи которых строится толкование.

Во-первых, это собственно глагол *laugh*, который мы считаем общим термином (generic term) / гиперонимом для остальных глаголов. Согласно толковым словарям, это основной глагол, обозначающий смех. Разные словари дают схожие дефиниции, лишь немногими деталями отличающиеся друг от друга. Обобщая эти данные, можно сказать следующее:

- 1) словарь «Macmillan» акцентирует внимание на звуковом проявлении смеха (noise) и на его причине (smth is funny / stupid);
- 2) словарь «Longman» выявляет такие составляющие смеха, как звук (sounds) и мимику (smiling);
- 3) словарь «Webster» более дифференцирован в своих толкованиях, хотя опирается на те же компоненты: звук, мимика, причина смеха;
- 4) «Оксфордский словарь» отличается терминологической сложностью и развернутостью формулировок и аналогично выделяет звук, мимику и причину смеха. К этому добавляется лишь физическое движение – *shaking of the sides*.

Итак, в семантике этого глагола, во-первых, отражено выражение радости и / или сарказма, во-вторых, присутствует описание изменений мимики (with a smile; facial distortion) и телесных проявлений (shaking of the sides), а в-третьих, неизбежно упоминается звук (breathing out forcefully; chuckle or explosive sound; inarticulate sounds).

Глагол *laugh* стоит в начале дефиниции каждого из указанных смеховых глаголов, следовательно, можно предположить, что в структуре их значений так или иначе присутствуют признаки, свойственные глаголу *laugh*.

Во-вторых, это прилагательные и наречия, описывающие конкретные проявления и характеристики смеха, например *loud, nervous, excited, silly* и др. Все они подпадают под определенную классификацию и представлены в таблице. Для удобства восприятия все они выражены прилагательными, как бы давая ответ на вопрос «What is this kind of laugh like?». Все данные прилагательные логично распадаются на шесть групп, первые три из которых представлены физическими

¹ См. [1; 2; 4; 5].

параметрами – громкость, продолжительность и дискретность, другие три – коммуникативными – эмоция / манера, коммуникативная оценка, контроль (см. табл.).

Таблица

	volume	duration	discreteness	emotion / manner	communicative assessment	control
giggle	quiet	continuous	repeated	excited amused nervous	foolish silly childish	uncontrolled
snigger	quiet	–	–	light	disrespectful unkind unpleasant rude	suppressed covert
titter	quiet	–	–	embarrassed nervous affected	unkind silly	suppressed covert
chuckle	quiet	–	convulsive	vehement exultant	satisfied pleased	inward suppressed
cackle	loud	short	spasmodic	henlike	unkind unpleasant gloating ¹	–
guffaw	loud	–	–	boisterous	rude	–
roar	loud	long	–	boisterous	–	without restraint

Итак, для каждого типа смеха вырисовывается свой набор компонентов значения:

giggle – тихий, продолжительный, повторяющийся, нервный / возбужденный / изумленный, глупый, неконтролируемый;

snigger – тихий, легкий, неуважительный / неприятный / грубый, сдержанный;

titter – тихий, смущенный / нервный / жеманный, глупый, недобрый, сдержанный;

¹ Прилагательным *gloating* мы заменили фразу из дефиниции «taking pleasure in someone's bad luck».

chuckle – тихий, судорожный, страстный / ликующий, довольный, сдержанный;

sackle – громкий, кратковременный, судорожный, кудахтающий, неприятный / злорадный;

guffaw – громкий, бурный, грубый;

roar – громкий, долгий, бурный, несдержанный.

Как видно, в некоторых случаях смех может служить для характеристики культурного уровня человека (*guffaw*), его отношения к объекту смеха (*snigger*), а также для характеристики типа личности (пол, возраст). К примеру, *giggle* с большей вероятностью будет характерен для подростков и женщин, а *chuckle* – для мужчин.

Не менее интересные (и временами неожиданные) результаты дает анализ происхождения данных глаголов.

Если взглянуть на семантику глагола *laugh* в диахроническом разрезе и изучить этимологию, то можно вплотную подойти к исконным значениям, которые и сформировали основу для развития современной семантической структуры.

Согласно этимологическим словарям, глагол *laugh* имел в древнеанглийском языке форму *hliehhan*, что соответствует древневерхненемецкой *hlahhen*, готской *hlahian*, что восходит к германскому корню **hlah-* и протогерманскому **klak-*, что, возможно, сродни индоевропейской основе **klok-*. Как отмечают составители словарей, очевидно, это звукоподражательное слово и.-е. **klak-*, которое в схожих формах и значениях встречается в других языках.

В словаре Покорного [3] дается интересная информация об этой индоевропейской основе **klak-* (она же *klēg-*, *klōg-*, *klang-*, *kleg-*, *kleig-*, *kleik-* и др.). Каждый представленный вариант, в свою очередь, является развитием звукоподражательного слова *kel-* («звать»). В латыни глагол *clangō, -ere* означает «гремять (о трубе), кричать, каркать (о птицах)». В греческом существительное с этой основой означает «звон, шум, гул, смутный шум», а глагол – «кричать, звучать». В церковнославянском существовал глагол *кликнути* («вскрикивать, взывать»). Из этой же основы, по всей видимости, развился английский глагол *to call* («звать, звонить, окликать»).

Вырисовывается интересная картина: глагол *to laugh* опосредованно может быть приравнен к глаголу *to call*. Выходит, что в основе *смех* – стремление привлечь внимание.

Еще один пример смехового глагола – *to chuckle* («усмехаться, фыркать»). Согласно словарю «Webster», это звукоподражательное слово происходит от *chuck* (среднеанглийское *chucken*) – «кудахтать». На первом плане в семантике этого глагола – негромкие, отрывистые звуки, похожие на кудахтанье. Принято считать, что это исключительно мужской тип смеха, тогда как женщинам (девушкам, девочкам) больше свойственно *giggling* – «хихиканье».

Глагол *to chortle* – еще один интересный случай «смехового» глагола. Это авторский окказионализм (его автором является Льюис Кэрролл), образованный слиянием двух глаголов *to chuckle* и *to snort*.

Остальные глаголы также имеют интересное происхождение. Все они изначально – звукоподражательные слова, причем до сих пор существующие в разных видах в родственных и соседствующих языках (голландском, шведском, немецком, датском, кельтском и пр.). В основном это подражание птичьему голосу, причем именно кудахтанью и гоготанью, как, например, в глаголах *cackle* (который сходен с *gaggle*) и *chuckle*, и лошадиному ржанию, как в глаголе *snigger* (*snicker*). С другой стороны, это может быть подражание звуку человеческого шепота, как в глаголе *titter*, или даже просто хохоту или хихиканью, как в глаголах *guffaw* или *giggle*.

Итак, проведенный анализ семантики глаголов с компонентом «смех» показал, что такое богатство смысловых оттенков в рамках небольшого набора лексических единиц еще раз демонстрирует разнообразие языковой картины мира: в английских глаголах лексикализовано множество оттенков, физические параметры реального смеха могут не полностью отражаться в языковом значении или дополняться другими (коммуникативными – например, оценочностью или наличием / отсутствием контроля). Выделенные семантические признаки (громкость, продолжительность и пр.) на более высоком уровне абстракции представляют собой концептуальные составляющие, лежащие в основе семантики единиц, объективирующих изученную лексико-семантическую группу. Данное предположение может служить толчком к поиску единого концептуального основания группы глаголов с компонентом «смех» в современном английском языке.

Кроме того, проведенный этимологический анализ позволил проникнуть вглубь значения изучаемых единиц и показал, что на начальном этапе формирования семантики основным компонентом,

к которому в дальнейшем добавлялись и следующие компоненты, было подражание крикам животных. Это дает основания для проведения последующих исследований и еще раз доказывает необходимость использования этимологических данных для более полного проникновения в смысловую структуру слов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow : Pearson Education Ltd., 2000. – 1568 p.
2. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 p.
3. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. – Bern : A. Francke AG Verlag, 1959. – 3 B. – URL : <http://www.proto-indo-european.ru/dic-pokorny/index.html>
4. The Concise Oxford Dictionary of Current English. – Oxford : Oxford University Press, 1995. – 1264 p.
5. Webster's New Collegiate Dictionary. – 1975. – 1535 p.

УДК 81'42

М. А. Ларионова

аспирант кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ,
старший преподаватель, кафедра «Иностранные языки-2»,
кредитно-экономический факультет,
Финансовый Университет при Правительстве РФ
e-mail: margaritl@mail.ru

**МАРКЕРЫ «СОБЫТИЯ»
В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ НОВОСТНОМ ДИСКУРСЕ
(на материале текстов, описывающих судебные решения
в экономической сфере)**

В статье рассматриваются языковые средства, используемые при конструировании текстового представления о событии. Особое внимание уделяется способам репрезентации события как важного, исключительного, уникального явления, что отличает «событие» из ряда сходных понятий, таких как «факт», «ситуация».

Ключевые слова: событие; фрейм; экономический дискурс; оценочная лексика.

M. A. Larionova

Post-graduate student, Department of English Lexicology, MSLU
e-mail: margaritl@mail.ru

**EVENT MARKERS IN ENGLISH ECONOMIC NEWS DISCOURSE
(based on economic news items about court settlements)**

The present paper looks at what linguistic means are used while constructing a text image of an event, focusing on what makes it an event, marking it off as something important, unique and outstanding.

Key words: event; frame; economic discourse; evaluative vocabulary.

Экономический дискурс в последнее время всё больше интересует исследователей-лингвистов. Экономика занимает важное место в жизни людей, стран, наций, и соответственно о ней много говорят, пишут, ее обсуждают. Под экономическим дискурсом понимают совокупность всех речевых актов, используемых при описании и характеристике экономических реалий [2, с. 158]. Экономический дискурс – это интерактивное взаимодействие участников общения в сфере финансово-кредитных, налоговых, коммерческих, предпринимательских отношений [3, с. 5].

Язык бизнеса довольно динамичен, поскольку экономическая ситуация меняется очень быстро. Любое, даже незначительное на первый взгляд, событие может координально поменять соотношение сил на рынке, изменить биржевые котировки, ухудшить положение компании и т. д. Экономический дискурс – это мир событий, за которыми успешным людям, бизнесменам, экономистам необходимо неустанно следить и быть в курсе основных изменений. В этом им помогают масс-медиа и, в частности, экономический новостной дискурс.

Событийная семантика является достаточно хорошо изученной с точки зрения системного лингвистического подхода. К ней обращались такие исследователи, как Л. Талми, Т. ван Дейк, В. З. Демьянков, И. В. Якушева, О. К. Ирисханова, В. Я. Шабес. В рамках разных подходов, разработанных в этих исследованиях, была выявлена структура события, определены его признаки и установлена специфика события на фоне других смежных понятий таких, как «факт» и «ситуация».

В зависимости от подхода предлагаются разные определения события. Основные разногласия у исследователей возникают по вопросу о том, считать ли «исключительность» события ведущим критерием его выделения. В рамках нашей работы «необычность» события является очень важной характеристикой, и поэтому мы принимаем определение события О. К. Ирисхановой, согласно которому, событие представляет собой целостный фрагмент картины мира, отражающий локализованное во времени и в пространстве изменение, важность и уникальность которого отмечены социумом или индивидом [1, с. 6].

В нашем исследовании мы рассматриваем экономические события и их отражение в экономическом дискурсе. Иными словами, мы полагаем, что сам текст построен как отражение некоторого события, имевшего место в сфере экономики. Анализу подвергаются тексты новостного экономического дискурса. Целью исследования является рассмотрение языковых средств, используемых при конструировании текстового представления о событии и, следовательно, отражающих его исключительность в новостном дискурсе.

Материалом для исследования послужило около 800 текстов англоязычного (британского и американского) экономического новостного дискурса из следующих источников: «The Economist», «New York Times», «Financial Times», «The Wall Street Journal», «CNN Money», «BBC news» за период с 2011 по 2015 гг. На данном этапе рассматривались тексты одной тематики – «судебные решения относительно

экономических вопросов». Это могли быть новостные тексты, описывающие постановления различных инстанций – суда, регулятора, властей, неких административных органов – относительно компаний или представителей компаний. Смысловое ядро данной тематической группы текстов составляют такие понятия, как «ruling», «sentence», «settlement», а также синонимичный ряд понятий «штраф, неустойка» – «damages, fines, penalty».

В ходе исследования первоначально конструировался фрейм «судебные решения относительно экономических вопросов», лежащий в основе семантики рассматриваемой группы текстов.

Базовый набор элементов этого фрейма выглядит следующим образом (см. рис. 1).

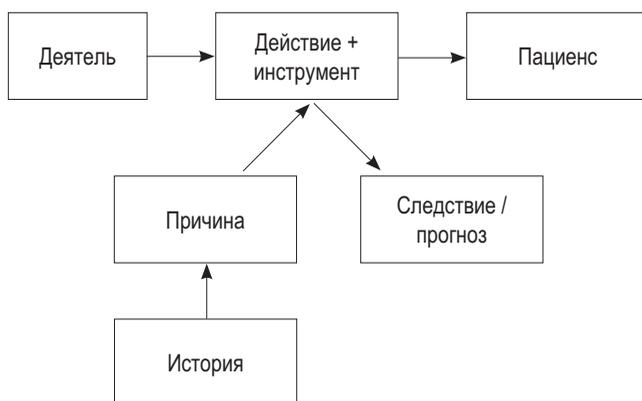

Рис 1. Фрейм «судебные решения по вопросам экономики»

Поскольку данный фрейм лежит в основе текстов судебно- административной тематики, блок «деятеля» в основном представлен каким-либо административным органом, т. е. неким органом власти, регулятором, судом различной инстанции, выносящим то или иное решение: *a court of arbitration, federal jury, regulators of different levels, authorities*.

Далее в рассматриваемом фрейме идет блок самого действия – чаще всего выраженный глаголом действия в сочетании с ядерным компонентом, указывающим на характер решения – это может быть постановление о выплате штрафа (to award damages), обращение в суд (to bring charges), решение суда (to issue a ruling), отмена решения суда (to lift a ban) и т. д.

В составе фрейма всегда присутствует «пациенс» – тот, кто пострадал или приобрел в результате судебного решения, – чаще всего это какая-нибудь компания или банк, или физическое лицо. Достаточно часто пациенс упоминается с указанием на то, чем занималась та или иная компания, организация или ее конкретный представитель.

Наличие блоков «причины» и «следствия / прогноза», а также блока «истории» в рамках данного подхода зависит от степени развернутости новостного сообщения. Блок причины включает в себя объяснения того, чем было вызвано обращение в судебные органы, или того, что вызвало юридическое вмешательство судебных органов. Этот блок достаточно часто сопровождается блоком «истории» – более подробным описанием действий, приведших к описываемому в тексте результату. Блок «следствия / прогноза» раскрывает детали урегулирования или решения и описывает возможные последствия для «пациенса», или же для отрасли, государства, для той или иной компании, где функционирует «пациенс».

Примером реализации данного фрейма является следующий текст:

- (1) “The World Bank” fined two subsidiaries of “Alstom”, a French engineering company, for allegedly offering bribes to secure a contract in Zambia, and barred the subsidiaries from future projects (“*The Economist*”, Feb 25 – March 03, 2012) [5].

Как видно из приведенного выше примера, базовые компоненты фрейма дают нам описание произошедшего: Всемирный банк, т. е. регулятор (ДЕЯТЕЛЬ) оштрафовал (ДЕЙСТВИЕ) дочерние предприятия (ПАЦИЕНС) за взятки (ПРИЧИНА), которые были даны с целью получения контракта в Замбии (ИСТОРИЯ), что в результате привело к запрещению будущих проектов (СЛЕДСТВИЕ). Рассмотрим вопрос о том, является ли ситуация, описанная в тексте, событием.

Многие исследователи высказывают мнение о том, что Событие от Факта и Ситуации отличает обязательное присутствие оценочной составляющей. О. К. Ирисханова в числе многих других исследователей особо подчеркивает, что оценка значимости является обязательной для событийных имен наряду с оценкой вероятности события: «Явление может быть названо событием, если оно при условии сохранения всех свойств и обстоятельств совершения происходит достаточно редко» [1, с. 10]. Таким образом, оценочная составляющая события необязательно связана со шкалой «хорошо–плохо», однако

реализация указаний на особенности, превращающие ситуацию в событие, должна фиксировать «исключительность» происходящего.

В рассматриваемой группе текстов можно выделить небольшое число новостных сообщений, когда событие разворачивается непосредственно вокруг событийного существительного: *dispute*, *scandal*, т. е. прямых указаний на неординарность происходящего.

- (2) “Olympus” commenced proceedings for damages against current and former directors whom it accuses of neglecting their duties in an *accounting scandal* (“*The Wall Street Journal*”, Jan 12, 2012) [6].
- (3) An agreement was reached in an *acrimonious four-year dispute* over the stake that LVMH, a big French luxury-goods company, accumulated in «Hermès», a smaller rival (“*The Economist*”, May 19–25, 2012) [5].
- (4) The first arrests were made in relation to an *accounting scandal* at “Olympus” that has rocked Japan’s corporate world. The company’s former chairman, his deputy and the corporate auditor, who all left last year after the company admitted to wrongdoing, were among those arrested (“*The Economist*”, Feb 18–24, 2012) [5].

При реализации существительных «*dispute*», «*scandal*» не требуется дополнительных маркеров событийности, так как эти единицы уже заключают в себе негативную характеристику и указание на относительно низкую частотность происходящего:

Scandal is an occurrence in which people are shocked and upset because of behavior that is morally or legally wrong / something that is shocking, upsetting, or unacceptable [4]; *Dispute* is a debate, controversy, or a quarrel [4].

При анализе изучаемых кратких информационных сообщений экономического характера было выявлено, что группа подобных текстов весьма малочислена и насчитывает не более 7% от общего числа рассмотренных текстов.

Проведенное изучение языкового материала показывает, что с целью указания на необычность и / или значимость происходящего, его уникальность, а следовательно событийность, могут быть задействованы различные способы, и наиболее частотными из них являются следующие:

- использование количественных показателей;
- использование усеченных цитат;
- использование оценочной лексики;

- использование интенсификов;
- использование образных выражений;

Рассмотрим их подробнее и начнем с наиболее распространенного маркера событийности – использования количественных показателей.

Количественные показатели непосредственно указывают на неординарность происходящего, так как сразу дают понять, какие экономические данные выделяют событие из ряда многих подобных. Цифры в новостном экономическом дискурсе присутствуют почти всегда, независимо от развернутости новостных сообщений и достаточно часто реализуются во фреймовом блоке «действия»:

- (5) “Halliburton” reached a \$1.1 billion settlement with plaintiffs over its role in the Gulf of Mexico oil-spill disaster in 201 (“*The Financial Times*”, May 22, 2012) [7].
- (6) “Citigroup” agreed to pay \$590m to settle a lawsuit launched in 2007 by some shareholders who claimed the bank had misled them about its exposure to subprime mortgage debt (“*The Economist*”, Sept 1–8, 2012) [5].

Как видно из примера (5), сумма в 1,1 млрд долларов достаточно значительна сама по себе, в особенности, если учитывать, что это размер мирового соглашения, т. е. это та сумма, которую компании придется выплатить одновременно из своей операционной прибыли. Нетрудно догадаться, что это крайне неблагоприятное событие для нефтяной компании, которое может негативно сказаться на ее дальнейшем развитии.

В примере (6) компания «Ситигруп» согласилась выплатить 590 млн долл. США отступных, чуть больше полмиллиарда – сумма также весьма внушительная. Указанные цифры даже неспециалисту дают понять, что в судебном решении указаны очень крупные суммы, и в результате становится очевидным, что это редко встречающиеся случаи, и, следовательно, происходящее можно считать событием.

Очень часто одних только количественных показателей недостаточно, и для усиления указания на значимость события в новостном сообщении может использоваться сравнительная оценка:

- (7) American regulators slapped a \$9 billion fine on “BNP Paribas”, the biggest bank in France, for violating American sanctions when it processed transactions through New York on behalf of clients in Sudan, Cuba and Iran. *The penalty is the biggest imposed on a bank for breaking sanctions, through the scale of the fine in relation to the value of the transactions*

is smaller than that meted out in some previous cases, such as against "Standard Chartered" ("The Economist", Jul 5–11, 2014) [5].

- (8) America's Justice Department handed out its *biggest penalty to date* for contaminating the environment. "Anadarko Petroleum" is to pay \$5.2 billion, the bulk of which will go to cleaning up sites contaminated by an energy company it bought in 2006. The company was sued by the federal government, 11 states and the Navajo nation; the plaintiffs had originally sought \$25 billion. *Anadarko's fine is even bigger than the \$4 billion slapped on BP for the Deepwater Horizon oil spill* ("The Economist", Apr 12–18, 2014) [5].

Использование развернутых сравнений является достаточно ярким маркером уникальности происходящего, так как имплицитно показывает, какой категории происшествий принадлежит то или иное событие. Оно как бы задает шкалу уникальности – «самый большой», или «самый маленький» – и упорядочивает событие относительно этой шкалы. Сравнение также задает немного другие, более четкие, координаты события, вводя нескольких пациентов или указывая на различие или схожесть «причин» произошедшего, которые помогают более четко определить необычность соответствующего судебного решения. Штраф, который должна выплатить компания «Anadarko Petroleum» (пример (8)), на сегодняшний день является самым большим, наложенным когда-либо на какую-нибудь компанию. Он даже больше штрафа, который была вынуждена заплатить компания BP за разлив нефти в Мексиканском заливе (до настоящего времени он превышал все известные судебные штрафы).

Уникальность ситуации в примере (7) с банком «BNP Paribas» заключается в том, что размер штрафа, который предстоит выплатить банку, является самым большим в данной категории нарушений законодательства. Тем не менее он меньше суммы, вырученной от сделок, т. е. полученной банком прибыли, и является небольшим наказанием, особенно в процентном соотношении с предыдущими случаями подобных нарушений.

Еще один достаточно частотный признак событийности в нашем материале реализуется посредством усеченных цитат. Усеченная, или сегментированная, цитата приводится для того, чтобы дать оценку происходящему, но при этом сохранить объективность, дистанцироваться от ситуации, поскольку оценка исходит от автора цитаты, а не от автора новостного сообщения:

- (9) A civil trial began in New Orleans to determine the culpability of BP and others for the explosion on the Deepwater Horizon rig in 2010 that killed 11 men and caused the worst offshore oil spill in American history. The government accuses BP of “*willful misconduct*” (“*The Economist*”, *March 2–8, 2013*) [5] (*misconduct* – wrong behavior: behavior or activity that is illegal or morally wrong) [4].

Упоминание *misconduct* – «нарушения закона» – усиливается указанием на умышленное (*willful*) действие, что ставит описываемое событие в ряд крайне нежелательных и неблагоприятных.

Рассмотрим еще один пример.

- (10) “Lloyds” was fined £218 m for manipulating benchmark interest rates, of which £70m was for meddling with the “repo” rate, used to calculate how much it should pay back to the “Bank of England” following a bail-out. The BOE described Lloyds’s behaviour as “highly reprehensible” (“*The Economist*”, *Aug 2–8, 2014*) [5] (*reprehensible* – very bad: deserving very strong criticism) [4].

В примере (10) поведение банка названо крайне предосудительным и достойным порицания, что указывает не только на нарушение законодательства, но и на моральную оценку (*highly reprehensible*) происходящего обществом.

Наконец, перейдем к таким указывающим на необычность события маркерам событийности, как использование оценочной лексики, использование интенсификаторов как указания на важность события, а также использование образности, выполняющей аналогичные функции. Как показало проведенное нами исследование, эти маркеры событийности обычно реализуются совместно.

Что касается использования оценочной лексики, это может быть глагол, прилагательное, наречие, существительное. Достаточно часто в данной модели формирования событийности присутствует ядерный компонент *fine* (штраф) – в сочетании с глаголом – *to give a fine, to levy a fine*. Однако на практике это сочетание преобразуется в такие оценочные выражения, как *to slap a fine* (to cause to strike with a motion or sound like that of a blow with the open hand) [4]:

- (11) The government in the Spanish region of Catalonia *slapped a €30 000 (\$41 000) fine* on “Airbnb”, which markets private short-term room rentals in cities around the world (“*The New York Times*”, *Jul 17, 2014*) [8].

- (12) Benjamin Lawsky, New York state's financial regulator, *slapped a \$300 m fine* on "Standard Chartered" for failing to comply with anti-money laundering procedures it had agreed to as part of a previous settlement in 2012 (*"The Economist"*, Aug 23–29, 2014) [5].

Примером использования прилагательных с целью дать оценку происходящему могут служить следующие случаи, когда упоминание «проблемных» ценных бумаг и «хищных» трейдеров позволяет наиболее ярко охарактеризовать неблагоприятные ситуации, сложившиеся на рынке:

- (13) "Citigroup" reached a settlement with American authorities for knowingly selling toxic mortgage-backed securities before the financial crisis (*"The Economist"*, Jun 28–Jul 4, 2014) [5] (*Toxic* – very bad, unpleasant, harmful; denoting a debt which has a high risk of default [4]).
- (14) New York state's attorney general brought charges against "Barclays" for allegedly lying to investors about its safeguards to protect them from predatory high –frequency traders in the bank's dark pool investments (*"The New York Times"*, Aug 25, 2014) [8] (*predatory* – wrongly harming or using others for pleasure or profit [4]).

В примерах (13) и (14) оценка основывается на образных значениях прилагательных «toxic» и «predatory». Прилагательное «toxic», имеющее в качестве основного значение (extremely harsh, malicious, or harmful) [4], в экономическом дискурсе приобретает переносное значение (relating to or being an asset that has lost so much value that it cannot be sold on the market) [4], сохраняющее связь с первым значением лексемы. Аналогично, прилагательное «predatory» (wrongly harming or using others for pleasure or profit) [4] начинает использоваться в экономическом дискурсе в значении – excessive or exploitive in amount or cost, as out of greed or to take advantage of consumers [4].

Использование образных средств языка также формирует указание на неординарность происходящего, т. е. на его событийность:

- (15) An agreement was reached in an acrimonious four-year dispute over the stake that LVMH, a big French luxury-goods company, accumulated in "Hermès", a smaller rival. In 2010 LVMH disclosed that it held 17% of "Hermès", a furtive move that earned it a regulatory fine and was *described as more like a rape than a seduction* by "Hermès" at the time. The pair ended up in court. They have agreed that the LVMH holding in "Hermès" – which is now 23% – will be dispersed among LVMH's shareholders (*"The Economist"*, May 19–25, 2012) [5].

В примере (15) неординарность происходящего формируется за счет сравнения действия с преступлением (*crime*).

Оценочная лексика часто присутствует в дополнительных блоках ПРИЧИНЫ, ИСТОРИИ и СЛЕДСТВИЯ, сопровождающих и дополняющих базовый набор элементов фрейма. Как видно из приведенного ниже примера (16), оценка может быть выражена лексическими единицами разных частей речи:

- (16) “Bank of America” was reported to have reached a settlement with American regulators to pay around \$17 billion for mis-selling mortgage-backed securities in the run-up to the 2008 financial crisis. A significant *chunk* (a thick solid piece, as of meat, wood [4]) of the fine relates to *toxic* (very bad, unpleasant, harmful; denoting a debt which has a high risk of default [4]) mortgage products handled by Country wide Financial and Merrill Lynch, which BofA bought when both were *teetering* (to be close to or in danger of failure or ruin [4]) on the edge of bankruptcy (“*The Economist*”, Aug 23–29, 2014) [5].

Тяжесть положения банка описывается в развернутом блоке «причины», где объясняется, что банком было выдано огромное количество проблемных ипотечных кредитов, что почти привело к банкротству данного финансового института.

Иногда маркером событийности является указание на реакцию самой компании на происходящее или на отсутствие какой-либо реакции:

- (17) The Securities and Exchange Commission levied its biggest-ever fine for insider trading on SAC Capital Advisor, which is run by Steven Cohen and is one of the world’s most successful hedge funds. *SAC neither admitted nor denied the allegations* (“*The New York Times*”, March 28, 2013) [8].

В тексте (17) фонд никак не прореагировал на выдвинутые обвинения, что делает эту ситуацию необычной, так как Комиссия по ценным бумагам и биржам является достаточно серьезным регулятором, чьи заявления нельзя так просто проигнорировать.

Как мы отмечали выше, для выделения события из ряда схожих с ним происшествий достаточно часто используется сравнение, но хотелось бы еще раз подчеркнуть особую роль в таких случаях интенсификаторов:

- в текстах часто содержится указание на самый длительный тюремный срок;

- самый большой когда-либо наложенный штраф;
 - самое первое поражение прокурора:
- (18) Mathew Martoma, a former analyst at SAC Capital, was given a nine-year sentence for insider trading, *one of the longest prison terms handed down to date for the crime* (“*The Economist*”, Sept 13–19, 2014) [5].
- (19) The Securities and Exchange Commission levied *its biggest-ever fine* for insider trading on SAC Capital Advisor, which is run by Steven Cohen and is one of the world’s most successful hedge funds (“*The New York Times*”, Sept 19, 2014) [8].
- (20) A jury found Rengan Rajaratnam not guilty of being involved with the insider-trading scheme operated by his brother, Raj, who was convicted and sentenced to 11 years in prison in 2011. The acquittal is *the first defeat for federal prosecutors* in a crack-down on illegal share tips (“*The Economist*”, Jul 12–18, 2014) [5].

Подобного рода интензивы всегда подчеркивают значимость события и используются даже в тех случаях, когда новостной текст очень краток.

Таким образом, согласно проведенному исследованию происшествие событием делает что-то, что указывает на его исключительность,

Рис. 2. Сравнительная частотность маркеров событийности в англоязычном экономическом дискурсе

уникальность и важность. Для достижения данной цели в текстах экономического новостного дискурса рассматриваемой тематики могут использоваться различные способы. Наиболее частотным из них является использование сравнений и интенсификов (около 39% проанализированных примеров). Реже всего, как упоминалось выше, используются непосредственно событийные существительные, вокруг которых и выстраивается то или иное событие (около 7%). Следует отметить, что в текстах, описывающих «судебные решения относительно экономических вопросов», почти всегда используются цифровые данные, числовые показатели, помогающие оценить событие по шкале «много–мало». И, наконец, заметим, что часто разные маркеры используются совместно для усиления значимости происходящего (см. рис. 2).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* Семантика событийных имен в языке и речи : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1997. – 24 с.
2. *Махницкая Е. Ю.* О современном экономическом дискурсе // Речь. Речевая деятельность. Текст : материалы Научно-практической конференции. – Таганрог : ТГПУ, 2002. – С. 158–161.
3. *Степанова Е. Д.* Прагматические особенности коммуникативного акта «кредитный договор» в экономическом дискурсе (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2006. – 24 с.
4. Macmillan English Dictionary. – URL : <http://www.macmillandictionaries.com>
5. The Economist. – URL : <https://subscriptions.economist.com>
6. The Wall Street Journal. – URL : <http://www.wsj.com>
7. The Financial Times. – URL : <http://www.ft.com>
8. The New York Times. – URL : <http://international.nytimes.com>

УДК 81'373

К. А. Ананьева

аспирант кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ,
преподаватель кафедры второго иностранного языка
педагогических факультетов МГЛУ
e-mail: sunnykrista@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЗАГАДКИ КАК ЖАНРА ИГРОВОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются основные характеристики загадки как жанра игрового дискурса, приводятся результаты исследований загадок русскими и зарубежными учеными. Анализ английских и русских детских загадок проведен с целью выявления механизма зашифровки и дешифровки информации в загадке, основанного на использовании концептуальной метафоры человеческого тела.

Ключевые слова: загадка; концептуальная метафора; языковая игра; механизм кодирования и декодирования информации.

К. А. Ananyeva

Post-graduate student, Department of Lexicology of the English language,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU,
Teacher, Department of Second Foreign Language
of Pedagogical Faculties, MSLU
e-mail: sunnykrista@mail.ru

RIDDLES AS A GAME DISCOURSE GENRE

The article features the main characteristics of a riddle as a game discourse genre. The author shares brief results of riddle research done by Russian and foreign scientists. The author also offers the results of a tentative analysis of English and Russian riddles for children. The mentioned analysis has been conducted to define information coding and decoding mechanisms based on the conceptual metaphor of a human body.

Key words: riddle; conceptual metaphor; language game; information coding and decoding mechanisms.

Когда мы говорим о фольклоре, мы подразумеваем такие его жанры, как сказка, народная песня, пословицы, поговорки, частушки, тосты. При этом такой жанр фольклора, как загадка незаслуженно обходят вниманием. Однако жанр загадки значителен своей самобытностью, своей формой, а также тем огромным социокультурным и концептуальным потенциалом, который может заинтересовать

ученых разных областей, например антропологов, историков, географов, культурологов и, конечно, лингвистов.

Цель настоящей статьи – очертить некоторые свойства загадки как особого вида игрового дискурса и продемонстрировать процесс зашифровки информации и отгадывания ответа на материале загадок, основанных на так называемой «телесной метафоре» в английском языке.

Английские и русские фольклористы обладают обширным иллюстративным материалом по загадкам, процесс собирания и записи которых начался уже в X в. Имеется множество работ, посвященных данной тематике. Таковыми являются, например, диссертации, предметом которых послужили история собирания и изучения загадок, их лингвистические особенности, сравнительный анализ английских и русских загадок. Интересны также исследования современных трансформаций загадок, т. е. их интерпретации с помощью других слов или отгадывания через концепт, не существовавший ранее [1; 3; 6; 11; 12; 17]. Регулярно переиздаются всевозможные сборники загадок как на английском, так и на русском языке. Так, например, до сих пор не угас интерес к знаменитой «The Exeter Book» X в., представляющей собой антологию англо-саксонской поэзии [7]. Помимо прочего, в нее вошли около 90 загадок в стихотворной форме, некоторые из которых являются *double entendre*, т. е. обладают двусмысленностью. Именно эта особенность и сегодня заставляет многих исследователей работать над разгадкой некоторых загадок из «The Exeter Book», которые до сих пор не имеют ответа.

Говоря о принципах построения таких сборников, можно упомянуть, что до сих пор нет общепризнанных норм компилирования. Так, исследователи могут самостоятельно выбирать, каким именно образом они будут формировать свое собрание, и наиболее часто это зависит от самого материала. Например, Вернам Халл и Арчер Тэйлор в 50–60 гг. XX в. выпустили два собрания загадок «A collection of Welsh riddles» и «A collection of Irish riddles» [11; 12], разделяя таким образом загадки по национальной принадлежности. В самих сборниках представлено оглавление, говорящее о компаративном принципе зашифровки ответа загадки: *Comparison to a man*, *Comparison to a plant*, *Comparison to an animal* и т. д. Подобное построение использовал и сам Арчер Тэйлор в своем сборнике «English riddles from oral

tradition» [16]. Следовательно, в этих сборниках объединяются два принципа классификации загадок – национальный и тематический. Если быть более точным, используя терминологию теории концептуальной метафоры, в указании на тип сравниваемого объекта содержится обозначение домена-источника метафоры.

При этом в настоящее время отмечается следующая характерная особенность подобных собраний загадок – направленность на потенциального читателя и отгадывающего. Таким образом, в наши дни чаще можно увидеть сборники загадок для детей с множеством иллюстративного материала с шутками, с песенками и с небольшими стихотворениями и для взрослых, где загадки языкового характера перемежаются с математическими и логическими задачами, например «What Am I?: A Collection of Traditional Word Riddles» Зака Гуидо [10]. Такие издания порой носят периодический характер, что позволяет издателям привлечь определенную аудиторию, например служащих, которые проделывают долгий путь из дома на работу и обратно, занимая себя подобными головоломками в дороге.

Говоря о сборниках русских загадок, в первую очередь стоит отметить таких исследователей, как И. А. Худяков и Д. Н. Садовников, фактически положивших начало собиранию и публикации русских народных загадок во второй половине XIX в. Главная ценность их сборников «Великорусские загадки» и «Загадки русского народа» заключается в обобщении результатов всех проведенных до них исследований и в составлении единого корпуса всех загадок, известных на тот момент по вышедшим до них публикациям. До появления этих сборников уже существовали попытки изучения загадки как отдельного жанра фольклора, например, Н. Ф. Остолопов в словарной статье в своем «Словаре древней и новой поэзии» определяет загадку как краткое сочинение, которое чаще всего написано в стихах, в котором без наименования вещи ее объясняют через похожие слова, через описание причин, действий, свойств и таким образом стимулируют открыть ее значение [2]. Также ученый выделил основные признаки жанра загадки, такие как, краткость, стихотворную форму и образность, которая создается с помощью таких поэтических средств, как двусмысленность, метафора, аллегория, антитеза. Еще одним немаловажным свойством загадки является, как пишет Н. Ф. Остолопов, ориентир на бытовую сферу жизнедеятельности человека. Это положение в дальнейшем развивается

Д. Н. Садовниковым, который согласно своему утверждению о неразрывной связи загадки со средой и с народным бытом предложил тематическую классификацию при составлении собраний загадок [3]. Так, в его книгу «Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач» вошли такие разделы, как «Жилище», «Тепло и свет», «Внутреннее убранство», «Домашнее хозяйство» и др., каждый из которых включает в себя несколько загадок о конкретных предметах, например в разделе «Пища и питье» можно обнаружить такие названия, как «Каравай» (6 загадок), «Соль» (3 загадки), «Блины» (8 загадок) и т. п. Значительным потенциалом обладает идея Садовникова приводить варианты одной и той же загадки. Вплоть до настоящего времени ученые не пришли к единому мнению по поводу целесообразности подобной подачи материала, однако, мы считаем, что приведение различных вариантов одной и той же загадки позволяет лучше раскрыть когнитивную схему загадывания, что в свою очередь представляет особый интерес для дальнейшего исследования.

Идея о тесной связи загадки с бытом народа и, следовательно, с менталитетом каждой национальности, находит отклик и в трудах В. В. Митрофановой. Она отмечает, что история возникновения этого жанра устного народного творчества восходит еще к древности, когда люди предпочитали иносказательно называть предметы обихода, явления окружающего мира и т. п., пытаясь таким образом обезопасить себя от сглаза, обмануть нечистую силу. В. В. Митрофанова пишет: «Изучая загадки, мы можем составить представление о том, как и какими орудиями трудится крестьянин, какие животные и птицы окружали его в домашнем хозяйстве и с какими дикими животными он чаще всего сталкивался, что росло в поле и огороде, как выглядела деревня, как строилась изба, как обставлялась, какая домашняя утварь, предметы труда и обихода окружали крестьянина, что и как изготовлялось в натуральном крестьянском хозяйстве» [1, с. 141]. Таким образом, в загадке находят отражение многие стороны повседневной жизни людей и, следовательно, получает свое обоснование положение о том, что исследование загадок несет в себе ценность не только для лингвистики, но и для таких наук, как культурология, антропология, история и др. В связи с предыдущим положением о связи загадки с бытом и устройством жизни человека можно говорить и о таком ярком свойстве загадки, как ее способность отражать

национальную картину мира. При анализе загадок можно получить детальную информацию о мировосприятии и о мироощущении того или иного этноса, понять, какие именно мыслительные операции лежат в основе того или иного языкового наполнения и формы загадки, создавая ее особый художественный образ.

Еще одной немаловажной особенностью загадки является ее игровой характер. Так, в книге В. Н. Топорова «Исследования по этимологии и семантике» встречаем непосредственное подтверждение этого тезиса, когда он описывает загадывание-отгадывание как деятельность-действие, которые связаны с определенным пространством и временем и ведутся по определенным правилам [5]. Данные правила, согласно Топорову, ограничивают «игровой» произвол и упорядочивают процесс загадывания и отгадывания. К таким правилам В. Н. Топоров относит в первую очередь форму загадывания, например конечный вопрос «What am I?», часто встречающийся в английской загадке, или русское выражение для поощрения отгадывающего «Кто отгадает загадку, тому...».

Также В. Н. Топоров пишет о таком эффективном стимуле отгадывающего, как потребность испытать себя и удовлетворение и радость от того, что получилось найти ответ на загадку. Упомянутые стимулы также являются одними из основополагающих характеристик любой игры, будь то спортивное соревнование или решение логических задач. Соответственно загадка как словесный алгоритм игры в загадывание-отгадывание ставит перед отгадывающим определенную задачу, являясь по сути своеобразным игровым состязанием в мудрости.

Игровая сущность загадки позволяет назвать ее одним из ключевых дидактических средств в обучении детей родному и иностранному языкам. Если для взрослых процесс загадывания-отгадывания в основном носит развлекательный характер, то для детей загадка может служить инструментом приобретения новых знаний и развития их природной сообразительности вкупе со знанием языка. Разгадывание загадки является своеобразной зарядкой для ума. При анализе современных собраний загадок становится очевидным преобладающее количество литературы и интернет-ресурсов, основной материальной базой которых являются именно детские загадки. Многие интернет-сайты располагают специально составленными сценариями занятий в детском саду и в начальных классах школы, которые нацелены на

закрепление ранее изученного словарного материала по определенной тематике. Соответственно и весь объем загадок разбит на подобных сайтах по тематическому критерию.

Среди основных причин популярности и эффективности применения загадок на занятиях с детьми выделяется развитие ассоциативного мышления, способности думать и выражать свои мысли метафорически, распознавать и понимать иносказательную форму подобных текстов. Чтобы правильно отгадать загадку от ребенка требуется наблюдательность, умение анализировать, сопоставлять. В свою очередь для взрослых разгадывание загадки зачастую является довольно сложной задачей, так как сложившиеся стереотипы мешают нам взглянуть на вещи свежим взглядом. Загадки же заставляют смотреть на предметы под разными углами и тренируют гибкость мышления. Подобные свойства загадки обусловлены определенной когнитивной формулой, лежащей в основе ее создания, а также определенной моделью образности, являющейся одновременно и главной подсказкой, и весомым дезориентирующим фактором.

В Словаре русского языка С. И. Ожегова загадка определена как «изображение или выражение, нуждающееся в разгадке, истолковании» [4]. В свою очередь американский исследователь Арчер Тэйлор говорит, что загадка представляет собой сравнение объекта с другим предметом, который полностью от него отличается. Таким образом, вся суть загадывания состоит в том, что отгадывающий сначала полностью сбит с толку и не понимает смысла услышанного. Однако в то же самое время, пишет А.Тэйлор, в загадке обязательно присутствует некий элемент, выбивающийся из общей картины абсурда загаданного и направляющий на правильный ответ [17].

Из вышесказанного следует, что для того, чтобы разгадать, «истолковать» загадку отгадывающий должен вычленил из общей образной картины, данной в загадке, те характеристики и подсказки, которые приведут его к правильному ответу. Для того чтобы проанализировать на практике подобный процесс разгадывания, нами были рассмотрены 93 английских и 115 русских загадок, отобранных методом сплошной выборки из сборников А. Тэйлора, В. Халла, Д. Н. Садовникова, В. В. Митрофановой и нескольких электронных ресурсов [8; 9; 15]. Предварительный анализ показал, что определенное количество английских и русских загадок, а именно – 56 английских

(60,2%) и 31 русская загадка (26,9%) заключают в себе художественный образ, созданный на основе концептуальной метафоры человеческого тела, то есть такой метафоры, в которой свойства загаданного объекта зашифровываются посредством ссылок на особенности его «телесной» организации, сопоставимой с организацией человеческого организма, например:

What has teeth but can't bite? (*a comb*)

What has a neck but no arms? (*a bottle*)

День и ночь стою на крыше,
Нет ушей, но я все слышу,
Вдаль гляжу, хотя без глаз,
На экране мой рассказ. (*антенна*)

Ног нет, а хожу,
Рта нет, а скажу,
Когда всем спать,
А когда вставать. (*будильник*)

Заметим, что основной целью загадки является развлечь разгадывающего, вовлечь его в игру, чтобы затем получить одновременно простой, однозначный и остроумный ответ. В подобной перспективе видится, что описание загаданной вещи должно быть ярким, полным, концентрироваться на самых узнаваемых свойствах загаданного объекта, что и происходит в результате использования метафоры. Однако отгадка зачастую не является вполне очевидной. По правилам игрового жанра процесс отгадывания требует от отгадывающего интеллектуального напряжения, сообразительности и мыслительной гибкости, креативности, чтобы суметь правильно расшифровать информацию, закодированную с помощью использования определенного фрейма, слоты которого заполнены неправильно, например *зубы* замещают собой *зубья расчески*, а с помощью слова *рот* кодируется звонок будильника.

На примере приведенных выше английских загадок можно увидеть, как именно проявляется такое свойство загадки, как двусмысленность. Подобный эффект призван для того, чтобы сбить отгадывающего с толку, направить его на неверный путь, он создается путем использования в загадке многозначных слов, образуя в итоге нечто похожее на каламбур / игру слов (*pun*):

I have a tail, and I have a head, but I have no body.
I'm not a snake. What am I? (*a coin*)

What has two hands and a face, but no arms and legs? (*a clock*)

По словам Джорджа Лакоффа, метафора – это «понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [13]. При анализе вышеуказанных загадок становится очевидным процесс создания концептуальной метафоры человеческого тела с помощью интерферентного переноса признаков домена-источника на домен-реципиент, где в качестве первого выступает человеческое тело, а вторым является неодушевленный материальный предмет, например часы или монета. Немаловажную роль в этом играет и чисто формальный принцип подачи языковых средств: можно наблюдать, как загадывающий сначала говорит о том, что *есть* у загаданного объекта, тем самым вводя отгадывающего в заблуждение. В первой загадке это хвост и голова, во второй – две руки и лицо, и в первую очередь у отгадывающего возникает мысленный образ человеческого тела. Однако затем в загадках приводятся уточнения, ограничивающие выбор отгадывающего, отсекающие ему путь по самому простому сценарию – к отгадке «человек». В первом случае эта опция исключается фразой *I have no body*, что сразу делает невозможным подобный ответ и возвращает отгадывающего к начальной фразе загадки, но уже с меньшим количеством возможных сценариев отгадки. На этом этапе и проявляется действие многозначных слов, образуя подсказку для разгадывающего, которую заметит лишь наблюдательный участник игры. Longman Dictionary of English Language and Culture дает следующие определения слова *head*:

head 1) the part of the body which contains the eyes, ears, nose, and mouth, and the brain, 2) the top or front; the highest or furthest point [14].

Несомненно, предполагается, что отгадывающий знаком с данными значениями, а также, возможно, ему известно идиоматическое выражение *Heads or tails?* – традиционно используемое в случае подкидывания монеты для решения спорной ситуации. Предполагается, что с помощью подобных мыслительных операций отгадывающий придет к варианту ответа «монета», предварительно восстановив неправильно заполненный загадывающим слот фрейма, в котором лицевая сторона монеты заменена головой человека.

Идентичную ситуацию создания концептуальной метафоры можно наблюдать и во второй загадке. Из области-источника человеческого тела на целевую область *часы* переносятся признаки «ру́ки» и «лицо», заменяя собой «стрелки часов» и «циферблат». Средством ограничения вариантного ряда отгадывающего служит еще одно отрицание наличия других органов человеческого тела, а именно «*no arms and legs*». В упомянутом выше словаре находим следующие второстепенные значения многозначных слов *hand* и *face*: *a pointer or needle on a clock, machine, or measuring instrument* и *the front, outer, or most important surface of something*, соответственно. Следовательно, внимательный человек или ребенок, мыслящий не по шаблону, приходит к отгадке *часы*, ассоциируя стрелки часов с руками человека и циферблат – с человеческим лицом.

Заслуживает особого внимания тот факт, что в языковом выражении концептуальных метафор человеческого тела могут быть использованы не только имена существительные, как это было показано выше, но и имена прилагательные или глаголы, например:

My life can be measured in hours,
I serve by being devoured.
Thin, I am quick, fat, I am slow.
Wind is my foe. (*a candle*)

I am slim and tall, many find me desirable and appealing.
They touch me and I give a false good feeling.
Once I shine in splendor, but only once and then no more.
For many I am «to die for». What am I? (*a cigarette*)

В этих загадках на целевую область загаданных неодушевленных предметов «свеча» и «сигарета» переносятся такие внешние физические качества человеческого тела, как «худой, быстрый, толстый, медленный, тощий, высокий», выраженные с помощью английских прилагательных *thin, quick, fat, slow, slim, tall* и замещающие похожие характеристики соответствующих предметов.

Примером использования глаголов для создания необходимой метафоры могут послужить такие загадки, как:

What is going, going all the while and never moves at all?
(*a road*)

What goes without moving from its place? – a clock,
What always runs but never walks,

Often murmurs, never talks,
Has a bed but never sleeps,
Has a mouth but never eats? (*a river*)

Использование глаголов и имен существительных *run, walk, murmur, talk, sleep, eat, bed, mouth* создает сценарий ежедневной рутины человека и снова возвращает отгадывающего к образу человеческого тела, однако путем уже известных ограничений загадывающий направляет участника языковой игры в нужном направлении, указывая ему те слоты фрейма, что изначально заполнены неправильно, чтобы сбить его с толку.

Заметим, что использование подобных концептуальных метафор отражает когнитивную способность загадывающего и отгадывающего строить аналогии и ассоциации, выражая разного рода семантические признаки в одной и той же лексической форме. Однако стоит упомянуть, что, несмотря на то, что ребенок более активно проявляет себя в подобных языковых играх, более предрасположен работать по нестандартной модели и распознавать сравнения предметов материального мира и одушевленных лиц, подобная деятельность должна быть соответствующим образом подготовлена. Новые явления и предметы, а также связанный с ними лексический материал, должны быть несколько раз предъявлены ему и достаточно усвоены для того, чтобы быть узнаваемыми в непривычном окружении и в необычном виде упражнения.

Подводя итог, отметим что загадка, являясь универсальным видом игрового дискурса, несет в себе большой лингвокультурологический потенциал и отражает вариативность «видения мира» и его кодирования путем использования механизма концептуальной метафоры, особым образом «деформированной» в целях создания проблемной ситуации для отгадывающего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Митрофанова В. В. Художественный образ в загадках // Современные проблемы фольклора. – Вологда, 1971. – С. 141–145.
2. Остолопов Н. Ф. Словарь древней и новой поэзии. – Munchen : Fink, 1971. – 531 с.
3. Садовников Д. Н. Загадки русского народа : Сборник загадок, вопросов, притч и задач. – СПб., 1901. – 295 с.

4. Словарь Ожегова : толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL : <http://www.ozhegov.org/words/8736.shtml>
5. *Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. – Т. 2: Индо-европейские языки и индоевропейстика. Кн. 1. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 544 с.
6. *Худяков И. А.* Великорусские сказки. Великорусские загадки. – СПб. : Тропа Троянова, 2001. – 482 с.
7. *Baum Paull F.* Anglo-Saxon Riddles of the Exeter book. – Duke University Press, Durham, North Carolina, 1963. – URL : http://en.wikisource.org/wiki/Anglo-Saxon_Riddles_of_the_Exeter_Book
8. Brain Teasers. – URL : <http://www.forcurious.com/puzzles/>
9. Good Riddles and Answers. – URL : <http://goodriddlesnow.com/riddles/good/page:2/sort:popularity/direction:DESC>
10. *Guido Z.* What Am I?: A Collection of Traditional Word Riddles. – Create Space Independent Publishing Platform, 2014. – 134 p.
11. *Hull V., Taylor A.* A Collection of Irish Riddles. – University of California Press, 1955. – 129 p.
12. *Hull V., Taylor A.* A Collection of Welsh Riddles. – University of California Press, 1942. – 101p.
13. *Lakoff G., Johnson M.* Metaphors We Live By. – University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
14. Longman Dictionary of English Language and Culture. – Harlow : Pearson Education Ltd., 2000. – 1568 p.
15. Riddles and Jokes. – URL : <http://www.riddlesandjokes.com/>
16. *Taylor A.* English Riddles from Oral Tradition. – University of California Press, 1951. – 959 p.
17. *Taylor A.* The Riddle // California Folklore Quarterly. – Vol. 2. – No. 2. – 1943. – P. 129–147.

УДК 81'373

Е. М. Евдокимова

соискатель кафедры лексикологии английского языка МГЛУ,
преподаватель кафедры английского языка ФЗО МГЛУ
e-mail: laminaria06@mail.ru

ФОРМЫ ОБЪЯСНЕНИЯ СЕМАНТИКИ ТЕРМИНА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

В статье рассматриваются способы объяснения значения научных терминов в англоязычных научно-популярных текстах. Главная цель – установить, в каких случаях требуется разъяснение термина и как специальная лексика функционирует в научно-популярном дискурсе.

Ключевые слова: термин; терминоведение; специальная лексика; научно-популярный стиль; метафора; познавательная функция; дефиниция.

E. M. Evdokimova

Post-graduate student, Foreign Language Teaching Department,
Correspondence Faculty, MSLU
e-mail: laminaria06@mail.ru

MEANS OF DISCLOSING THE MEANING OF TERMS IN ENGLISH POPULAR SCIENCE TEXTS

The article studies the methods of explaining scientific terms in English popular science texts. The main purpose is to find out in what cases terms need to be explained and to analyse how terms function in popular science style.

Key words: term; terminology; specialized lexis; popular science style; metaphor; cognitive function; definition.

Все сферы жизнедеятельности человеческого общества сопровождаются научными открытиями, а научные достижения стали неотъемлемыми элементами современной жизни. Глобализация научного знания, создание международных ученых сообществ предполагают смысловую точность языковых единиц, обозначающих специальные понятия. В то же время рост технологичности жизни приводит к тому, что специальная лексика употребляется не только в профессиональных сферах, но и в быту, что иногда приводит к полной потере словом своей терминологичности. В связи с этим проблемы терминологии уже не одно десятилетие остаются одними из центральных вопросов лингвистики.

В данной статье рассматриваются способы описания семантики термина в англоязычном научно-популярном дискурсе. Материалом для исследований послужили 120 статей из британских («The Guardian», «The Economist», «The Telegraph», «The Independent», «New Scientist magazine»), американских («The New York Times», «Discover magazine», «Science News», «Time magazine», «Popular Science») и австралийских («The Australian») газет и журналов и их интернет-версий, а также из новостных интернет-ресурсов (*The BBC* : www.bbc.com; *The Australian Broadcasting Corporation*: www.abc.net.au; *The Irish Central*: www.irishcentral.com).

В ходе исследования изучались научно-популярные статьи, относящиеся к различным областям знания (генетика, экономика, психология, экология, палеонтология и др.), и рассматривались особенности включения терминов в текст и способы их объяснения читателю.

Сегодня, в век передовых технологий, достижения научно-технического прогресса выходят за рамки исследовательских лабораторий и прочно входят не только в сферу производства, но и в жизнь и быт обыкновенных людей. Поэтому, «когда наука становится элементом массовой культуры, именно научно-популярная литература призвана выполнить этот ответственный социальный заказ: приобщить к современным достижениям науки и техники широкие массы» [8, с. 3].

Научно-популярные статьи – это тот источник, откуда черпает научную информацию большинство людей, интересующихся наукой. Целевая аудитория научно-популярного текста – читатель, не имеющий специальных знаний, не владеющий основной терминологией в той или в иной области науки. При характерной научному стилю строгости, логичности изложения в таких статьях присутствует эмоционально-экспрессивная составляющая, автор имеет право высказать свое отношение к обсуждаемому научному открытию или прибегнуть к другим способам, чтобы заинтересовать читателя и удержать его внимание.

Научно-популярный текст является подстилем научного стиля; его обязательными чертами являются точность изложения и наличие терминологии. Необходимо отметить, что при этом в научно-популярном дискурсе реализуются термины, относящиеся к разным пластам терминологической лексики. В каждой рассмотренной нами статье встречаются общенаучные термины: *system, research, pattern, paper,*

analysis, scheme, chart, study и др. Особенностью научно-популярных текстов является минимальное использование узкоспециальных терминов; в одной статье можно встретить один-два, максимум три неизвестных читателю термина. В основном упоминаются общепонятные термины, с которыми потенциальные читатели сталкивались в школьной программе при изучении основ специальных наук:

But it was better to start *research* on such unproven *technologies* now – to learn more about their risks – than to be stampeded into climate-shifting *experiments* in an emergency, the *scientists* said [23].

В случае использования узкоспециальной лексики автор прибегает к различным способам раскрытия семантики термина. Пути объяснения термина зависят от нескольких факторов: от области научного знания, к которой он принадлежит; от степени популяризации освещаемого научного явления; от упоминания в статье смежных научных дисциплин, а также от задачи, которую ставит перед собой автор статьи.

Результаты нашего исследования показали, что чаще всего в научно-популярных статьях объясняются термины генетики. По-видимому, это связано с тем, что «генетика – это основа современной биологии» [4, с. 1]. В последнее десятилетие получены и осмыслены новые данные по описанию механизмов и генетического контроля основополагающих молекулярно-генетических процессов [3]. Такое бурное развитие науки обуславливает непрерывный процесс терминовтвора, за которым трудно уследить рядовому обывателю, интересующемуся последними достижениями ученых генетиков. Очевидно, термины данной науки нуждаются в пояснении.

К областям знаний с наименьшим количеством разъясняемых терминов можно отнести физику, биологию, медицину, психологию, экологию. Эти науки либо считаются базовыми в школьном курсе, либо являются неотъемлемой частью повседневной жизни, что делает их термины понятными, узнаваемыми и широкоупотребляемыми в быту. В статьях данных направлений читатель не испытывает недопонимания в отношении сложных терминологических понятий.

Во многом благодаря средствам массовой информации происходит глобализация в сфере научных и профессиональных знаний [7, с. 135]. Зачастую газетные тексты содержат в себе узкоспециальные термины, которые требуют объяснения для рядового читателя. Формат научно-популярного стиля предполагает, что раскрытие смысла термина

должно происходить по принципу максимальной понятности, доступности разъяснения. Объясняя тот или иной специальный термин, автор имеет своей главной задачей не перегрузить текст сложными научными понятиями, а, по возможности, сделать его еще более интересным и «близким» для читателя. Отметим, что узкоспециальные термины употребляются в научно-популярном тексте, когда есть действительная необходимость в их упоминании, например когда целью статьи является ознакомление читателя с научным достижением, которое получило новое наименование: *sagging skin, dropping jowls, and a distinct crease above the clavicle, a condition they have dubbed «teck-neck»* [25]. Упоминание термина может также быть необходимым, если автор не может обойтись без объяснения некоего процесса или явления:

In skin, sugar molecules called *glycans* are responsible for telling the body to produce collagen [25].

Рассмотрим, какие способы раскрытия семантики терминов используются в научно-популярном дискурсе. Одним из наиболее частых является дефиниция, которая может находиться как в препозиции, так и в постпозиции к определяемому термину. Наличие нейтральной лексики и отсутствие других специальных терминов являются неотъемлемыми чертами определений в научно-популярных текстах, что отвечает основному принципу доступности и наглядности. Это положение можно проиллюстрировать следующим определением: *«inhibitional goals – the intention to stop doing things»* [27]. В некоторых случаях терминам предшествуют причастия *called, known as*: *«a part of the cochlea called the organ of Corti»* [15], тогда введение термина принимает характер попутного замечания. Автор как бы не настаивает, что термин существенно важен для понимания сути статьи, и предлагает его в качестве дополнительной информации.

Также характерными чертами определений в научно-популярных статьях можно считать выразительность и эмоциональность. Например, в определении *«Graphene, sheets of carbon just one atom thick»* [18] наречие *just* усиливает восприятие читателем уникальности материала. Автор статьи апеллирует к читателю, призывает его разделить чувство удивления в отношении физического свойства вещества.

В определениях специальных терминов научно-популярных статей часто выделяется то свойство научного понятия, которое несет практическое значение. Читателю-неспециалисту важно знать, какие

последствия может повлечь за собой то или иное явление, возможно ли применить прочитанную информацию на практике. Например, в определении «*amyloid beta*, a protein that, when accumulated, is a driver of Alzheimer disease» [24] мы не находим ни описания структуры бета-амилоидного белка, ни его места в классификации, напротив, автор высвечивает тот факт, что отложения белка в тканях мозга являются одним из ключевых факторов развития болезни Альцгеймера. В настоящее время не достигнуто полного понимания причин и лечения болезни Альцгеймера, поэтому попытка объяснить возможные пути ее профилактики окажутся полезными для интересующегося этой темой человека. А «интерес к предмету повышает внимание, облегчает понимание и, следовательно, способствует более сознательному и прочному усвоению» [9, с. 6].

Нередко для объяснения термина дается его синоним: «*filters, or cookie cutters*» [17]. Во многих случаях в роли синонима выступает термин, в названии которого заложено его значение: например ген, отвечающий за рыжий цвет волос, называется «*ginger gene, or V60L allele*» [22].

Наличие описательного прилагательного также является одним из способов определения значения специального термина. В словосочетании «*love hormone*» *oxytocin* [13] прилагательное *love* выражает главную функцию гормона окситоцина, которая направлена на формирование прочной связи «мать-ребенок» сразу же после родов.

Семантика термина может раскрываться через образ («*plumbing system called glymphatic system*»). В статье «*Sleep Keeps Brain Fit By Clearing Waste*» из научного интернет-портала «ABC Science» [24] цереброспинальная жидкость, циркулирующая в полостях спинного и головного мозга, сравнивается с чистящим средством, которое промывает водопроводную систему: «*The researchers say waste is removed from brain tissue by cerebral spinal fluid (CSF) flushed through a «plumbing system» called glymphatic system*» [24]. Метафора GLYMPHATIC SYSTEM (система очищения мозга) – ВОДОПРОВОДНАЯ СИСТЕМА понятным образом передает сущность термина. Более того, эта метафора организует целый текст статьи, выступая в качестве конструктивного элемента. Н. В. Кириченко отмечает, что весьма часто метафора размещается на уровне целого текста, главы или части текста, участвуя в объяснении сложного процесса, помогая автору

развить научную мысль, объяснить сложную проблему [5]. Лексические сочетания *waste products, to be flushed out via, to flush out waste, clearance of the by-products, process of cleaning* участвуют в создании метафоры, что делает объяснение термина *glymphatic system* простым и доступным. Читатель понимает не только значение научного понятия, но и сложный процесс, в котором оно функционирует. Метафора является когнитивным механизмом, при помощи которого абстрактные понятия осмысливаются через конкретные [6, с. 127], и в данном случае научное открытие нейробиологии описывается с помощью конкретного сюжета из бытовой ситуации.

Другим способом объяснения термина является объяснительный контекст, который также часто берется из житейского сценария. Например, понятие «what-the-hell effect» сопровождается рассказом о соблюдении диеты, о сложности придерживаться режима питания и о соблазне съесть сначала одно пирожное, а потом и целую пачку жевательных конфет. Очевидно, описанная проблема довольно распространена среди большого круга читателей и предельно ясно раскрывает суть психологического феномена. К тому же сам факт упоминания знакомой ситуации делает статью легкой для восприятия, что побуждает к дальнейшему изучению научной темы. Более того, в данной статье используется еще один прием толкования семантики термина «what-the-hell effect». Автор сравнивает неправильные действия человека, забросившего диету из-за одной ошибки, с отказом пилота корректировать курс самолета. Утверждается, что самолет сходит с курса на протяжении 90% полета, и всё же он достигает пункта назначения. Эта метафора ДИЕТА – УПРАВЛЕНИЕ САМОЛЕТОМ делает предельно наглядным значение термина, также она описывает путь решения проблемы, связанной с неумением следовать поставленной цели.

Причина широкого распространения концептуальной метафоры в научно-популярном изложении прежде всего в том, что метафора – способ стимулирования творческого восприятия читателем научно-популярного текста. Неожиданность, непредсказуемость, оригинальность метафоры позволяют выходить за пределы привычных представлений, пробуждает творческую активность читателя, стимулирует у него возникновение нового научного знания [10].

Бесспорно, чем больше приемов объяснения значения термина автор использует, тем доступнее становится научная статья для чита-

теля-неспециалиста. Почти все исследованные статьи сопровождаются иллюстрациями, которые в некоторых случаях работают на раскрытие семантики научного понятия. К примеру, в статье о психологическом явлении *what-the-hell effect* можно найти комичный рисунок падающего вниз самолета с надписью «what the hell», при этом в иллюминаторах самолета видны лица охваченных паникой пассажиров с вытаращенными от ужаса глазами. Изображение нарисовано в виде шуточного комикса, что придает статье юмористический характер. Этот прием выполняет несколько функций: во-первых, картинка сразу же привлекает внимание читателя своей неординарностью; во-вторых, она наглядным образом передает значение термина. В-третьих, юмористическая составляющая помогает автору установить контакт с читателем и завоевать его расположение.

Специфика научно-популярного текста состоит в значительной степени в реализации категории диалогичности как формы отражения основной коммуникативной характеристики научно-популярного текста – познавательного интереса [1]. В нашем исследовании в нескольких статьях встречаются случаи объяснения термина с использованием личного местоимения первого лица единственного числа «I»:

I'm using “rock” here to refer to the original mineral material and “stone” as a smaller chunk, such as what a person might throw by hand [26].

Автор обозначает свое присутствие в тексте, делая себя таким же участником научно-познавательного процесса, как и читатель. Существительные *rock* и *stone* могут быть взаимозаменяемы в быту, по сути, в ненаучном контексте они теряют свою терминологичность. Обратим внимание на то, что зависимость категории терминологичности термина от контекста отмечают С. Д. Шелов [12], С. П. Хижняк [11], Е. И. Голованова [2]. С. Д. Шелов делает вывод, что терминологичность является не абсолютной, а относительной величиной, так как проявляется у каждого термина только в синтагматических или парадигматических контекстах.

В указанном выше примере в скобках даются специальные значения понятий «rock» и «stone». Рассмотрим, как представлены в словарях подразумеваемые в тексте дефиниции данных геологических терминов:

OED [21]

Rock: The solid mineral material forming much of the substance of the earth (or any similar planetary body), whether exposed on the

surface or overlain by soil, sand, mud, etc. (e.g.: *The cave offers an in-depth view of the immense layers of limestone rock formed by the sedimented shells*).

Stone: A piece of rock or hard mineral substance (other than metal) of a small or moderate size. (e.g.: *First he put a bunch of stones in a big fire, then he put the stones in a pit dug in the ground, put stones over the top, and covered it with moss, sticks and sand*).

Merriam-Webster Dictionary [20]

Rock: consolidated or unconsolidated solid mineral matter; also: a particular mass of it.

Stone: a small piece of rock.

Encyclopaedia Britannica [16]

Rock: in geology, naturally occurring and coherent aggregate of one or more minerals.

Так, можно отметить, что из словарных статей автор выделяет главное свойство термина *rock*, а именно его минеральную структуру. В описании слова *stone* дается не только его определение, но и приводится пример его употребления в быту. Выборка основных, существенных признаков научного понятия является отличительной чертой определений терминов в научно-популярном изложении.

Однако в некоторых случаях цитирование словарной статьи – единственный верный прием объяснения научного термина. Когда статья имеет своей целью разъяснить конкретное научное понятие, чтобы исключить все возможные неверные интерпретации, в тексте дается ссылка на энциклопедическое определение термина. Например, в статье, описывающей ошибочное массовое восприятие химического вещества как ядовитого, автор приводит определение термина *chemical* из «Оксфордского словаря английского языка» («Oxford English Dictionary»): «the implication is ... that the terms “*chemical*” and “*poison*” are interchangeable» [19]. Содержание научной проблемы раскрывается через систему ее терминологии.

Употребление узкоспециальных терминов в научно-популярных текстах во многом зависит от подготовленности аудитории. В некоторых статьях, рассчитанных на более осведомленных читателей (чаще всего это статьи большого объёма), даются определения, содержащие

в себе другие узкоспециальные термины: «the hoary bat (*Lasiurus cinereus*)» [14].

Еще одной формой введения специального понятия является последовательное раскрытие термина. Подробное объяснение научного процесса, описание взаимосвязанных в нем элементов постепенно подводит читателя к самому термину. В данном случае реципиент научного знания оказывается подготовленным к незнакомой лексической единице.

Объяснение понятия через личное восприятие действующего лица также встречается в научно-популярных статьях. Проиллюстрируем сказанное отрывком из статьи, освещающей комплекс возможных мер по борьбе с глобальным потеплением:

My view of albedo modification is that it is like taking pain killers when you need surgery for cancer... It's ignoring the problem. The problem is still growing though and it is going to come back and get you [23].

В приведенном отрывке ученый-эколог описывает свое видение проблемы, сравнивая ее с ситуацией из обыденного мира. Таким образом, пример способствует запоминанию термина «альbedo», к тому же он демонстрирует возможные негативные последствия данного метода геоинженерии. Можно заметить, что иллюстрация примерами из бытового контекста – один из наиболее распространенных приемов объяснения значения терминов в научно-популярных текстах.

Отдельного изучения требует представление в тексте терминов-аббревиатур. Как показало наше исследование, авторы научно-популярных статей избегают их частого употребления. Это связано с задачей не перегрузить текст элементами, требующими большей концентрации внимания, а также сил и времени на их декодирование. Если термин-аббревиатура всё-таки упоминается, то сначала дается расшифровка термина, затем в скобках следует сама аббревиатура: «*hantavirus pulmonary syndrome (HPS)*» [28]. Далее в тексте употребляется только аббревиатура термина, что связано с экономией текстового пространства в журнальной статье. Однако возможен и тот вариант, когда термин-аббревиатура дается без пояснения. Такие случаи касаются общеизвестных аббревиатур, которые находятся в широком массовом употреблении и не нуждаются в уточнении. В качестве примера можно привести общеупотребимые термины *DNA* (*deoxyribonucleic acid*), *MRI* (*magnetic resonance imaging*), *GP* (*general practitioner*), *NHS* (*National Health Service*).

Данное исследование доказывает, что научно-популярные тексты, являясь подстилем научного жанра, обладают собственными функциональными особенностями. С одной стороны, они относятся к профессионально ориентированным, а с другой стороны, в них наиболее полно и последовательно реализуется критерий «интересно» [1]. И. И. Баранова предлагает частное определение научно-популярного текста: «научно-популярный текст – это текст, излагающий научные сведения для неспециалиста в данной области знания и реализующий коммуникативную установку на удовлетворение познавательного интереса адресата» [1, с. 10]. Исходя из экстралингвистических особенностей научно-популярного текста, мы можем утверждать, что такая категория, как терминологичность, по-особому представлена в научно-популярных статьях. При информативности и отвлеченности текстов специальная лексика вводится так, чтобы текст не казался «перегруженным» по принципам доступности и «художественности» изложения. Все формы раскрытия семантики термина способствуют достижению одной цели – «донесению до сознания массового читателя серьезной научной информации в максимально доступной и интересной форме» [8, с. 6].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранова И. И.* Функциональные особенности научно-популярных текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1995. – 26 с.
2. *Голованова Е. И.* Категория профессионального деятеля в динамическом пространстве языка: Лингвокогнитивный анализ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2004. – 24 с.
3. *Захаров И. К.* «Генетика» для будущих генетиков // Вавиловский журнал генетики и селекции. – № 3. – Новосибирск, 1998. – С. 13–20.
4. *Зеленский Г. Л.* Возрождение генетики (Из истории кафедры генетики, селекции и семеноводства Кубанского ГАУ) // Научный журнал КубГАУ. – № 74 (10). – Краснодар, 2011. – 351 с.
5. *Кириченко Н. В.* Роль метафоры в организации текстовой структуры научно-популярного произведения // Функционально-стилистический аспект различных типов текста. – Пермь, 1991. – С. 70–73.
6. *Ковальчук О. В.* Метафоризация как один из способов терминообразования // Этноспецифические и социокультурные аспекты языка и дискурса. – М. : Рема, 2008. – С. 126–133. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 540. Серия Лингвистика.)

7. *Мотро Ю. Б.* К вопросу о разграничении разных типов специальной лексики // Этноспецифические и социокультурные аспекты языка и дискурса. – М. : Рема, 2008. – С. 134–143. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 540. Серия Лингвистика.)
8. *Назаренко А. Л.* Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: на материале английского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 27 с.
9. *Перельман Я. И.* Занимательная физика. – М., 1976. – 256 с.
10. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – URL : www.stylistics.academic.ru
11. *Хижняк С. П.* Формирование и развитие терминологичности в языковой системе : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 1998. – 39 с.
12. *Шелов С. Д.* Термин. Терминологичность. Терминологические определения. – СПб., 2003. – 280 с.
13. Anxiety puts mother-baby bond at risk // ABC Science. – URL : <http://www.abc.net.au/science/articles/2014/10/02/4093932.htm>
14. Bats may mistake wind turbines for trees // ABC Science. – URL : <http://www.abc.net.au/science/articles/2014/09/30/4096726.htm?topic=energy>
15. Deaf people get gene tweak to restore natural hearing // New Scientist. – URL : <http://www.newscientist.com/article/mg22229662.400-deaf-people-get-gene-tweak-to-restore-natural-hearing.html#.VTF049K8PGc>
16. Encyclopaedia Britannica. – URL : www.britannica.com
17. How Facebook’s new machine brain will learn all about you from your photos // Popular Science. – URL : <http://www.popsci.com/article/gadgets/how-facebooks-new-machine-brain-will-learn-all-about-you-your-photos>
18. Make graphene in your kitchen with soap and a blender // New Scientist. – URL : <http://www.newscientist.com/article/dn25442-make-graphene-in-your-kitchen-with-soap-and-a-blender.html#.VTFt69K8PGd>
19. Manmade or natural, tasty or toxic // The Guardian. – URL : <http://www.theguardian.com/science/blog/2014/may/19/manmade-natural-tasty-toxic-chemicals>
20. Merriam Webster Dictionary. – URL : www.merriam-webster.com
21. Oxford English Dictionary. – URL : www.oed.com
22. Scientists confirm redhead gene evolved due to lack of sunlight // Irish Central. – URL : <http://www.irishcentral.com/news/scientists-confirm-redhead-gene-evolved-due-to-lack-of-sunlight-224444281-237778201.html>
23. Scientists urge global ‘wake-up call’ to deal with climate change // The Guardian. – URL : <http://www.theguardian.com/environment/2015/feb/10/geoengineering-should-not-be-used-as-a-climate-fix-yet-says-us-science-academy>

24. Sleep keeps brain fit by clearing waste // ABC Science. – URL : <http://www.telegraph.co.uk/news/science/science-news/11338225/Smartphones-and-tablets-cause-skin-wrinkling-condition-dubbed-tech-neck.html>
25. Smartphones and tablets cause skin wrinkling condition dubbed ‘tech-neck’ // The Telegraph. – URL : <http://www.telegraph.co.uk/news/science/science-news/11338225/Smartphones-and-tablets-cause-skin-wrinkling-condition-dubbed-tech-neck.html>
26. Stone throwers might toss fingerprints into police hands // Science news. – URL : <https://www.sciencenews.org/blog/gory-details/stone-throwers-might-toss-fingerprints-police-hands>
27. The what-the-hell effect is usually interpreted, rightly, as an argument for setting more realistic goals // The Guardian. – URL : <http://www.theguardian.com/lifeandstyle/2014/may/24/this-column-change-life-what-the-hell-effect>
28. What was the “sweating sickness” in “Wolf Hall”? // The Telegraph. – URL : <http://www.telegraph.co.uk/news/science/science-news/11338225/Smartphones-and-tablets-cause-skin-wrinkling-condition-dubbed-tech-neck.html>

Раздел II

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ НОВЫХ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ НОМИНАЦИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 81; 81'371

И. В. Зыкова

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник, Институт языкознания РАН
e-mail: zykova_iv@mail.ru

РАЗНОВИДНОСТИ ПРОЦЕССА ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИИ С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА¹

Статья посвящена вопросу о роли когнитивных факторов в формировании значений фразеологизмов. К числу таких факторов относится межсемиотическая транспозиция, под которой понимается перевод концептуального содержания знаковых средств различных семиотических областей культуры в знаки естественного языка (во фразеологические знаки в частности). Показано, что фразеологизация представляет собой поэтапный процесс, состоящий из формирования под воздействием разных семиотических областей культуры макрометафорических концептуальных моделей, на базе которых создаются индивидуальные образы и семантика фразеологизмов. Особое внимание уделяется описанию трех основных разновидностей процесса фразеологизации, выявленных в ходе исследования английских фразеологизмов посредством разработанного метода лингвокультурологической реконструкции.

Ключевые слова: фразеологизация; фразеологическое значение; макрометафорическая концептуальная модель; межсемиотическая транспозиция; лингвокультурологическая реконструкция.

I. V. Zykova

Doctor of Philology, Leading Research Associate,
the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
e-mail: zykova_iv@mail.ru

TYPES OF THE PROCESS OF PHRASEOLOGISM-FORMATION IN A LINGUOCULTUROLOGICAL PERSPECTIVE

The paper dwells on the issue of cognitive factors that induce the formation of phraseological meanings. One of such factors is the inter-semiotic transposition

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №14-28-00130).

which is understood in our research as the “translation” of some conceptual content of signs of various semiotic domains of culture into signs of language (phraseological signs in particular). The paper shows that the process of phraseologism-formation consists of a number of stages. Macro-metaphorical conceptual models that are created under the influence of different semiotic domains of culture give rise to individual phraseological images, which in their turn generate particular phraseological semantics and, consequently, phraseologisms as language units. Special attention is paid to the description of three main types of the process of phraseologism-formation established in the study of English phraseologisms by means of the method of linguoculturological reconstruction elaborated in our investigation.

Key words: phraseologism-formation; phraseological meaning; macro-metaphorical conceptual model; inter-semiotic transposition; linguoculturological reconstruction.

Проблема фразеологизации (или фразеологической номинации, фраз(е)образования) относится к числу ключевых проблем общей фразеологии. Она имеет долгую историю изучения, о которой свидетельствует значительное количество научных трудов, опубликованных на протяжении последних семидесяти лет как отечественными, так и зарубежными учеными, в числе которых В. Л. Архангельский, А. М. Бабкин, В. В. Виноградов, Ю. А. Гвоздарев, В. П. Жуков, В. И. Кодухов, М. М. Копыленко, А. В. Кунин, Б. А. Ларин, А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко, В. М. Огольцев, Л. И. Ройзензон, А. И. Смирницкий, В. Н. Телия, А. И. Федоров, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев и мн. другие; Н. Burger, С. Cacciari, F. Čermák, G. Corpas Pastor, A. P. Cowie, R. Eckert, C.J. Fillmore, W. Fleischer, B. Fraser, R. Gibbs, W.S. Glucksberg, P. Guiraud, L. Jaeger, J. A. Katz, J. Korhonen, A. Makkai, R. Moon, J. E. O’Brien, С. O’Connor, P. M. Postal, J. Strässler, U. Weinreich и др.

Необходимо отметить, что в отечественном языкознании в ходе разработки общей теории фразеологизации на материале самых разных языков (русского, английского, немецкого, французского, чешского, польского, якутского, китайского и др.) процесс образования фразеологизмов рассматривался главным образом как лингвистическое явление. Иначе говоря, изучение фразеологизации сводится преимущественно к поиску собственно языковых источников или внутриязыковых факторов, обуславливающих возникновение особых – фразеологических – средств языковой системы как косвенных или вторичных средств языковой номинации. К примеру, Ю. А. Гвоздарев выделял пять основных типов деривационных баз в русской

фразеологии: 1) отдельные слова, 2) переменные сочетания русской речи, 3) пословицы русского народа, 4) фразеологические единицы русского языка, 5) иноязычный материал [2]. В связи со сложившейся практикой изучения фразеологизации она трактуется как процесс формирования фразеологизмов на базе имеющихся в языке языковых средств, главными среди которых являются разного рода свободные или устойчивые словосочетания, предложения и синтаксические конструкции общего или терминологического характера, имеющие или не имеющие конкретного автора и, возможно, свойственные речи определенных социально-возрастных групп¹. При этом заслуживает внимания тот факт, что наряду с лингвистическими выделяются и экстралингвистические факторы [8], влияющие на процесс образования фразеологизмов. Однако изучение последних не носило, как правило, системного характера. Между тем, по мере развития общей фразеологической теории, которое проходит в настоящее время в рамках становления ряда новых междисциплинарных направлений во фразеологии, например психолингвистического, социолингвистического, этнолингвистического, лингвокогнитивного, лингвокультурологического, всё бóльшую значимость в изучении процесса формирования фразеологизмов в разных языках обретают экстралингвистические (психические, когнитивные, социальные, этнические, культурные и др.) факторы². Следовательно, можно говорить о происходящем сегодня расширении научного представления о процессе фразеологизации, основанного на переходе от его понимания как сугубо языкового явления³ к его пониманию как феномена, возникновение которого связано с различными фактами внеязыкового порядка.

В данной статье речь пойдет как о специфике процесса фразеологизации, так и о ее разновидностях, рассматриваемых с позиции лингвокультурологического подхода [4]. В рамках данного подхода фразеологизация трактуется как культурно детерминированный процесс. Согласно разрабатываемой нами лингвокультурологической концепции, любой фразеологизм, точнее любое фразеологическое значение,

¹ См., например [3; 6; 7].

² См., например [1; 9; 10].

³ На это также указывает и используемое в научной литературе выражение «фразеологизация языковых единиц».

формируется под воздействием культуры (или концептосферы культуры) как результат межсемиотической транспозиции.

Понятие «межсемиотическая транспозиция» было введено в научный обиход Р. Якобсоном. Под ним ученый понимает транспозицию (или перевод) «из одной системы знаков в другую, например из вербального искусства – в музыку, танец, кино, живопись» [11, с. 24]. Межсемиотическая транспозиция или перевод, а также трансмутация, иначе определяются Р. Якобсоном как «перекодирующая интерпретация», т. е. как интерпретация вербальных знаков с помощью невербальных.

Межсемиотическая транспозиция в нашей работе понимается как своего рода «обратный» перевод, т. е. перевод концептуального содержания знаков различных семиотических областей культуры в знаковое пространство естественного языка, в пространство фразеологических знаков в частности. В результате этого перевода образуется, прежде всего, глубинный уровень содержания фразеологизма, представляющий собой концептуальное основание его образа. Глубинный уровень, в свою очередь, служит источником формирования поверхностного (или семантического) уровня его целостного значения (см. схему 1).

Схема 1

Фразеологическое значение: специфика построения и организации

Следует отметить, что знаки культуры, концептуальное содержание которых подвергается процессу межсемиотической транспозиции и участвует в построении значений фразеологизмов, чрезвычайно

разнообразны и принадлежат разным семиотическим областям, таким как, например, театральное искусство, архитектура или строительство, спорт, повседневная деятельность, религия, музыка и др. Свидетельством тому, что данные семиотические области культуры служат источниками формирования фразеологизмов, являются, в частности, следующие языковые знаки:

to be center stage (букв. ‘быть центральной сценой’) – “to have everyone’s attention” [23];

to cement a relationship (букв. ‘цементировать’ или ‘бетонировать отношения’) – “to do something in an endeavor to make a relationship permanent” [23];

not to be in the race (букв. ‘не участвовать в состязании в скорости или в беге’, т. е. в скачках, гонках и др.) – “to lack the required standard” [23];

to put one’s house in order (букв. ‘приводить дом в порядок’) – “to arrange one’s affairs and to solve one’s problems” [17];

baptism of fire (букв. ‘крещение огнем’) – “a difficult introduction to a new job or activity” [24];

to change one’s tune (букв. ‘изменять свою мелодию’) – “to express a completely different opinion” [19].

Одним из значимых в этой связи представляется вопрос о том, как происходит транспозиция концептуального содержания знаков различных семиотических областей культуры в формы фразеологических знаков, т. е. как протекает процесс фразеологизации и каковы могут быть его разновидности. Изучение данного вопроса осуществлялось посредством разработанного в нашем исследовании метода лингвокультурологической реконструкции.

Лингвокультурологическая реконструкция представляет собой комплексный метод, направленный, прежде всего, на воссоздание глубинных (концептуальных) оснований значений фразеологизмов, образующихся в результате межсемиотической транспозиции и служащих источником фразеологических образов и семантики; она позволяет в известной мере реконструировать последовательное построение целостных значений фразеологизмов и выявить возможные разновидности процесса фразеологизации. Данный метод, будучи комплексным, объединяет несколько методов и методологических приемов, с помощью которых производится поэтапное восстановление

концептуальных оснований содержания фразеологизмов, основными среди которых являются следующие: соотнесение компонентов фразеологизмов со знаками различных семиотических областей культуры, семиотический анализ, метод концептуального анализа, а также приемы логического вывода¹.

Особое внимание обратим на то, что одним из наиболее важных и необходимых условий применения метода лингвокультурологической реконструкции при изучении процесса фразеологизации является отбор и анализ всех концептуально родственных фразеологических знаков того или иного языка. Принимая во внимание это условие, из более чем 30 авторитетных словарей английского языка нами были отобраны для исследования около 2,5 тыс. фразеологизмов, концептуальное родство которых определяется наличием в их структуре и / или семантике компонентов, относящихся к различным аспектам вербальной коммуникации, например:

to talk shop – “discuss matters concerning one’s work” [24];

to play to the gallery – “say what you think people want to hear in order to gain popularity” [21];

to dip into a book – “to read small parts of a book or magazine” [14].

Изучение специфики образования этой обширной группы английских фразеологизмов посредством метода лингвокультурологической реконструкции позволило, прежде всего, установить, что концептуальные основания, сформированные в результате межсемиотической транспозиции, представляют собой сложные концептуальные структуры, определяемые нами как **макрометафорические концептуальные модели**². В ходе исследования было реконструировано 11 макрометафорических концептуальных моделей, порождающих образы всех фразеологизмов рассматриваемой группы, на базе которых формируется их семантика. В самом обобщенном виде выявленную специфику процесса фразеологизации можно показать на примере английского фразеологизма *to talk in circles* (букв. *говорит кругами*). Так, посредством

¹ См. подробнее [5].

² Следует отдельно отметить, что при выявлении макрометафорических концептуальных моделей мы опирались прежде всего на теорию метафорических концептов Дж. Лакоффа и М. Джонсона, а также на ряд работ в области когнитивной лингвистики таких ученых, как М. Редди, П. Карлетон, М. Тернер, Р. Лэнкер; Е. С. Кубрякова, Е. Г. Беляевская, В. З. Демьянков.

перевода концептуального содержания знаков таких двух семиотических областей культуры англоязычного социума, как вербальная коммуникация и путешествие (на что указывают составляющие этот фразеологизм компоненты), осуществляется построение макрометафорической концептуальной модели **VERBAL COMMUNICATION IS TRAVEL (JOURNEY)**. Данная модель служит источником возникновения в английской языковой системе конкретного фразеологического образа, в котором один из аспектов вербальной деятельности, а именно говорение, уподобляется одному из аспектов путешествия, а именно (пере)движению по определенному маршруту или по пути следования (в данном случае по кругу). Созданный фразеологический образ ложится в основу формирования фразеологической семантики, направленной на описание определенной манеры или способа ведения беседы (разговора, обсуждения). Итогом процесса фразеологизации, основанного на межсемиотической транспозиции, является образование полноценного фразеологического знака английского языка – *to talk in circles* со следующим результирующим целостным значением – «to talk in a confusing or roundabout manner» [22] (см. схему 2).

Схема 2

To talk in circles: специфика построения и организации значения

Проведение лингвокультурологической реконструкции на всем фразеологическом материале позволило в итоге установить три основные разновидности фразеологизации как культурно детерминированного процесса.

Разновидность I. Формирование фразеологизмов, описывающих вербальную коммуникацию, посредством как знаковых средств самой области вербальной коммуникации, так и знаковых средств других семиотических областей культуры. Примером этой разновидности процесса фразеологизации является фразеологизм *to pay a compliment to someone* (букв. *платить комплиментом кому-либо*) со значением «*to express praise or commendation to someone*» [12], источником образования которого является как семиотическая область вербальной коммуникации, на что указывает в его составе компонент *compliment*, так и семиотическая область торговли (или коммерческой деятельности), на что указывает компонент *pay*. Другими примерами данной разновидности процесса фразеологизации являются следующие английские фразеологизмы:

to make conversation (букв. ‘делать / создавать / конструировать разговор’) – “*to talk for the sake of politeness without having anything to say*” [24];

to eat one’s words (букв. ‘съесть свои слова’) – “*have to take back one’s statements*” [22].

Разновидность II. Формирование фразеологизмов, описывающих разнообразные явления действительности (за исключением вербальных), посредством знаковых средств семиотической области вербальной коммуникации во взаимодействии со знаками других семиотических областей культуры. Так, фразеологизм *from the word go* (рус. от слова идет) имеет значение «*from the very beginning*» [24], т. е. не описывает вербальную деятельность. При этом в его составе присутствует компонент *word*, который является свидетельством участия в формировании данного фразеологизма семиотической области вербальной коммуникации, и компоненты *from* и *go*, несущие указание на участие в формировании семантики этой единицы семиотической области путешествия. Аналогичным способом образованы и такие английские фразеологизмы, как, например:

to make an issue of something (рус. ‘создавать / делать из чего-либо важную тему для обсуждения’) – “*to treat too seriously or as a problem*” [24];

of all descriptions (букв. ‘всех описаний’) – “*of all types*” [21].

Разновидность III. Формирование фразеологизмов, описывающих вербальную коммуникацию, посредством знаковых средств других семиотических областей культуры (а не области вербальной

коммуникации). Продемонстрировать данную разновидность процесса фразеологизации можно на примере фразеологизма *to bang / beat the drum* (букв. *бить в барабан, играть на барабане*) – «to speak eagerly about something that you support» [16]. Значение данного фразеологического знака, в котором описывается определенный аспект вербальной деятельности, формируется с опорой на знаковые средства, связанные с производством определенных музыкальных звуков посредством такого инструмента, как барабан, и относящиеся соответственно к семиотической области музыкальной игры. В качестве других примеров данной разновидности процесса фразеологизации можно привести следующие английские фразеологизмы:

to open (old) wounds (букв. ‘открывать / вскрывать (старые) раны’) – “to remind someone of unpleasant things that happened in the past” [20];

be on dangerous ground (рус. ‘быть на опасном участке земли’) – “talk about a subject which might upset or offend people” [15].

Кроме исследования группы английских фразеологизмов, имеющих отношение к различным аспектам вербальной деятельности, нами было проведено аналогичное исследование дополнительной группы фразеологизмов английского языка, в структуре и / или семантике которых есть компоненты, описывающие разного рода проблемы (проблемные ситуации) или трудности (более 300 единиц), например:

to be in hot water – ‘to be in trouble or to be in difficulty’ [23];

a problem child – ‘a source of unnecessary difficulty’ [23];

to be able to spot trouble a mile away – ‘to be able to spot trouble before it actually happens’ [23].

В данной группе концептуально родственных английских фразеологизмов посредством применения метода лингвокультурологической реконструкции были выявлены те же три основные разновидности процесса фразеологизации, которые мы описали выше. Приведем примеры.

Разновидность I. Формирование фразеологических знаков, имеющих в своей семантике указание на некую проблему (или трудность), на базе знаковых средств проблемной ситуации, а также знаков других семиотических областей культуры, например: *a Chinese puzzle* (букв. ‘китайская головоломка’) – «a complicated problem» [18]. Образование данного фразеологизма, обозначающего факт наличия определенного

типа проблемы, осуществляется с привлечением знаковых средств как самой семиотики проблемной ситуации, о чем свидетельствует компонент *puzzle*, так и другой семиотической области культуры, в частности семиотической области национальных отношений, на что указывает компонент *Chinese*. Другими примерами, демонстрирующими данную разновидность процесса фразеологизации, являются следующие фразеологизмы английского языка:

to be able to spot trouble a mile away (букв. 'быть способным обнаружить неприятность / проблему за милю вперед') – "to be able to spot trouble before it actually happens" [23];

to be in difficulty (букв. 'быть, существовать в проблеме') – "to have a lot of problems" [17].

Разновидность II. Формирование фразеологизмов, описывающих различные аспекты или факты жизни, различные явления действительности (но не проблемы, трудности), посредством знаковых средств семиотической области проблемной ситуации, а также знаков других семиотических областей культуры англоязычного сообщества. Так, характерной особенностью формирования фразеологизма *to go to the trouble* (букв. 'доходить до трудности, проблемы') является то, что несмотря на наличие в его составе компонента *trouble*, указывающего на семиотику проблемной ситуации, он обозначает не какой-либо аспект самой проблемной ситуации, а другое явление действительности – усилие: 'to make an effort to do something' [13]. К тому же, компонент *go* (*to something*) несет указание на участие в формировании данного фразеологизма и такой семиотической области культуры, как путешествие. В качестве других примеров данной разновидности процесса фразеологизации можно привести следующие английские фразеологизмы:

look for trouble (букв. 'искать проблемы / трудности') – "behave in a way that is likely to provoke an argument or fight" [23];

trouble shooter (букв. 'стрелок по неприятностям') – "a person good at finding and then rectifying faults" [23].

Разновидность III. Формирование фразеологизмов, описывающих тот или иной тип (аспект, область и т. д.) проблемы или трудности, при участии знаковых средств самых разнообразных семиотических областей культуры (кроме самой семиотической области проблемной ситуации), например:

a bitter pill for someone to swallow (букв. ‘горькая пилюля, которую (кому-либо) приходится глотать’) – “something that is difficult to accept and distressing to bear” [25].

Отличительной чертой данного фразеологизма является то, что, несмотря на имеющееся в его значении указание на конкретную трудность, образование этого фразеологизма осуществляется без привлечения каких-либо знаковых средств собственно семиотики проблемной ситуации с опорой на знаковые средства такой семиотической области культуры, как медицина, о чем свидетельствуют компоненты рассматриваемого фразеологизма *a bitter pill, to swallow*. Данную разновидность процесса фразеологизации демонстрируют и такие английские фразеологизмы как, например:

a lion in the path / way (букв. ‘лев на дороге / пути’) – “a difficulty or obstacle (real or supposed) given as a reason / excuse for not doing something” [25];

to be in hot water (букв. ‘быть в горячей воде’) – “to be in trouble or to be in difficulty” [23].

Подводя итог всему вышесказанному, отметим, что предлагаемый в настоящей работе лингвокультурологический подход к исследованию процесса фразеологизации позволяет учесть роль когнитивных факторов в процессах образования фразеологизмов, способствуя нахождению новых путей изучения глубинной сущности рассматриваемого явления и в известной степени расширяя научное представление о нем. Данный подход, как было показано в работе, раскрывает специфику построения значения фразеологических знаков в результате межсемиотической транспозиции, и потому являющегося культурно обусловленным процессом. Установленные разновидности процесса фразеологизации позволяют прояснить вопрос о том, какое концептуальное содержание, становясь релевантным для процесса фразеологизации, отбирается из разных семиотических областей культуры и комбинируется для построения целостных концептуальных структур – сложных концептуальных моделей, порождающих фразеологические образы и семантику, т. е. являются источником фразеобразовательного процесса и фразеобразовательного потенциала той или иной языковой системы.

В заключение особо подчеркнем, что предлагаемый в настоящей работе лингвокультурологический подход к изучению специфики

образования фразеологизмов не отрицает и не противоречит сложившейся традиции изучения процесса фразеологизации как языкового явления. Можно полагать, что предлагаемая нами лингвокультурологическая реконструкция дополняет существующее представление о фразеологической номинации. При этом выделенные нами когнитивные факторы фразеологизации мы отнесли бы, пожалуй, к «первичным», позволяющим создать некий исходный фонд фразеологического материала, который способен развиваться и меняться, служить источником для разного рода языковых модернизаций, инноваций или окказиональных экспериментов в области фразеологии, или, иначе говоря, служить основанием для эволюции фразеологической подсистемы языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Концептуальные основания семантики языковых единиц (от лексикологии к фразеологии) // Несколькословные единицы номинации в английском языке: от лексикологии к фразеологии. – М. : Изд-во МГЛУ, 2005. – С. 9–24. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 500. Серия Лингвистика).
2. *Гвоздарев Ю. А.* Основы русского фразообразования. – Ростов-н/Д : Изд-во Ростовск. ун-та, 1977. – 184 с.
3. *Жуков В. П.* Образование фразеологизмов // Русская фразеология. – М. : Высшая школа, 2006. – С. 103–127.
4. *Зыкова И. В.* Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков : дис. ... д-ра филол. наук. – М. : Ин-т языкознания РАН, 2014. – 510 с.
5. *Зыкова И. В.* Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. – М. : ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
6. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М. : Высшая школа ; Дубна : Феникс, 1996. – 381 с.
7. *Ларин Б. А.* Очерки по фразеологии: О систематизации и методах исследования фразеологии // Уч. записки ЛГУ. Сер. филол. наук. – 1956. – Вып. 24. – № 198. – С. 200–225.
8. *Ройзензон Л. И.* Лекции по общей и русской фразеологии. – Самарканд : СамГУ им. А. Навои, 1973. – 221 с.
9. *Телия В. Н.* Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М. : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
10. *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – М. : Индрик, 1995. – 509 с.

11. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. – М. : Изд-во «Международные отношения», 1978. – С. 16–24.
12. The American Heritage Dictionary of Idioms / C. Ammer. – US: The Houghton Mifflin Hartcourt, 2003. – 474 p.
13. The Cambridge Dictionary of American Idioms. – URL: <http://idioms.thefreedictionary.com>
14. The Cambridge Dictionaries Online. – URL : <http://dictionary.cambridge.org>
15. The Cambridge Idioms Dictionary. – URL : <http://idioms.thefreedictionary.com>
16. The Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge University Press, 1999. – 588 p.
17. The Collins COBUILD English Learner’s Dictionary. [Электронный словарь].
18. The Collins English Dictionary. – URL : <http://www.thefreedictionary.com>
19. A Guide to Idioms / K. Cullen, P. Hands, U. McGovern, J. Wright (eds). – Chambers Harrap Publishers Ltd, 2000. – 220 p.
20. The Longman Dictionary of Contemporary English. – Pearson Education Ltd, 2003. – 1950 p.
21. The Macmillan English Dictionary. – URL : <http://www.macmillandictionaries.com/>
22. The McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs. – The McGraw-Hill Companies, 2006. – 1098 p.
23. Metaphorically speaking: a dictionary of 3,800 picturesque idiomatic expressions / N.E. Renton. – Warner Books Inc, 1992. – 546 p.
24. The Oxford Dictionary of English. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – (CD-ROM).
25. The Oxford Dictionary of English Idioms / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford University Press, 2002. – 688 p.

УДК 81'37

Н. А. Стебелькова

кандидат филологических наук, профессор кафедры лексикологии
английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: stebelkova2010@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ НА ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

В статье рассматривается вопрос о влиянии социальных факторов на процессы фразообразования. Анализируется характер изменений в лексическом составе и в образной основе фразеологизмов в их соотношении с предметной областью культуры и акциональной картиной мира. В статье предлагаются некоторые направления исследования устойчивых единиц языка в социальном контексте.

Ключевые слова: социальный фактор; лексический состав фразеологической единицы; образная основа; фразообразование; ценностно-нормативная система.

N. A. Stebelkova

Ph.D., Professor, Department of English Lexicology MSLU
e-mail: stebelkova2010@yandex.ru

THE IMPACT OF SOCIAL FACTORS ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PHRASEOLOGICAL UNITS

The article analyses the role of social factors in the process of phrase formation. It attempts to trace the character of changes in the lexical composition and imagery of phraseological units in their relation to material culture, hierarchy of values and norm. The article suggests some ideas for the study of phraseological units in a social context.

Key words: social factors; lexical composition of a phraseological unit; image-bearing component of meaning; phrase formation; norm and hierarchy of values.

В настоящее время многие лингвистические исследования носят междисциплинарный характер, что отражает общую тенденцию в сфере науки, объективно сформировавшуюся под воздействием убеждения, разделяемого многими учеными в том, что большинство значимых открытий осуществляется на стыке наук.

Данная особенность в полной мере распространяется и на фразеологию; как интенсивно развивающаяся область знаний, фразеология

соприкасается с такими дисциплинами, как сравнительное языкознание, когнитивная лингвистика, лингвокультурология и в перспективе, как нам представляется, может развиваться в тесном взаимодействии с социолингвистикой. Социолингвистика имеет свою методологию, понятийный аппарат и четко выраженную проблематику. Социолингвистика, по определению У. Лабова, есть «исследование языка в социальном контексте» [3, с. 41].

В рамках традиционных для социолингвистики направлений исследования, включающих изучение влияния общества на функционирование языка, анализ социальной обусловленности языковых явлений, уже достаточно много сделано. Вопрос же об отражении социального непосредственно в структуре языкового знака, по справедливому замечанию Т. Б. Крючковой, исследован в языкознании значительно меньше [2].

Фразеологические единицы, безусловно, представляют интересный материал для изучения того, как информация о социальных явлениях, о состоянии и об изменении в общественном сознании включена в семантику и прагматику комплексных языковых знаков.

Являясь комплексным языковым знаком, фразеологическая единица (далее – ФЕ) состоит из целого ряда составляющих, которые могут быть рассмотрены с точки зрения влияния социальных факторов на их формирование и развитие.

К таким составляющим относятся: лексический состав ФЕ, образная основа, коннотативные значения, прагматическая информация, детерминирующая использование языковой единицы в определенной коммуникативной ситуации.

Фразеологический фонд как часть языковой системы постоянно развивается. Все три фактора динамики языковой системы: появление новых лексических единиц, расширение круга вариатных форм, стилистическая дифференциация и перемещение единиц внутри системы в той или в иной степени касаются лексического состава фразеологизмов.

Закономерно возникает вопрос о том, какую роль в различного рода изменениях лексического состава ФЕ, равно как и в самом процессе фразеологизации, играют факторы социального характера.

Для своих наблюдений мы использовали данные следующих словарей: «Cambridge International Dictionary of Idioms» (в словарь включены фразеологизмы, распространенные в британском, американском,

австралийском варианте современного английского языка) [5] и словарь «Longman Idioms Dictionary», первое издание которого появилось в 1998 г. [6].

Лексический состав и образно-мотивированное основание фразеологической единицы так или иначе соотносятся с предметной областью культуры и отражают развитие общества и, в частности, уровень развития науки и техники. Так, целый ряд фразеологизмов включает лексем, которые до какого-то исторического момента не могли появиться в составе устойчивых словесных комплексов фразеологического характера и собственно фразеологизмов. Примерами таких лексем в составе фразеологизмов могут быть: *battery* (аккумуляторная батарея), *autopilot* (автопилот), *tank* (танк) и целый ряд других.

Лексема «battery» употребляется во фразеологическом обороте *recharge one's batteries* и определяется в словаре «Cambridge International Dictionary of Idioms» [5] как «to rest in order to get back your strength and energy».

Значение устойчивого оборота *to be built like a tank*, имеющего двойную референтную отнесенность, трактуется как «very strong & very big».

Безусловный интерес для исследователей представляют и причины фразеобразовательной активности тех или иных лексических единиц, устойчивая воспроизводимость фразеологизмов с данными компонентами, которая может быть связана с новыми социально-детерминированными мифологемами и символами.

Сохраняет свою фразеобразовательную активность лексема «cold», например: ФЕ *to come in from the cold* «if someone comes in from the cold, they become part of a group or an activity which they were not allowed to join before» [5]. Данный фразеологизм коррелирует с образованным по конверсии словосочетанием *bring smb. in from the cold*; ФЕ *to leave smb. out in the cold* – «to deliberately not include someone in an activity or group» [5] и имеет сходное образное основание. Во фразеологизмах, функционирующих в современном английском языке и отмеченных в словарях как единицы, обладающие высокой частотностью употребления, аспект социальных отношений выражен достаточно отчетливо.

Данные словарей свидетельствуют об активном участии стилистически сниженной лексики в формировании устойчивых оборотов.

Изучение фразеобразовательной активности стилистически сниженной лексики, равно как и анализ особенностей употребления

устойчивых оборотов, включающих данные лексемы в разных типах дискурса, дает возможность исследователям более пристально отслеживать изменения нормы. Языковая норма, как известно, является понятием социально-историческим, находящимся под влиянием внешних, социальных факторов.

Интересно, что лингвисты, изучающие многообразие процессов, происходящих в современном русском языке, отмечают вторжение «разговорной стихии» в публичные формы речи, проникновение в публичную речь лексики из социальных и профессиональных жаргонов [1].

Можно предположить, что аналогичные процессы достаточно активно развиваются и в современном английском языке. Так, стилистически маркированная лексика активно участвует не только во фразообразовательных процессах, но и в образовании вариантных форм уже существующих фразеологизмов.

Вопрос о социально обусловленном варьировании лексического состава фразеологизмов может быть с полным основанием включен в повестку дня современных исследований, равно как и вопрос о взаимодействии культуры и языка на определенном этапе развития общества, поскольку изучению связи языка с культурой в современной социолингвистике уделяется особое внимание.

Влиянием социального фактора можно объяснить и наличие определенных тенденций формирования и развития устойчивых языковых выражений в пределах той или иной тематической группы единиц. Так, например, возрастающая роль некоторых сфер деятельности человека, а в современном обществе это, прежде всего, сфера политики, накладывает свой отпечаток на процессы фразообразования. Словари фиксируют достаточно большое количество единиц, связанных с понятием власти и влияния. Примером может служить ФЕ:

the movers & shakers – «someone who is powerful or has a lot of influence» [5];

to have smb. in the palm of your hand – «to have so much control over someone that they will do whatever you want them to do» [5];

to bow & scrape to smb. – «to please people in authority» [5].

Наиболее активно новыми единицами пополняется тематическая сфера «финансы, деньги»:

to be coining money – «to be earning a lot of money quickly» [5];

to be right on the money – mainly informal «to be exactly right» [5].

Значение устойчивого оборота с предикативной структурой «my money is on» в словаре определяется как «saying that you think a particular person is going to do or achieve smth. or that a particular thing is going to happen» [7].

Социальные факторы, безусловно, оказывают существенное влияние на динамику языковых процессов. Исследователю важно получить ответ на вопрос, почему одни образы живут в течение столетий, а другие утрачивают свою коммуникативную актуальность и маркируются словарями как устаревшие или подвергаются некоторым модификациям, что проявляется в расширении и в дифференциации вариантных форм.

Важной составляющей фразеологизма является и образная основа.

Образно-мотивированное основание ФЕ соотносится не только с предметной областью культуры, но и с акциональной картиной мира, с ценностно-нормативной системой, доминирующей в том или ином обществе.

Выразительные средства языка, а фразеологизмы являются таковыми, могут служить своего рода иллюстрацией того, как изменяется иерархия ценностей в современном обществе. Ученые, занимающиеся проблемами социолингвистики, этнолингвистики и культурологии, отмечают значительные изменения в аксиологической картине мира; при этом меняются не только ценности, но и «их репрезентации и способы их подачи» [4].

Анализ языкового материала показывает, что образное основание ФЕ может формироваться под воздействием господствующих в обществе стереотипов, отражающих представления о тех или об иных социальных слоях населения, характере взаимоотношения между людьми, принадлежащими к разным профессиональным или иным общественным группам.

Социально обусловленное, стереотипное представление о том, что роль в кинофильме или в театральном спектакле актриса может получить, оказывая услуги определенного характера режиссеру, повлияло на формирование образной основы ФЕ *the cast (casting) couch*. В словаре «Cambridge International Dictionary of Idioms» данный фразеологизм имеет помету «hum», а его значение определяется как «a situation in which someone agrees to have sex in return for getting a job as an actor» [5]:

Her rise to stardom owed much to the casting couch.

Аналогичным примером может служить ФЕ *to make a killing* (inf.) «to earn a lot of money very easily» [5]. Можно предположить, что

образное основание данной единицы основано на стереотипном представлении о том, что сделать состояние быстро путем совершения противоправных поступков – явление достаточно распространенное.

Безусловный интерес представляет анализ экспрессивно-эмоциональных характеристик образа, лежащего в основе семантики фразеологизмов, широкоупотребляемых в современном английском языке. Так, в основе целого ряда единиц лежит образ иносказательного характера. Данный тип образа встречается во фразеологических оборотах, являющихся обозначениями некоторых социальных групп людей. При этом социально обусловленный оценочный компонент в таких словосочетаниях проступает достаточно отчетливо. Примером может служить устойчивый оборот *the chattering classes – Br. humorous* «educated people who like to discuss and give their opinions about political and social matters» [5].

Определенное количество фразеологизмов, обозначающих те или иные модели поведения в социуме, имеют помету «humorous», что побуждает поставить под сомнение необходимость категорического осуждения или критики традиционной нормы поведения; новая норма, таким образом, становится более свободной и менее определенной.

В заключение, хотелось бы отметить, что все изменения, которые могут иметь место в языковых единицах под воздействием внешнего, социального стимула не могут быть рассмотрены вне контекста внутренних механизмов развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях // Очерки о русской лексике и лексикографии. – М. : Знак, 2008. – С. 127–135.
2. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в лингвистике. – Вып. 7. Социоллингвистика. – М. : Прогресс, 1975. – С. 40–93.
3. Крюкова Т. Б. Развитие отечественной социоллингвистики // Социоллингвистика: вчера и сегодня. – ИНИОН РАН, 2008. – С. 110–125.
4. Эволюция ценностей в языках и культурах / отв. ред. И. А. Седикова. – М. : Пробел-2000, 2011. – 254 с.
5. Cambridge International Dictionary of Idioms. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 588 p.
6. Longman Idioms Dictionary. – Barcelona : Addison Wesley Longman, Ltd, 1998. – 398 p.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – London : Macmillan Publishers Limited, 2002. – 1692 p.

УДК 811.111

А. Д. Прянишникова

кандидат филологических наук, доцент,
профессор кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: a.d.prianish252@yandex.ru

О ВАРЬИРОВАНИИ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ В АНГЛИЙСКИХ МНОГОЗНАЧНЫХ ЛЕКСЕМАХ «LECTURE» И «CARPET»

На примере английских лексем *lecture* и *carpet* проводится анализ взаимодействия их лексической и словообразовательной полисемии. Существительное и глагол *lecture* и *carpet*, объединенные в соответствующую конверсную пару, анализируются в аспектах принадлежности производящей основы и производного слова к лексико-семантической группировке и словообразовательного и референциального типов значения.

Ключевые слова: тип полисемии; лексико-семантический вариант; лексема; словообразовательная деривация; лексико-семантическая деривация; метонимия; эпитет; точка зрения.

A. D. Prianishnikova

Ph.D., Associate Professor,
Professor, Department of English lexicology,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: a.d.prianish252@yandex.ru

ON VARIABILITY OF POINT OF VIEW IN THE ENGLISH POLYSEMANTIC LEXEMES “LECTURE” AND “CARPET”

The English lexemes *lecture* and *carpet* are analyzed as manifestations of interaction of their lexical and word-formative polysemy. The belonging of the base word and the derivative of the pairs of the words tied by conversion to a lexical semantic grouping and variations in their word-formative and referential meaning are examined.

Key words: type of polysemy; a lexical semantic variant; lexeme; word-formative derivation; lexical-semantic derivation; metonymy; epithet; point of view.

Статья посвящена проблеме многозначности английских слов, связанных отношением семантической и словообразовательной деривации. В данной работе тип полисемии понимается как семантическое отношение между лексико-семантическими вариантами слова. Это семантическое отношение можно наблюдать в словарных дефинициях попарно сопоставляемых лексико-семантических вариантов слова как

результат семантического изменения. Лексико-семантический вариант слова трактуется в работе как двусторонняя единица языка. Под лексемой понимается словоформа в единстве своих форм и значений.

В данной статье анализ соотношения типов лексической и словообразовательной полисемии проводится на основе изучения работ А. Дармстетера (1886), Г. Пауля (1886, 1960), М. Бреалья (1901), Г. Стерна (1931), В. В. Виноградова (1977), В. Адамс (1973), С. Куно (1987), Е. Г. Беляевской (1992), И. Э. Барона (1995), В. И. Шадрина (1996), Л. М. Лещевой (1996), Е. М. Поздняковой (1999), А. Д. Кошелева (2015), В. Эванса (2015).

М. Бреаль выделяет в качестве отдельного типа полисемии непрямую, или вторичную, полисемию (*an indirect or secondary polysemia*), при которой значение слова возникает при посредстве другого слова [6, с. 144–145]. Среди типов семантических изменений, анализируемых Г. Стерном [9], обращают на себя внимание такие, как номинация с помощью того или иного стилистического приема (*nomination*) и изменение точки зрения (*adequation*).

В. Эванс [4] объясняет типы полисемии с помощью теории лексических концептов и концептуальных моделей. Известно, что полисемия возникает или актуализируется в контексте. Межсловная полисемия понимается по В. Эвансу как тип полисемии, возникающий при появлении и развитии модификаций лексических концептов. Слова, сочетаясь друг с другом, открывают завесу, скрывающую экстралингвистический опыт, отраженный в сознании и объясняющий устойчивые ассоциативные переходы – концептуальную полисемию. Так, значения предлогов происходят из взаимодействия предлога и слова, к которому он присоединен по смыслу. Например, и словосочетания с предлогом *in*, и словосочетания с предлогом *on* интерпретируемы в переносном значении как выражения состояния, однако передаваемое состояние различно, так как в первом случае оно определяется внешними воздействиями (*in trouble*), а во втором – включением функций субъекта (*on alert*), и человек это знает по сохраненному в памяти жизненному опыту [4].

При изучении проблемы типического в проявлении полисемии слов, связанных по конверсии, представляется важным изучение семантических соответствий внутри словообразовательной системы, которые наблюдаются в словах, образованных с помощью аффиксации, словосложения и конверсии [1; 3].

Ингунн Хогнадоттир [7], опираясь на материалы симпозиума по конверсии (2002) и на работы Р. Дирвена (1999), Г. Раддена и З. Ковечеша (1999) и Д. Шонефельд (Schonefeld) (2005), говорит об изучении полисемии слов, связанных по конверсии, с помощью когнитивной модели идеализированного описания события. Значение производного слова объясняется метонимическим изменением фокуса исходного представления события.

Полисемия – распространенное явление среди английских слов, связанных по конверсии. Из 464 пар слов, связанных отношением словообразовательной конверсии, которые анализируются в главе 4 книги В. Эдамс (1973) [5, с. 37–56], многозначными, как показывает проверка этих слов по словарю «Macmillan Dictionary for Advanced Learners» (второе издание) [10], являются 256 пар языковых единиц. Следующие лексемы имеют от шести до двадцати значений в непрямом слове: *catch, clear, cloud, collapse, cover, dive, dry, dump, eye, face, field, floor, free, ground, head, house, level, lift, meet, model, pass, right, slow, smooth, spread, star, start, sting, support, top*. Наиболее многозначны из них *clear* (17–17), *catch* (20–7), *cover* (10–11), *pass* (17–6). Приведенный список слов показывает, что наиболее многозначными, объединяемыми конверсией в словарную пару, являются слова, которые непосредственно связаны с повседневной жизнью человека.

Большинство пар многозначных конверсивов, которые были отобраны по книге В. Эдамс [5], образованы по модели N→V.

Существительные, от которых образованы глаголы, по своему прямому референциальному значению входят, прежде всего, в следующие лексические группировки: природные явления, животные, растения: *cloud, stone, thunder, dog, fish, bloom, flower, seed*; вещество (продукт чего-либо): *dust, fuel, gas, grease, ink, milk, plaster, salt, smoke, steam, sugar*; названия человека по профессии и названия мест профессиональной деятельности: *butcher, captain, doctor, pilot, police, spy, witness, school, shop*; наименования инструментов: *bomb, catapult, drum, fork, guillotine, hammer, mirror, pipe, rope, screw, shield, strap, trumpet, whistle*; имена коммуникативных и социальных действий: *debate, label, lecture, list, name, phrase, signal, voice*; обозначения артефактов: *bath, bed, bottle, can, carpet, cushion, fence, picture, pocket, table*.

Среди анализируемых слов есть лексические единицы, которые могут быть отнесены к различным группировкам, но они выражают

общую идею собирания вместе, единения [together]. Это такие слова, как *age, book, carpet, combine, crowd, file, heap, lecture, nail, parade, pattern, pile, sandwich, shower, stitch*.

В данной статье приводятся результаты наблюдений над тем, как два типа полисемии – лексическая и словообразовательная – сосуществуют в лексемах *lecture* и *carpet* и какие здесь можно наблюдать соответствия, взаимодействия или рассогласования.

В анализируемых словарных дефинициях данных английских лексических единиц при попарном сопоставлении их лексико-семантических вариантов можно наблюдать такие типы лексической полисемии, как расширение, сужение, улучшение и ухудшение значения, замена референта, номинация, метафора, метонимия, аналогия и изменение точки зрения.

Пример *lecture*:

lecture (*n*)

- 1 a talk to a group of people about a particular subject, especially at a college or university;
- 2 *showing disapproval* a long serious talk that criticizes you or warns you about something, especially when this is annoying [10].

lecture (*v*)

- 1 to give a lecture or a series of lectures;
- 2 *showing disapproval* to talk to someone seriously in order to criticize them or warn them about something, especially when this is annoying [10].

Сопоставление дефиниций существительного *lecture* и глагола *lecture* позволяет увидеть в них результат семантического изменения по аналогии. И в существительном, и в глаголе *lecture* можно видеть изменение референциальной ситуации и социальных ролей участников и ухудшение значения во втором ЛСВ. Однако возникает вопрос, какое из этих двух слов развивает полисемию по аналогии.

В первом ЛСВ глагола *lecture* мы наблюдаем словообразовательную деривацию по конверсии от первого ЛСВ существительного *lecture*, которая в символической записи может быть представлена как N→V [Ag–means] (do–say). С помощью парафрастического толкования получаем: «субъект производит речевое действие с помощью средства, обозначенного производящей основой».

Словообразовательная деривация с помощью конверсии второго ЛСВ глагола *lecture* приводит к следующему семантическому

изменению: N→V [Ag–instr] (do-say, feel): «субъект производит речевое действие, используя как инструмент эмоционального воздействия на собеседника разновидность речи, которая обозначена производящей основой». В данной интерпретации второй ЛСВ анализируемого глагола может быть словом, производным как от первого, так и от второго ЛСВ существительного *lecture*. Если предположить, что второй ЛСВ глагола *lecture* произведен от первого ЛСВ существительного *lecture*, то можно констатировать взаимодействие словообразовательной и лексической полисемии. Анализ семантики второго ЛСВ глагола *lecture* выявляет смену референциальной ситуации, изменение социальных ролей участников и ухудшение, иронизацию значения.

По данным этимологического словаря [12], в 1706 г. в глаголе *lecture* возникло эмоционально-оценочное значение «to address severely and at length». В данной дефиниции отрицательная оценочная коннотация выражена с помощью семы [severely]. Следовательно, в глаголе *lecture* второй ЛСВ образован от первого ЛСВ глагола при помощи лексической номинации ироническим эпитетом. В этом случае в глаголе *lecture* довлеет лексический тип полисемии. В существительном *lecture* в настоящее время также можно наблюдать тип лексической полисемии – «номинация с помощью иронического эпитета», поскольку второй ЛСВ существительного *lecture* встал с первым ЛСВ существительного *lecture* в данное отношение по обратной аналогии с типом лексической полисемии глагола *lecture*.

Давление типа лексической полисемии глагола *lecture* на тип лексической полисемии существительного *lecture* может также быть аргументировано следующим обстоятельством. По данным этимологического словаря [12], первый и единственный в то время ЛСВ существительного *lecture*, заимствованный в XIV в. из латыни с двойным значением «action of reading, that which is read», к XVI в. профессионально специализировал и сузил первый из этих двух вариантов значения до «action of reading (a lesson) aloud». Этот семантический вариант существительного *lecture* относился к референту-ученику. Второй семантический вариант также был профессионально специализирован и сужен, но по типу автоантонимии: он стал относиться к референту, противоположному по роли, – учителю: «a discourse on a given subject before an audience for purposes of instruction» [12]. Однако ни сужение и специализация значения, ни энантиосемия данной разновидности

не присущи современному второму ЛСВ существительного *lecture*. Словообразовательно во втором ЛСВ существительного *lecture* происходит изменение по типу реконверсии, которое может быть записано как $V \rightarrow N$ [action–process]. Соотношение лексической и словообразовательной полисемии в существительном *lecture* и глаголе *lecture* показано на рисунке 1:

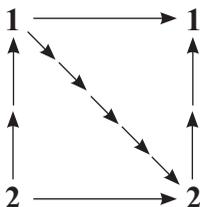

Рис. 1. Соотношение лексической и словообразовательной полисемии в лексеме *lecture*

Пример *carpet*:

carpet (*n*)

- 1 a thick soft cover for a floor;
- 2 *literary* a layer of something soft covering the ground: + *of* a *carpet of flowers* [10].

carpet (*v*)

- 1 to cover a floor with a carpet;
- 2 *British informal* to criticize someone very severely for something they have done wrong
= COME DOWN ON [10].

Анализ словообразовательной полисемии глагола *carpet* показывает, что и первый и второй ЛСВ глагола *carpet* представляют собой производные по конверсии слова. Записи их словообразовательных значений демонстрируют семантическое различие этих лексико-семантических вариантов глагола *carpet*:

$1 \rightarrow 1$ $N \rightarrow V$ [Ag – means / instr] (do, use).

$1 \rightarrow 2$ $N \rightarrow V$ [Ag / experiencer – loc] (do-say, feel).

По данным этимологического словаря [12; 13], второй ЛСВ глагола *carpet* появился в профессиональном сленге в 1823 г. в значении «call (someone) to be reprimanded». Допустимо предположить, что второй ЛСВ глагола *carpet* при его возникновении представлял собой эвфемистический эпитет с целью сокрытия ситуации (ср. *рус.*

«вызвать на ковер»). В этом случае второй ЛСВ глагола *carpet* обнаруживает по отношению к первому ЛСВ существительного *carpet* межсловную лексическую полисемию по типу «метонимия (место действия – действующее лицо)» и по типу «номинация с помощью эвфемистического эпитета».

История семантического развития существительного *carpet* показывает, что его второй ЛСВ восходит к первому ЛСВ. В XIII в. это существительное означало «грубая материя» – «coarse cloth» [12]. В XIV в. происходит сужение и детализация значения, и смена референта: слово указывает на скатерть или на покрывало для кровати – «tablecloth, bedspread» [12]. Далее происходит смена референциального значения по типу «пространство внутри жилого дома – пространство вне жилого дома» и обобщение денотативного значения до значения «покрывающее пространство», т. е. первый и второй ЛСВ существительного *carpet* вступают в семантическое отношение включения: [покрытие пола ⇒ покрывающее пространство].

Таким образом, анализ словарных дефиниций лексемы *carpet* выявляет радиальный тип полисемии в существительном *carpet* и радиальную межсловную полисемию в лексеме в результате метонимического изменения значения первого ЛСВ существительного *carpet* в глаголе *carpet*. Соотношение лексической и словообразовательной полисемии в лексеме *carpet* показано на рисунке 2:

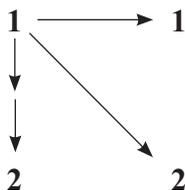

Рис. 2. Соотношение лексической и словообразовательной полисемии в лексеме *carpet*

Сопоставление и анализ словарных дефиниций существительного *carpet* и глагола *carpet* показывает, что внутрисловная полисемия существительного *carpet* автономнее по отношению к внутрисловной полисемии глагола *carpet*, чем в лексеме *lecture*. Вместе с тем допустимо предположить существование в глаголе *carpet* лексической связи между двумя ЛСВ этого глагола на основе глубинной аналогии

с общей идеей «расширение пространства», выраженной в существительном *carpet* (ср. рус. «покрывать, покрыть кого-либо бранью»). Расширение пространства можно также наблюдать в таком примере употребления первого ЛСВ глагола *carpet*, как *carpet the whole house*.

Обращает на себя внимание тот факт, что и пример *lecture*, и пример *carpet* демонстрирует эмоционально-оценочное ухудшение значения второго ЛСВ глагола. Стилистическая помета «showing disapproval» может быть отнесена и к говорящему, и к слушающему, но содержащийся в дефиниции глагола *lecture* комментарий «especially when this is annoying» заставляет отнести глагол к слушающему. Словарная иллюстрация *My doctor's been lecturing me on the dangers of not getting enough exercise* [10] показывает, что глагол *lecture* во втором ЛСВ употребляется не для того, чтобы назвать субъекта речевого действия, а для выражения эмоциональной реакции собеседника, его негативного отношения к данному речевому действию. Восприятие речи собеседником выражено с помощью сем [severely] и [at length]. В словарных иллюстрациях современных контекстов употребления *severely* и *at length* слово, называющее собеседника, является подлежащим, а глаголы речевого действия употреблены в пассиве: *The army has been severely criticized for attacking the region* [11]. *Austin was questioned at length by detectives* [11]. Это создает возможность для читателя словарного примера воспринять лицо-объект критики эмпатически. Из-за такой структуры предложения читатель в большей степени разделяет точку зрения критикуемого, чем критикующего [8, с. 205]. Другие примеры также демонстрируют отстранение говорящего от речевого действия, называемого глаголом *lecture*, и эмоционально выраженную жалобу по поводу этого действия: *There is no need to lecture me about the problem. He's always lecturing me about the way I dress*. Позиция слушающего, сокрытие негативного события, отражена и в глаголе *carpet*. Количество участников референциальной ситуации, а также место и время, передаваемые с помощью ЛСВ существительного и глагола *lecture* и *carpet*, также колеблются.

Как показывает проведенное ранее автором данной статьи исследование многозначности слова *together*, семантика этого слова определяется результатом семантического изменения, которое Г. Стерн [9] называет сменой точки зрения (adequation). В многозначности слова *together* находит свое выражение колебание концептов {число}

{количество}, {участник}, {время}, {пространство} [2]. Допустимо предположить, что наблюдаемое в анализируемых словах варьирование точки зрения объясняется наличием в их семантике глубинного этимологического смысла [together].

Изучение значения лексем *lecture* и *carpet* по этимологическому словарю [12] показывает, что слово *lecture* восходит к индоевропейскому корню **leg-* (1), имевшему значение «to pick together, gather, collect». Это слово было заимствовано в английский язык из латыни в XIV в. Латинское существительное *lectura* образовано на основе причастия глагола *legere*, который к моменту заимствования слова *lectura* в английский язык означал «читать», но первичным значением глагола *legere* также было «to gather, collect, pick out, choose». Существительное *carpet* восходит к индоевропейскому этимону **kerp-* «to gather, pluck, harvest» [12].

Таким образом, расхождение лексико-семантических вариантов существительного и глагола *lecture* и *carpet*, имеющих в своем составе ЛСВ-синонимы, может быть объяснено варьированием типа мысли, выраженной в лексемах *lecture* и *carpet*. В лексеме *lecture* на первый план выходит изменение количества участников и их ролей, а в лексеме *carpet* – изменение размера пространства. Объединяющим началом выступает концепт {число}.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барон И. Э. Основные типы словообразовательных значений конвертированных глаголов в парах N V в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 1995. – 16 с.
2. Прянишникова А. Д. О многозначности английского слова «together» // Когнитивное моделирование семантики разноструктурных единиц языка. – М. : ИПК МГЛУ «Рема» 2011. – С. 121–132. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 21 (627). Серия Языкознание).
3. Шадрин В. И. Ономазиология производного имени в английском языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 1996. – 40 с.
4. Эванс В. Концептуальная и межсловная полисемия: анализ в терминах теории лексических концептов и когнитивных моделей (ЛККМ) // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. – М. : Языки славянской культуры, 2015. – С. 350–387.
5. Adams V. An Introduction to Modern English Word-formation. – London: Longman, 1973. – P. 37–56.

6. *Breal M.* Semantics: studies in the science of meaning / translated by Mrs Henry Cust ; with a new introd. by J. Whatmough. – New York : Dover Publ. Inc., 1964. – xxviii, 341 p.
7. *Ingunn Högnadóttir.* Role of Metonymy in Unmarked Change of Word Category : B. A. Essay / Supervisor M. Whelpton. – 35 p. – URL : <http://skemman.is/stream/get/1946/4763/13719/1/>
8. *Kuno S.* Functional Syntax. Anaphora, Discourse and Empathy. – Chicago and London : The University of Chicago Press, 1987. – 330 p.
9. *Stern G.* Meaning and Change of Meaning with special reference to the English Language. – Goteborg : Elanders Boktryckeri Aktiebolag, 1931. – 490 p.
10. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners : International Student Edition. – Radstock : Bloomsbury Publishing Plc, 2002. – 1744 p.
11. Macmillan Dictionary. – URL : <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/>
12. *Harper D.* Online Etymology Dictionary. 2001–2015. LECTURE. – URL : <http://www.etymonline.com/>
13. *Harper D.* Online Etymology Dictionary. 2001–2015. CARPET. – URL : <http://www.etymonline.com/>

УДК 811.111

Т. О. Голикова

кандидат филологических наук,
доцент кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: gusyamasya@yandex.ru

ОДУШЕВЛЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ПОНЯТИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И В ЖИВОЙ РЕЧИ

В статье сделан анализ того, как неодушевленные предметы, понятия, реалии становятся одушевленными в художественной и в живой речи. На примере художественной речи изучается воздействие на лексическую единицу коммуникативного намерения писателя. На примере живой речи автор пытается показать, насколько важно одушевление в коммуникации.

Ключевые слова: сема; семантический индикатор; авторская интенция.

T. O. Golikova

Ph.D., Assistant Professor, Chair of English Lexicology,
Department of Humanitarian and Applied Sciences, MSLU
e-mail: gusyamasya@yandex.ru

PERSONIFICATION OF THINGS AND REALIA IN LITERARY DISCOURSE AND IN EVERYDAY TALK

The article is a study of how inanimate objects and realia become animate in literary discourse and in everyday talk. On the material of literary discourse the author is showing the impact of a writer's communicative intention on a lexical unit. On the material of everyday talk the author is researching into the importance of personification in communication.

Key words: a seme; a semantic indicator; the author's communicative intention.

Как известно, в художественном тексте слово приобретает новые оттенки значения. Существуют прекрасные работы, в которых изучается механизм приобретения словом нового смысла в художественном произведении под воздействием авторской интенции [1; 2]. Эти работы дают возможность проникнуть в создаваемый автором мир и глубже исследовать значение слова.

Также известно, что писатели и поэты одушевляют неодушевленные предметы и понятия. Часто ли одушевление неодушевленных предметов, понятий, реалий происходит в живой, разговорной речи? Если оно происходит, то насколько это важный элемент коммуникации?

Начнем с художественного дискурса и приведем простой пример одушевления.

В романе Эрнеста Хемингуэя «The Old Man and the Sea» старик Сантьяго считает море женского рода. Он уподобляет его любимой женщине, в то время как другие рыбаки сравнивают его с мужчиной, видят в нем соперника или врага:

He always thought of the sea as *la mar* which is what people call her in Spanish when they love her. Sometimes those who love her say bad things about her, but they are always said as though she were a woman. Some of the younger fishermen spoke of her as *el mar*, which is masculine. They spoke of her as a contestant, as a place, or even an enemy. But the old man always thought of her as feminine and as something that gave or withheld great favours, and if she did wild or wicked things it was because she could not help them. The moon affects her as it does a woman, he thought [5, с. 36].

В этом контексте в смысловой структуре существительного *sea* появляется сема одушевленности. На нее указывают семантические индикаторы «she», «feminine», «woman» и др.

Здесь очень интересно отметить, что и в живой речи англоязычные моряки называют свои суда в женском роде. Англоязычные автомобилисты называют в женском роде свои автомобили и дают им ласкательные женские имена:

- (1) How d'ye like the old car now? I've had her lengthened a good deal. Isn't she grand? Mind you, there's still a little trouble with the gearbox, but she never broke down [3, с. 39].
- (2) They painted the car red and black and called it *Bessie*, and they took it in turns to have it for a weekend ... And *Bessie* ran like a bird, better than Dan's car, better than Mr. Hunt's car, better than Chris' motor cycle. Even Chris was surprised [4, с. 19].

Для сравнения, русскоязычные автомобилисты, летчики называют свою машину «ласточка».

Примеры такого рода можно приводить еще и еще. Известное наше русское «Хлеб – всему голова» предполагает, что хлеб – это больше, чем продукт материальной культуры.

Как видим, и в художественной, и в живой разговорной речи происходит одушевление вещей. Море, судно, машина, хлеб – живые для рыбаков, водителей, летчиков, хлеборобов. Они являются частью их жизни и как бы обладают душой.

Вернемся к «Старику и морю». Существительное *fish* в романе – мужского рода:

He is a great fish. ... He took his bait like a male and he pulls like a male, and his flight has no panic in it [5, с. 101].

В огромной рыбе, о которой он мечтал, старик выделяет силу, мощь, готовность к борьбе, т. е. мужские качества. Одушевлены героем и автором также небо, звезды, весь мир вокруг. Всё это подчеркивает близость человека и природы.

В целом, одушевление вещей в художественной и в живой речи подчеркивает включенность человека в окружающий мир.

Хотелось бы привести еще один пример. В сонетах Шекспира автор часто обращается ко времени. Оно является действующим лицом, героем произведений. Поэт одушевляет его.

В сонете №19, споря со временем, поэт разрешает последнему разрушать всё, кроме красоты своего друга:

Devouring time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-lived Phoenix in her blood;
Make glad and sorry seasons as thou fleetest,
And do whatever thou wilt, sweet-footed time,
To the wide world and all her fading sweets:
But I forbid thee one most heinous crime,
O carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men
Yet do thy worst, old Time, despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young [6, с. 149].

Здесь автор обращается ко времени как к человеку, уподобляет его живому существу или силе, считает его безжалостным, неумолимым.

Поэт называет время *Old Time* (употребляя форму прямого обращения), *devouring time*, *sweet-footed time* (подчеркнуты эпитеты и признаки живого существа). Он сравнивает время с художником и со скульптором, который портит красоту человека. Такое одушевление помогает поэту выразить свое отношение к человеческой жизни: подчеркнуть хрупкость бытия.

Мы одушевляем время и в живой речи: «Время не ждет»; «Time and tide wait for no man».

В целом, думается, одушевление в художественной и в живой речи – важное средство выражения авторской интенции. Можно назвать его своего рода стилистическим приемом, позволяющим автору или говорящему донести до читателя или слушающего свою основную мысль. В любом случае, как показывает практика, одушевление вещей имеет большое значение в коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Прянишникова А. Д.* Партитурность текста и ее роль в художественном произведении (на материале английской прозы XX века) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983. – 168 с.
2. *Прянишникова А. Д.* Мотив счастья в романе Ивлива Во «Decline and Fall» / Лексическая системность английского языка в культурологическом ракурсе (семантика и функционирование). – М., 2007. – С. 108–131. – (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 537. Сер. Лингвистика).
3. *Шевцова С. В. и др.* The Intermediate English Course (second year). – М. : Высшая школа, 1975. – 264 p.
4. Going Up (лингвфонный курс и книга для чтения). – в рукописи. – 155 с.
5. *Hemingway E.* The Old Man and the Sea. – М. : Foreign languages publishing house, 1963. – 157 p.
6. Shakespeare's Sonnets / ed. by K. D. Jones. – London : The Arden Shakespeare, 2003. – 488 p.

УДК 81'373.49

И. А. Касатова

соискатель кафедры лексикологии английского языка ФГПН МГЛУ,
старший преподаватель кафедры английского языка
переводческого факультета МГЛУ
e-mail: irenus_@mail.ru

ДИНАМИКА ЭВФЕМИСТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ДИАХРОНИИ

В статье рассматривается потенциал эвфемистических единиц в плане диахронии. Автор приводит отдельные фокусы номинации в различные периоды времени, анализируя продуктивность того или иного профиля; также предлагается объяснение, почему этимологически старшие единицы могут быть отмечены наравне с новыми эвфемизмами в качестве полноправных эквивалентов.

Ключевые слова: эвфемизм; дисфемизм; номинация; фокус; профиль; диахрония.

I. A. Kasatova

Post-graduate student, English Lexicology Department,
Faculty of the Humanities and Applied Sciences, MSLU
Senior Lecturer, English Language Department,
Faculty of Translation and Interpretation, MSLU
e-mail: irenus_@mail.ru

THE DYNAMICS OF EUPHEMISTIC POTENTIAL IN THE DIACHRONIC ASPECT

The article features the potential of euphemistic nomination in the diachronic aspect. The author illustrates separate nominative focuses in various time periods and analyzes the productivity of each profile. The author also offers an explanation why etymologically senior lexical units can exist in the language alongside with new euphemisms as full equivalents.

Key words: euphemism; dysphemism; nomination; focus; profile; diachrony.

Многие исследователи, в том числе С. Пинкер [8], представляя диахронно-эвфемистический ряд, выстраивают линейную цепочку номинаций, например *lame – crippled – handicapped – disabled – differently abled*. При этом авторы не объясняют, почему одни эвфемизмы быстро растрачивают свой потенциал, а другие – сохраняют свою продуктивность в течение продолжительного времени.

Диахронный анализ эвфемистических единиц разных номинативных сфер показывает, что развитие эвфемии представляет собой сложную, но упорядоченную систему эволюции фокусов номинации (профилей)¹.

Так, например, развитие номинативного поля «инвалид» в английском языке представляет собой диахронную последовательность профилей «физическая деформация» (ДА)² > «неспособность» (Средневековье) > «трудная ситуация» (XX в.) > «отклонение от нормы» (70-е гг. XX в.) > «обладание другими способностями» (конец XX в.).

Динамика эволюции профилей эвфемистических единиц в большинстве случаев свидетельствует о размывании фокуса номинации (от конкретного к обобщенному). Так, например, в древнеанглийских единицах *lame* (ДА, «сломанный»), *creeped* (ДА, от глаг. *creopan* «ползущий»), *crippled* (ДА, «согнутый, сгорбленный») в основу номинации заложена конкретизированная идея физической деформации и неспособности ходить. Такие единицы изначально обладали не очень высоким эвфемистическим потенциалом, который они окончательно растеряли к XVII в.

В семантике более поздних эвфемистических замен активизируются более обобщенные фокусы: физическое затруднение, которое как бы бросает человеку вызов (*physically / visually challenged; hearing / visually impaired*), а также максимально абстрагированная идея наличия других, присущих не всем людям способностей (*differently abled*). Эвфемистический потенциал таких медкорректных новообразований, появившихся в конце XX в., сохраняется до сих пор. В следующем отрывке из корпуса [4] говорится о том, что кандидату не предоставили рабочее место по причине «слабого зрения»:

A failure to make reasonable accommodation might be an act of discrimination... For example, in one case, an employer refused to hire a visually impaired applicant for the position of research analyst... (*BNC. «Industrial Law Journal». Oxford: OUP, 1993*).

¹Интерпретируя лексическое значение как микрофрейм, под фокусом номинации, вслед за Е. Г. Беляевской, мы понимаем «смысловое ядро лексической единицы», «наиболее важные, узловые моменты» в концептуальном основании значения [1].

²Здесь и далее дата или период указывают на время появления того или иного профиля / единицы.

Эвфемизм с фокусом номинации «физическое затруднение» отмечен также в железнодорожных информационных брошюрах:

«Facilities are being improved to make travel by train easier for mobility-impaired customers. Principal stations are fully accessible and some are equipped with features to help the hearing and sight impaired» (*BNC. «Collection of information leaflets on rail travel»*).

Речь идет о том, что в транспорте существуют специальные приспособления для пассажиров-инвалидов.

Размывание фокуса номинации характерно и для номинативной сферы «увольнение». В современных политкорректных единицах в значительной степени акцентируется абстрактная идея уменьшения размеров предприятия, полностью выводящая из фокуса номинации конкретного человека и его социальный статус [2]. Центральный фокус номинации эвфемизмов для обозначения увольнения в XX в. – профиль «сокращение / уменьшение» активизируется в таких единицах, как *reduce* (1960-е, *англ.* «сокращать»), *riff* (1960-е, *сокр.* «reduce in force», *англ.* «сокращать штат»), *cut the workforce* (1970-е, *англ.* «урезать рабочие места»), *downsize* (1986, *англ.* «уменьшать габариты»), *delayer* (*англ.* «сокращать слои»), *downscale* (*англ.* «уменьшаться») и др. Все перечисленные эвфемистические номинации сохраняют свой эвфемистический потенциал до настоящего времени. Как правило, единицы с указанным фокусом номинации реализуются в различных типах дискурса, преимущественно в медийном (2009):

The government says it has rejected advice from management consultants to cut the NHS workforce in England by 10% over the next five years [4].

...the early 1950s saw a series of lengthy and heatedly contested traditional strikes as managers continued to downsize the workforce [7, с. 22].

By making it more costly for firms to reduce the workforce in bad times... [9].

По результатам проведенного исследования можно утверждать, что более ранние реализации (эпоха позднего Средневековья и Нового времени) имели в фокусе номинации более конкретизированный профиль «удаление / устранение», являющийся на современном этапе неактивным. Концептуальным основанием для формирования фокусной идеи «удаление / устранение» служит представление об увольняемом как о бесполезном предмете, от которого пытаются избавиться.

В качестве примеров, в которых прослеживается идея «устранения / удаления», можно привести следующие единицы: *avoiden* (середина XV в., ранее «удалять»), *amoven* (конец XV в. «убирать», *совр. эквивалент remove from job*), *discard* (1586–1858, *англ.* «избавляться»), *put away* (1599, «убирать, устранять»), *put off* (1613–1713, *ранее знач.* «убирать, устранять»).

Реализации указанных единиц отмечены уже в конце XV в. В следующем отрывке из свода театральных правил говорится о том, что актеры должны обладать речевой четкостью и другими соответствующими качествами, в противном случае они будут уволены (1476):

And all such as thay shall fynde sufficiant in personne and connyng, to the honour of the Citie Craftes for to admitte and able and all oþer insufficient personnes either in Connyng voice of personne to discharge, ammove and avoide [5].

В пьесе У. Шекспира «Генрих VIII» отмечено употребление единицы *put off* в значении увольнения:

It doth appeare; for, upon thee Taxations,
The Clothiers all not able to maintaine
The many to them longing, haue put off
The Spinsters, Carders, Fullers, Weauers [10].

В отрывке автор говорит, что продавцы одежды не могут себе позволить услуги прялок, ворсильщиков, сукновалов и ткачей из-за высокого налогообложения.

Несмотря на продуктивность в диахронном аспекте, единицы с профилем «удаление / устранение» характеризуются невысоким эвфемистическим потенциалом, что, по всей видимости, связано с негативным представлением о бесполезности работника. Необходимо подчеркнуть, что все отмеченные номинации не только достаточно быстро растратили свой эвфемистический потенциал, но и постепенно полностью вышли из употребления.

Диахронный анализ моделей профилирования концептуальных структур, лежащих в основе семантики эвфемистических единиц, позволяет объяснить, почему этимологически старшие единицы могут выступать наравне с новыми эвфемизмами в качестве полноправных эквивалентов. Подобные случаи обусловлены константностью некоторых фокусов номинации. Под константностью мы понимаем

неоднократное обращение к уже «освоенным» фокусным идеям при образовании эвфемистических единиц через определенный промежуток времени.

Приведем пример эвфемизма-долгожителя *tool* (англ. букв. «инструмент, прибор») для обозначения мужского полового органа с константным фокусом номинации «совершение действия». В основу номинации заложена обобщенная позитивная идея конструктивного действия, которая отмечена значительной стабильностью. Сопоставим употребление данного эвфемизма в двух различных временных эпохах. В произведении У. Шекспира «Ромео и Джульетта» встречается следующий каламбурный диалог между двумя слугами:

PORTER.Is this Moorfields to muster in? Or have we some strange Indian with the great tool come to court, the women so besiege us? Bless me, what a fry of fornication is at door!...

перевод: ПРИВРАТНИК: Да что это, Мурское поле, чтобы здесь толпами собираться? Или ко двору прибыл какой-нибудь невиданный индеец с такой огромной снастью, что все бабы прямо-таки осаждают нас? Господи спаси, ну и блудливая же рыбешка толпится у ворот! [3; 10].

Эвфемистическая единица *tool* также реализуется в произведении Л. Козна «Beautiful losers» (1966):

You uncovered his nakedness! – You peeked at his tool! [6].

В обоих примерах лексема *tool* употребляется при референции к мужским половым органам в эвфемистической функции, что свидетельствует о константности некоторых фокусов номинации.

Таким образом, мы наблюдаем действие двух взаимосвязанных механизмов эволюции эвфемизмов: с одной стороны, размывание фокусов номинации, с другой, – константность фокусов номинации. Действие первого механизма обусловливается стремлением носителя создать максимальное расстояние между табуированным референтом и эвфемистической номинацией; действие последнего связано с относительной стабильностью мировосприятия англоговорящего социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляевская Е. Г.* Семантическая структура слова в номинативном и коммуникативном аспектах (когнитивные основания семантической структуры слова) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991. – 401 с.

2. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2014. – 420 с.
3. Шекспир У. Полное собрание сочинений : в 8 т. – Т. 8. – М. : Искусство, 1960. – 716 с.
4. British National Corpus. – URL : <http://corpus.byu.edu/bnc/>
5. Butterworth P. Staging Conventions in Medieval English Theatre. – Cambridge University Press, 2014. – 283 p.
6. Cohen L. Beautiful Losers. – Knopf Doubleday Publishing Group, 2011. – 256 p.
7. Gilson R. J., Roe M. J., Olin J. M. Lifetime employment: labor peace and the evolution of Japanese corporate governance. – Stanford Law School, 1997. – 49 p.
8. Pinker S. The Stuff of Thought: Language as a window into human nature. – Penguin Books, 2007. – 499 p.
9. Risager O., Sorensen J. R. Job Security Policies and Trade Union Behaviour in an Open Economy // The Canadian journal of economics. – 1999. – V. 32. – P. 139–151.
10. Shakespeare W. The Complete Works of William Shakespeare. – London : George G. Harrap & Co., 1623. – 926 p.

УДК 811.111

С. В. Канашина

аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ
e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ИНТЕРНЕТ-МЕМА. ИНТЕРНЕТ-МЕМ КАК СИМУЛЯКР

Цель данной статьи – раскрытие семиотической природы интернет-мема как комплексного языкового знака в свете классической семиотической теории, а также в контексте современных научных данных в сфере семиотики. Предпринимается попытка привести классификацию интернет-мема по семиотическому признаку.

Ключевые слова: интернет-мем; индекс; икона; символ; симулякр, вымысел.

S. V. Kanashina

Post-graduate student, Department of English Lexicology, MSLU
e-mail: svetlanakanashina@yandex.ru

SEMIOTIC IDENTITY OF INTERNET MEME. INTERNET MEME AS A SIMULACRUM

The aim of this article is to describe the semiotic identity of an internet meme as a complex linguistic unit in the light of the classical semiotic theory as well as in the context of modern semiotic research. An attempt is being made to suggest a semiotic classification of internet memes.

Key words: internet meme; index; icon; symbol; simulacrum; fiction.

Так как интернет-мем является сложным знаком, характеристиками которого являются полисемантическая, сложность композиции, сочетание визуального и текстового ряда и различная прагматическая нагруженность, который функционирует в сфере человеческого общения и используется для передачи информации, а также для эмоционального воздействия; возникает необходимость более конкретно определить семиотический статус интернет-мема, т.е. отнести его к определенному типу знаков. В данной статье мы пытаемся обосновать нашу позицию по этому поводу.

На сегодняшний день общепринятой является классификация Ч. Пирса, который выделял:

– индексы;

- иконы;
- символы¹.

Данная классификация удобна тем, что показывает базовые возможные отношения между означающим и означаемым в знаке, а именно: отношение сходства (в знаках-иконах и в символах) и отношение смежности (в знаках-индексах и в символах) [5, с. 356].

Для интернет-мемов, в целом, более характерны отношения сходства означающего и означаемого, чем отношения смежности, прежде всего потому, что визуальный компонент мема, как правило, основан на подобии какому-то предмету, явлению в реальном мире. Визуальный компонент мема – это зачастую фотография, потрет, карикатура, рисунок, все эти знаки не указывают на какой-то предмет, а подобны ему, и все эти знаки определялись самим Ч. Пирсом как знаки-иконы. Данный вывод позволяет нам если не отнести мем к знакам-иконам, то, по крайней мере, утверждать, что мемам свойственна иконичность. Следует отметить и то, что именно иконичность мема позволяет добиться эффекта правдоподобия, наглядности и аутентичности, что делает мем выразительным и явственным.

С другой стороны, интернет-мем может также обладать индексальностью, потому что, во-первых, будучи сложным знаком, он имеет, кроме визуального компонента, еще и вербальный компонент, который может содержать знаки-индексы (например, личные местоимения в сопроводительной надписи), а во-вторых, сам визуальный компонент может быть, в целом, иконичным, но содержать знаки-индексы (например, жесты на фотографии).

Итак, интернет-мемы по своей природе больше похожи на знаки-иконы, чем на знаки-индексы, что не исключает того факта, что каждый отдельный мем может обладать и иконичностью, и индексальностью одновременно и в разной степени.

Что касается знаков-символов, традиционное понимание этого термина, подчеркивающее условную связь означающего и означаемого, не позволяет нам отнести интернет-мем к знаку-символу,

¹ *Индекс* – знак, «основанный на фактической смежности означающего и означаемого, знак указывающий на что-то» [5, с. 69]. *Икона* (или знак-копия) – знак, «основанный на фактическом сходстве означающего и означаемого» [5, с. 69]. *Символ* – знак, «основанный на условной связи означающего и означаемого» [5, с. 70].

потому что в меме обычно прослеживается выраженная связь означающего и означаемого. К примеру, грустная картинка на меме говорит нам о печальном содержании самого мема и в некотором роде порождает его.

С другой стороны, символизм как эстетическое явление может присутствовать в меме и реализовываться в различного рода символах. Способность интернет-мема содержать символизм говорит, прежде всего, о том, что мему свойственна образность, которая реализуется в механизмах метафоризации и в метонимизации. Именно эти механизмы позволяют передать символический смысл вербальными и невербальными средствами. При этом метафора и метонимия, присущие мему, неизбежно порождают множественность интерпретаций мема.

Множественность интерпретаций мема позволяет нам говорить о его потенциальной способности быть символом, опираясь на аксиому А. Ф. Лосева о том, что «всякий знак может иметь бесконечное количество значений, т. е. быть символом» [4, с. 64].

Интересным является случай, когда мем приближается к символу или становится в некотором роде символом. Такое возможно, когда мем проходит сложный семиотический путь от тождественности означаемого и означающего до их условной связи.

Рассмотрим следующий пример. В Интернете распространен мем под названием «you don't say», на котором изображен рисунок, копирующий Николаса Кейджа с характерным выражением лица в фильме «Поцелуй Вампира». Само выражение «you don't say» означает удивление, но может употребляться с иронией. Сегодня мем приобрел символическое значение и означает насмешку при встрече с очевидной истиной. Такой мем можно назвать символическим мемом. Прежде чем стать символическим, он прошел путь от знака-иконки (рис. 1, стадия 1 – кадр из фильма), далее рисунок – более иконичный знак (рис. 2, стадия 2) и, наконец, знак-символ (рис. 3, стадия 3).

Семиотическая эволюция мема, которая реализуется в переходе от иконичности к символизму, отражает, по сути, процесс семиозиса знаков и знаковых комплексов в целом, который развивается от простого к сложному и указывает на «семиотическую сущность человеческого бытия, с его существованием в континууме знаковых систем, находящихся в состоянии непрекращающегося творческого полилога» [7, с. 16].

Итак, хотя мем в целом обнаруживает черты знака-индекса, знака-иконы и знака-символа, нельзя однозначно отнести его к какому-то из этих знаков из-за комплексной семиотической природы интернет-мема как знака. Классификация, предложенная Пирсом, по-видимому, удобна для простых знаков, хотя сам Пирс отмечал множество переходных случаев даже в простых знаках¹ и сложность порой однозначно классифицировал знаком. Из трех предложенных Ч. Пирсом знаков мем больше всего похож на икону.

Рис. 1. Стадия 1

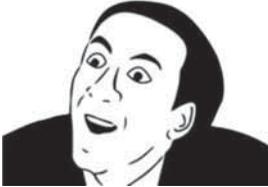

Рис. 2. Стадия 2

YOU DONT SAY?

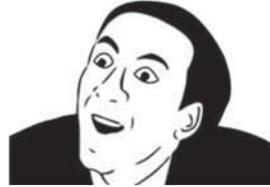

Рис. 3. Стадия 3

Развитие семиотики в XX в. обогатило знание человека о знаках, и стали доступными классификации знаков, отражающие другие существенные аспекты природы знаков.

Интересной, в частности, представляется позиция Н. А. Зиновьевой, которая, опираясь на концепцию современного французского философа Жана Бодрийяра, относит интернет-мемы к знакам особого рода – симулякрам [3, с. 133].

Симулякр – это знак, не имеющий означаемого объекта в действительности², «образ, отсутствующей действительности, пустая форма, знак, за которым не стоит какая-либо реальность» [2, с. 61].

Термин «симулякр» впервые встречается у Платона, который понимал его как «копию копии». Позднее термин использовался французским ученым Жоржем Батаем. Наиболее детально термин «симу-

¹ Приводится по [6].

² Приводится по [8].

лякр» был раскрыт Жан Бодрийяром, который разработал теорию симулякров¹. Как отмечал Жан Бодрийяр, бурное развитие технического прогресса, и в частности компьютерных технологий, неизбежно приводит к появлению виртуальной среды, отличающейся и противопоставленной естественной среде человека. Виртуальная среда осмысливается как некое киберпространство, гиперреальность, т. е. виртуальная среда похожа на реальную действительность, имитирует ее или, можно сказать, виртуальная реальность симулирует реальную действительность. Далее по мере развития компьютерных технологий виртуальная реальность всё больше развивается и реальная действительность уже не мыслится как первейшая, главенствующая в контексте «множественности миров и относительности реальной действительности» [2, с. 58]. Наступает эпоха всеобщей симуляции и «реальность превращается в модель, оппозиция между действительностью и знаками стирается, и всё становится симулякром» [2, с. 58].

При детальном рассмотрении мема и симулякра они обнаруживают значительное сходство, вернее, в первом можно увидеть черты второго, о которых еще тридцать лет назад предупреждал Жан Бодрийяр.

В частности, он говорил о принципе моделирования симулякра, т. е. симулякры порождаются согласно определенной модели, а «основу симуляции составляет подстановка элементов, управляемая секретами кода» [1, с. 8]. Нетрудно провести параллель с мемами, которые также строятся согласно модели. Более того, на специальных сайтах существуют готовые шаблоны многих мемов, в которые нужно вставлять только сопроводительную надпись, – и мем готов, т. е. работает принцип подстановки.

Во-вторых, Жан Бодрийяр отмечал роль кода в процессе симуляции и «повсеместное проникновение генетического кода, который присутствует в дискурсе, медиуме, но также и в каждом из нас» [1, с. 8]. Мысль о генетическом коде, который лежит в основе процесса симуляции, переключается с теорией меметики Чарльза Докинза, который описал процесс культурной эволюции с позиций генетики и сам мем понимал как некий биологический организм.

Наконец, Бодрийяр подчеркивал роль медиума в процесс симуляции. Медиум понимается как носитель информации и как некий «конвейер» информации, т. е. система, создающая информацию. По сути,

¹ Приводится по [2].

медиум в понимании Ж. Бодрийяра приближен к современному пониманию СМИ и Интернета. «Жан Бодрийяр делает акцент, таким образом, на масштабности и на характере функции всех типов средств массовой информации, а именно на функции посредничества и носителя информации, понимаемого как техническая производительная сила, порождающая симулякры. Сам язык, символическая система, превращается в медиум на уровне языка и рекламного дискурса» [1, с. 13].

Как отмечает Н. А. Зиновьева, интернет-мем может считаться симулякром не только из-за функциональной схожести двух понятий, но и потому что мем проходит те же стадии развития и становления, что и симулякр¹. Вот, что пишет Н. А. Зиновьева: «Процесс наполнения смыслом интернет-мема проходит четыре стадии: отражение реальности, когда будущий мем отражает только исходный материал; искажение фундаментальной реальности, когда мем воспринимается только в соотношении с «фоном»; маскировка фундаментальной реальности, когда мему начинают приписывать определенные черты; самостоятельное существование, когда мем окончательно теряет связь с исходным объектом и соотносится только с другими мемами» [3, с. 137–138]. Трудно не согласиться с позицией Н. А. Зиновьевой, потому что выше описанный пример с мемом «you don't say» демонстрирует, что мем действительно проходит стадии развития симулякра, выделенные Ж. Бодрийяром. Сначала кадр из фильма «Поцелуй Вампира» отражает реальность, далее появляется рисунок-копия с Николасом Кейджем – это искажение фундаментальной реальности, затем появляется мем «you don't say», который выражает сарказм, иронию, насмешку, наконец, мем самостоятельно существует в Интернете и не ассоциируется с фильмом «Поцелуй Вампира». По-видимому, стадии развития симулякра могут быть применены для описания развития многих мемов и могут рассматриваться как этапы семиозиса мема, хотя не все мемы проходят все четыре стадии, выделенные Ж. Бодрийяром.

Термин «симулякр» позволяет акцентировать внимание на двух важных аспектах: во-первых, он подчеркивает роль виртуальной реальности, которая является сферой функционирования симулякров,

¹ Согласно Бодрийяру, знак проходит четыре стадии, прежде чем стать симулякром: 1) отражение реальности; 2) искажение и маскировка реальности; 3) маскировка отсутствия реальности; 4) утрата связи с реальностью и превращение в симулякр, см. [8].

а, во-вторых, отмечает несколько вымышленный, фантазийный характер знаков, которые часто имитируют реальность, но ею не являются. Эти два положения позволяют нам усмотреть общность симулякров и интернет-мемов, потому что интернет-мемы также функционируют в виртуальной реальности, а именно – в сфере интернет-коммуникации, и зачастую носят фантастический, вымышленный характер, о чем упоминает Н. А. Зиновьева.

Многие мемы действительно основаны на вымысле, который либо переплетается с гротеском и приобретает черты абсурда (рис. 4), либо, оставаясь вымыслом, так похож на правду (рис. 5), что мы невольно смеемся, хотя и понимаем, что были обмануты. Вымысел в мемах можно рассматривать как некий творческий потенциал, который позволяет выйти за рамки реальности и придать мему неконвенциональную форму. Вымысел превращает мем в игровое пространство, в котором вымышленный текст преподнесен и насыщен признаками действительности таким образом, что в его правдоподобии сомневаться не приходится [6, с. 68–75].

С другой стороны, не все интернет-мемы симулируют реальность. Многие интернет-мемы отражают объективную реальность. Например, мемы, в которых визуальный компонент – фотография какого-то известного человека, а вербальный компонент – крылатое изречение этого человека (рис. 6). Такие мемы не симулируют реальность, а представляют, репрезентируют ее.

Данные наблюдения позволяют нам разделить интернет-мемы на две группы знаков – симулякры (мемы, основанные на вымысле) и репрезентации (мемы, основанные на реальной действительности).

Рис. 4

Рис. 5

Итак, мы можем определить семиотический статус интернет-мема как знак, обладающий иконичностью и способный обладать индексальностью и символическостью, который либо основан на вымысле (в этом случае мы назвали его «симулякр», опираясь на теорию симулякров Жана Бодрийяра), либо отражает объективную реальность (в этом случае мы назвали его «репрезентацией»).

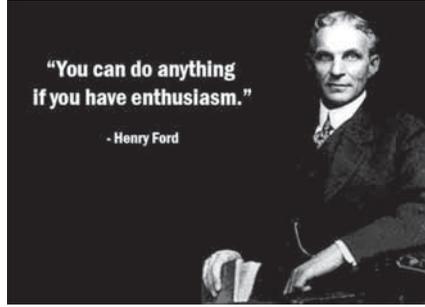

Рис. 6

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция. – Тула, 2013. – 204 с.
2. *Гонгало Е. Ф.* Концепция виртуальной реальности в творчестве Ж. Бодрийяра // *Философия и социальные науки.* – 2010. – № 4. – С. 57–62.
3. *Зиновьева Н. А.* Анализ процесса конструирования смысла интернет-мема // *Дискуссия.* – 2013. – № 9 (39). – С. 133–138.
4. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. – М. : Изд-во Мос. Ун-та, 1982. – 480 с.
5. *Федорова Л. Л.* Семиотика: Учебно-методический модуль / М-во образования и науки РФ ; Рос. Гос. Гуманитарный ун-т ; Институт лингвистики. – М. : Изд-во Ипполитова, 2004. – 356 с.
6. *Шилков Ю. М.* Символ и вымысел (о фикциональных возможностях символа) // *Кантовский сборник.* – 2010. – № 1. – С. 68–75.
7. *Языковое творчество в динамике семиотических взаимодействий.* – М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 404 с.
8. *Wikipedia.* – URL : [ru.wikipedia.org /wiki/ симулякр](http://ru.wikipedia.org/wiki/симулякр)

УДК 81'373.43

А. В. Ткаченко

аспирант кафедры лексикологии английского языка МГЛУ;
e-mail: alishik_tk@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПОНЯТИЙНОГО ПРОСТРАНСТВА «OFFICE» НЕОЛОГИЗМАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена лингвокогнитивному анализу неологизмов английского языка, относящихся к понятийному пространству «office». Ставится задача провести анализ новообразований для выявления особенностей протекания процессов метафоризации и метонимизации в сфере «office». Основным методом исследования определяется прием концептуальной интеграции.

Ключевые слова: концептуализация; неологизм; ментальное пространство; концептуальная интеграция; бленд.

A. V. Tkachenko

Post-graduate student, Department of English Lexicology,
Faculty of Humanities and Applied Studies, MSLU
e-mail: alishik_tk@mail.ru

THE CONCEPTUALIZATION OF THE PECULARITIES OF THE «OFFICE» NOTIONAL SPACE BY NEOLOGISMS OF THE ENGLISH LANGUAGE

The article is dedicated to the linguoculturological analysis of the English neologisms describing the modern «office» concept. The paper presents different aspects of the matter in hand with emphasis on metaphorization and metonimization processes. The theory of conceptual integration is a key method of the research.

Key words: conceptualization; neologism; mental space; conceptual integration; blend.

Английский язык принято считать наиболее подвижной и динамично развивающейся языковой системой. В этой связи необходимо отметить, что механизм фиксации нового знания, а затем и вхождения слова в лексикон, осуществляется посредством одного из главных когнитивных процессов, неизменно протекающих в сознании человека, – процесса *концептуализации*. Концептуализацию, в самом широком смысле, можно определить как процесс умственного осмысления полученной из внешнего мира информации о предметах, явлениях, событиях окружающего мира. Концептуализация, таким

образом, «направлена на выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания» [2, с. 245], на репрезентацию и теоретизацию нового знания, на формирование понятий, получаемых извне. Материалом лингвокогнитивного анализа является язык, а целью его исследования определяется моделирование содержания и структуры отдельных концептов как единиц национально-го сознания [3, с. 16]. «У концептов есть “родной дух”, запечатленный привычным и любимым образом мысли и часто каким-нибудь одним человеком в одном каком-нибудь месте, где так говорят, так смотрят» [5, с. 63]. Таким образом, концепт можно дефинировать как ментальное средство воссоздания в сознании человека внеязыковой действительности, составляющее четкое знание об отражаемом явлении и репрезентированное в языке словом. В рамках настоящего исследования механизм фиксации нового знания будет рассмотрен на примере неологизмов английского языка.

Понятийное пространство «office» представляется нам феноменом, характеризующимся многоаспектностью и сложной, многогранной природой, и является неотъемлемой частью общественной деятельности, коммуникации и жизни в целом.

На сегодняшний день существует множество споров на тему будущего офиса. С появлением новых экономических реалий, новых схем и способов работы возникают вопросы: каким будет офис, что будет включать в себя это понятие, какие трансформации его ожидают? Единого мнения нет. Но совершенно очевидно, что смысловое пространство «office» меняется, и это достаточно динамичный процесс. Оно активно пополняется лексическими новообразованиями, фиксирующими все аспекты и стороны происходящих трансформаций, что делает смысловое пространство «office» интересным и востребованным объектом лингвокогнитивного анализа.

В настоящей работе английские неологизмы будут рассмотрены как своего рода инструмент концептуализации понятийного пространства «office». Основным методом анализа языкового материала, полученного в рамках предложенного исследования, стал *прием концептуальной интеграции*, под которой понимается «универсальная когнитивная операция, которая рассматривается наряду с аналогией, метонимией, метафорой, мысленным моделированием, концептуальной категоризацией и т. д.» [1, с. 126]. Теория концептуальной

интеграции рассматривается как категория познания, суть которой заключается в смешении компонентов различных сфер, результатом которого является процесс смешения ментальных пространств (mental space) в сознании человека (generic space). При смешении входное психическое пространство (input mental space) проецируется на интегрированные пространства (blended mental space). В процессе разработки смешение развивает структуру, не содержащуюся во входных пространствах (blend) [6]. Таким образом, выявленные новые лексические единицы, характеризующие понятийное пространство «office», будут рассмотрены с точки зрения смешения ментальных пространств под влиянием процессов метафоризации, метонимизации и метафтонимизации.

Основным источником для исследования неологизмов выбранной сферы послужил сайт лексических новообразований wordspy.com [4]. В ходе анализа было выявлено 315 примеров языковых единиц, которые, для наглядности результатов исследования, были разбиты на несколько семантических групп в соответствии с доминантным признаком компонента, ставшего основой для метафорического или метонимического переноса. К числу таких семантических групп (semantic fields) мы отнесли следующие категории:

1. *Номинативные единицы, содержащие в себе компонент-сравнение с объектами природного, животного или растительного мира.*

В качестве примеров, вошедших в данную группу, можно привести следующие неологизмы, вошедшие в лексикон английского языка в течение последних двадцати пяти лет: *lion food* (1991), *patent cliff* (1993), *rat-race equilibrium* (1997), *hedgehog concept* (2000), *roach bait* (2001) и др.

Наиболее ярким «представителем» данной категории можно обозначить неологизм *lion food* (1991), выведенный первоначально из анекдота о двух львах, в котором упитанный представитель семейства кошачьих говорит своему исхудавшему товарищу следующую фразу:

Well, I hid near an IBM office and ate a manager a day. And nobody even noticed!

Подобный каламбур в описанном контексте оформил новое коннотативное значение в семантике существительного *food* – «something weak and more to the point countless». Таким образом, смешение

ментальных пространств происходит на основе метафоризации обоих компонентов.

2. *Языковые конструкции, в которых процессу метафорического или метонимического переосмысления подлежат единицы, характеризующие цветовую гамму.*

К числу новообразований, наглядно характеризующих предложенную группу, можно отнести следующие языковые единицы: *silver ceiling* (1999), *grey matter* (1996), *grey nomad* (1997), *pinkification* (2008), *golden handcuffs* (1973), *golden hello* (1983), *black-hole* (1996) и др.

В рамках этой категории интересным и актуальным представляется рассмотрение деления различных сфер деятельности человека, согласно цвету его «воротничка». Так, в 1921 г. в лексиконе прочно укрепился неологизм *white-collar worker*, обозначающий представителей офисных видов специализаций. В 1950 г. в противовес «белым воротничкам» в оборот вошло новообразование *blue-collar worker*, характеризующее работников промышленных предприятий. Такое бинарное противопоставление просуществовало несколько десятков лет, пока технический и научный прогресс не подтолкнул языковое сообщество сформировать новые концепты, а, следовательно, и способы их вербализации. Так, в 1991 г. вводится неологизм *dog-collar worker* для обозначения священнослужителей; в 1995 г. появляется сразу два типа «воротничка»: *orange-collar work*, для номинации работников, отличительной чертой которых является наличие оранжевой сигнальной жилетки, и *frayed-collar workers* для описания служащих, испытывающих определенные трудности в финансовом отношении. В 1998 г. в связи с мощным развитием угле- и нефтедобывающей отраслей и с внедрением новых технологий для характеристики работников указанных сфер было введено понятие *black-collar-worker*. Все эти неологизмы объединяет общее ментальное пространство – *collar*, тогда как второй компонент номинативной единицы обновляется, отражая изменения, происходящие в обществе.

3. *Лексемы, интегральный смысл которых построен на частичном переносе значения с единиц обценной лексики.*

В качестве примеров, характеризующих группу неологизмов, содержащих в себе элемент ненормативной лексики, можно определить следующие лексические единицы: *bozo explosion* (1991), *brand slut*

(2005), *dot snot* (2000), *office creeper* (1990), *sloppy payer* (1997), *trust slug* (2000), *kiddiot* (2000), *arachnerd* (1996), *gutter bunny* (1996) и т. д.

Ярким примером данной категории может служить неологизм *bozo explosion* (1991), характеризующий целую систему неэффективного рекрутинга, когда один нанятый работник, некомпетентный в своей сфере, трудоустраивает подобного себе сотрудника низшего или высшего по статусу звена и так далее. Происходит постепенное, но постоянное накопление несведущих звеньев компании что в конечном счете приводит ее в упадок. Подобный крах организационной парадигмы особенно отчетливо прослеживается при метафорическом сопоставлении с семантикой лексемы *explosion*.

4. *Словоформы, семантика которых устанавливается путем сопоставления с различными транспортными средствами и движущимися объектами (в том числе передвижения людей или автономно движущихся объектов).*

К данной группе неологизмов отнесены новообразования, содержащие в своем составе элемент движения: перемещающийся объект, непосредственный деятель, а также направление движения. В качестве примеров, вошедших в данную группу, можно привести следующие единицы, зафиксированные различными контекстами: *corridor cruiser* (1993), *fad surfing* (1993), *rep surfing* (1997), *modem cowboy* (1993), *up-shifter* (1999), *hedonic treadmill* (1990) и т. д. Показательными с точки зрения процесса метафоризации в рамках данной категории являются неологизмы, получившие особенно широкое распространение в конце двадцатого столетия. Новообразование *moon rocket*, появившееся в 1994 г., обозначает компанию, курс акций которой претерпел значительное повышение в цене на момент открытия биржи. Очевидно, что в данном примере в основу сравнения двух ментальных пространств лег признак направленности движения: цена взлетела вверх, вертикально, подобно ракете. Доминантным признаком следующего неологизма – *torpedo* (1997) – является компонент скорости: *torpedo* – это человек, который покидает свое рабочее место, чтобы моментально «поразить цель» – устроиться в конкурирующую фирму. В 1998 г., как своего рода продолжение неологизма *torpedo*, возникает новообразование *boomerang*, обозначающее человека, перешедшего из одной фирмы в другую, но позже вернувшегося на прежнее место работы, подобно бумерангу, всегда возвращающемуся на свою исходную точку.

5. *Номинативные конструкции, заключающие в своем значении эмоционально-окрашенный компонент.*

В следующую категорию неологизмов вошли единицы, содержащие в себе определенного рода экспрессивный элемент. В качестве примеров данной группы можно привести такие новообразования, как: *success disaster* (1995), *wallet neuropathy* (2003), *retirement panic* (1997), *passion brand* (1998), *email fatigue* (1997), *data exhaust* (1998), *statement shock* (1993), *trade rage* (1999), *layoff lust* (1991), *frugal fatigue* (2004) и т. д. В рамках данной категории интересным представляется неологизм *success disaster* (1995). В указанном новообразовании процесс метафоризации и дальнейшей интеграции ментальных пространств основан на стилистическом приеме – оксюморе, поскольку смешение происходит путем сопоставления двух несовместимых концептов – *success* и *disaster*. Важно отметить, что в контексте рассматриваемой категории нам встречались неологизмы как с позитивным содержанием с точки зрения семантического компонента, подлежащего процессу метафоризации, так и с негативным. Помимо ухудшения психического самочувствия работников офисной сферы, наблюдается также ряд физических неудобств, вызванных долгим пребыванием на работе. В качестве примера можно рассмотреть неологизм *wallet neuropathy* (2003), характеризующий боль в нижней части спины, вызванную долгим пребыванием в сидячем положении на портмоне, находящемся в заднем кармане брюк. В данном случае единицы смысла, участвующие в концептуальном переосмыслении, унаследованы преимущественно от второго компонента словосочетания.

6. *Языковые единицы, определяемые путем соотнесения с постройками (или их частями) жилищного или производственного типа, а также с предметами быта и технического оборудования.*

В эту группу неологизмов вошли единицы, содержащие в себе названия предметов быта, мебели, деталей помещения, частей здания и т. д. К числу наиболее показательных примеров можно отнести следующие новообразования: *stovepipe organization* (1991), *kitchen-sink* (1990), *pick and shovel company* (1993), *cube farm* (1997), *hot desk* (1990), *hotelling* (1991), *mutter machine* (1999), *sticky floor* (1992), *watercooler effect* (1992), *stock lock* (2001). Яркий пример, характеризующий офисную сферу, – неологизм *stovepipe organization* (1991).

Как можно заметить, метафорическому переосмыслению подвергается первый компонент новообразования. Лексема *stovepipe* в своем прямом значении обозначает «дымоход» – узкую металлическую трубу, которая располагается вертикально над печкой и служит одной цели – отводу дыма и пепла. В организации, структура которой переосмыслена на основе сравнения с дымоходной трубой, сотрудники имеют узкий определенный набор обязанностей, и их распределение происходит по заранее заданной траектории, на вершине которой располагается командование.

7. *Новообразования, включающие в свою семантику признак состояния, вещества, материала.*

В данную категорию вошли неологизмы, итоговое семантическое значение которых сформировалось под влиянием таких метафоризированных компонентов, как вещество, состояние, материал (металла, дерева, драгоценных сплавов). В качестве примеров можно вынести следующие новообразования: *glass cliff* (2003), *mucus trooper* (2003), *fume date* (2004). Наиболее употребляемыми по частотности можно определить новообразования, одной из составляющих которых стали наименования драгоценных сплавов, в частности золота. В качестве наглядного примера можно привести неологизм *golden bungee* (1998). Интересна история возникновения этой номинативной единицы. В 1960 г. в употребление вошло выражение *golden handshake*, означающее щедрую финансовую премию сотруднику, уходящему на пенсию. В 1980 г. появился неологизм *golden parachute*, характеризующий долгосрочный контракт, гарантирующий финансовую безопасность служащему, который вынужден покинуть компанию. Рассматриваемое новообразование *golden bungee* стало своего рода модуляцией первых двух неологизмов и получило следующую дефиницию – прибыльный финансовый пакет, предоставляемый сотруднику в качестве выходного пособия, или другая привилегия, данная с целью сохранения связи с компанией. Из определения неологизма можно отметить, что за основу переосмысления берется не прямой признак золота, т. е. его цвет, а его ценность. А также наследуется принцип «связующего звена» между двумя элементами от компонента *bungee*.

При анализе выявленных неологизмов с точки зрения смешения ментальных пространств, обусловленных процессами метафоризации, метонимизации и метафтонимизации, стало возможным выведение

механизма концептуальной интеграции, общего для всех новообразований по своей схеме и различного по смысловому наполнению. Рассмотрим подробнее указанный механизм на примере неологизма, относящегося к группе единиц, содержащих в себе компонент движения, – *corridor cruiser* (1993). Данное новообразование обозначает сотрудника фирмы, гуляющего по коридору туда и обратно, в большинстве случаев передвигаясь с одного собрания на другое. Формирование рассматриваемой номинативной единицы основано на метафтонимическом переносе элементов значения второго компонента *cruiser*. В этом случае заимствуется не только признак «возможность передвижения по поверхности или в пространстве», но и такая составляющая, как «направления движения» (moving back and forth). Таким образом, схема слияния двух концептов выглядит следующим образом:

INPUT 1	INPUT 2
<ul style="list-style-type: none"> – a narrow area of land between cities or countries – a long narrow passage in offices and buildings at whole 	<ul style="list-style-type: none"> – a boat used for pleasure – a large ship – a kind of moving vehicles going back and forth

GENERIC SPACE:

- a long narrow passage;
- something moving back and forth on a surface or just in space.

BLEND:

A worker who spends a lot of time walking through office corridors, usually en route from one meeting to another.

Стоит отметить, что некоторые единицы, выявленные в ходе анализа, относятся сразу к нескольким категориям. Так, например, неологизм *grass ceiling* (1994) имеет два ярко выраженных семантических компонента, один из которых подвергается метонимическому переосмыслению, а второй – метафорическому. Таким же поликатегориальным лексическим сочетанием можно считать неологизм *glass wall* (1992). В данной номинативной единице оба компонента подвергаются метафтонимическому переосмыслению и неразрывно связаны между собой. От первой составляющей *glass* в бленд переносится свойство транспарентности. Таким образом, стекло, по определению, предполагает, с одной стороны, хрупкость. Однако, с другой стороны,

оно может стать неожиданным барьером ввиду своей прозрачности и, следовательно, неприметности. Эта идея дополняется и подкрепляется метафорически заимствованным у второго компонента *wall* признаком «непреодолимого препятствия». Результат такого смешения свойств можно отобразить следующей схемой:

INPUT 1

- a transparent material
- objects made of this transparent substance
- separating different parts from each other (as for a window or wall)

INPUT 2

- an upright structure in a room made of wood, metal, etc.
- anything suggesting a wall in function or effect
- a kind of obstacles preventing achieving something worthy

GENERIC SPACE:

- deceptively fragile material but that is way causing some certain difficulties;
- a system of limits and practices restricting some actions.

BLEND:

A social prejudice that prevents an individual, particularly a woman or minority, from moving laterally within an organization.

Также к числу новообразований, характеризующих поликомпонентную группу, можно отнести такие неологизмы, как: *prairie dogging* (1997), *black swan* (2001), *mouse race* (1992).

Таким образом, исходя из приведенного анализа новых лексических единиц, ярко отражающих изменения в офисной сфере, видно, что основными когнитивными процессами, участвующими в формировании итогового бленда, являются процессы метафоризации, выявленной в большинстве случаев, и метонимизации. Также стоит отметить, что к наиболее многочисленным из выявленных категорий относятся три группы неологизмов: группа, характеризующаяся наличием элемента сравнения с постройками и предметами быта; группа, объединившая новые лексические единицы, образованные путем соотношения с экспрессивно-окрашенным элементом, и группа, включающая в себя новообразования, сформировавшиеся на основе сходства компонентов с цветовой гаммой. Наименее показательной можно определить группу, в которую вошли неологизмы, содержащие

в своем составе элемент ненормативной лексики. Подобное неравномерное распределение категорий непосредственным образом отражает заинтересованность и необходимость членов языкового сообщества в обозначении новых явлений, предметов, возникающих в качестве прямого результата развития всех сфер человеческой жизнедеятельности. Так, например, можно с уверенностью заключить, что появление большого числа неологизмов, связанных с технической составляющей рассматриваемого понятийного пространства, связано с определенными достижениями языкового сообщества в области науки и техники. Всё более интенсивное вхождение лексики, описывающей различные реалии, заимствованные из компьютерной сферы, очевидно, определяется расширением интернет-пространства и, как следствие, повышением интереса и внимания к применению различного рода цифровой техники и электронных носителей.

С точки зрения количества элементов, входящих в состав неологизмов, большинство проанализированных единиц представляют собой двух- или трехкомпонентные словосочетания (*distance work* (1994), *alpha geek* (1995), *digital native* (2001); *corporate perp walk* (2002), *chief content officer* (1997), *chief privacy officer* (1998)), но также зафиксирован ряд идиом и устойчивых выражений (*put skin in the game* (1993); *put wood behind the arrow* (1996); *meat in a seat* (2009)).

Деривационный статус выделенных новообразований отличается значительным разнообразием. Среди основных способов словообразования следует выделить: словосложение, аффиксацию и сокращения. Основной моделью словосложения стала модель N+N: *funemployment* (2004), *crowdworker* (2009), *microwork* (2007). Среди неологизмов образованных способом аффиксации, были выявлены примеры как префиксации, при этом наиболее употребляемым стали префиксы *pre-* (*pre-cation* (2013)) и *eco-* (*eco-porn* (1990)), так и постфиксации, к самым частотным относятся суффиксы деятеля *-er* (*permalancer* (1995)) и *-ist* (*activationist* (1994)). В категории сокращений были выделены следующие группы: аббревиатуры (*CXO* (1997); *BAM* (1998); *BHAG* (1992)), акронимы (*HENRY* (2003)) и слияния, или так называемые слова-«слитки» (*geekerati* (2000); *jumbrella* (2001); *evangineer* (1999); *smexting* (2007)).

В заключение можно сделать вывод, что результатом процесса концептуальной интеграции, рассматриваемой с позиции формирования

новых лексических единиц и вне зависимости от способов их образования, является осмысление ранее приобретенного знания носителем того или нового языка. Концептуальная интеграция играет значительную роль в непосредственном процессе сегментации мира и вербализации его предметных категорий. Теория концептуального смешения дает возможность раскрывать и по-новому осваивать сложные, исторически сложившиеся ментальные структуры, образовавшиеся в результате перемещения свойств и признаков из двух, казалось бы, разноплановых входных пространств. В целом, можно заключить, что теория концептуальной интеграции относит необходимость рассмотрения процессов языкового осмысления к числу основных задач когнитивистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ирисханова О. К.* О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. – М. : Изд-во ВТИИ, 2004 – 126 с.
2. *Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.
3. *Кубрякова Е. С.* Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 6–17.
4. Сборник английских неологизмов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.wordspy.com.
5. *Степанов Ю. С.* Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 63 с.
6. *Fauconnier G., Turner M.* Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics. – 1998. – P. 133–187.

УДК 811.111'42

Ю. П. Волынец

аспирант кафедры лексикологии ФГПН МГЛУ

e-mail: jpvол@bk.ru

ДИНАМИКА ОЦЕНОЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЦИТАТЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается оценочный потенциал цитаты в англоязычном медиадискурсе и анализируется его динамика. Основное внимание уделяется средствам создания, усиления и изменения оценки, а также факторам, влияющим на вариативность оценки.

Ключевые слова: медиадискурс; цитация; оценка; вариативность оценки; интерпретация события.

Yu. P. Volynets

Post-graduate student, Department of English Lexicology, MSLU

e-mail: jpvол@bk.ru

EVALUATION DYNAMISM OF QUOTATION IN ENGLISH MEDIA DISCOURSE

The article considers evaluation potential of quotation in English media discourse and sets out to study its dynamic aspect. Main attention is paid to the language means used to create, intensify and alter evaluation, as well as to factors determining evaluation variability.

Key words: media discourse; quotation; evaluation; variability of evaluation; event interpretation.

Современные тексты СМИ, информируя о происходящих в мире событиях, также оказывают на читателей определенное прагматическое воздействие и формируют у них некоторое отношение к происходящим событиям, что подтверждает непосредственное взаимодействие двух основных функций медиадискурса: информативной функции и функции воздействия. Прагматическая функция в газетном тексте реализуется за счет использования лексических единиц и грамматических конструкций, с помощью которых авторы текстов СМИ дают собственную оценку событиям и формируют у читателя мнение о них. Следовательно, категория оценочности, способствующая пониманию позиции автора, играет важную роль в языке газеты, который «построен на оценке, начиная с отбора и монтажа информации и вплоть до особенностей ее выражения» [7, с. 8].

При этом правомерно утверждать, что одни и те же ситуации могут описываться совершенно различными языковыми средствами и выбор этих средств не случаен. Даже газетные издания со схожими политическими, экономическими и социальными взглядами могут представлять одни и те же новости по-разному, используя определенные способы обращения к читателю, изложения фактов и их оценки.

Так, авторы газетного текста часто прибегают к использованию цитации, которая позволяет опосредованно выразить отношение к предоставляемой информации и сформировать у читателя определенное мнение о ней. Цитация в тексте газеты может выполнять целый ряд функций: функцию активизации интеллектуальной деятельности читателя, функцию облегчения восприятия предоставляемой информации, функцию повышения доверия читателя, функцию оказания определенного воздействия на адресата, побуждающего его к принятию или отрицанию цитируемой информации (М. И. Булах, И. Р. Гальперин, К. Н. Даирова, И. В. Алещанова, С. Ю. Зайцева, Г. И. Вальц, Е. А. Земская) Однако, независимо от выполняемой функции, практически все цитаты обладают оценочным потенциалом. Таким образом, цитация как языковое средство, выражающее оценки, нередко используется репортерами для оказания воздействия на формирование позиции адресата, а также для достижения своих коммуникативных задач.

Целью данной статьи является выявление основных инструментов создания оценки при помощи цитации в англоязычном медиадискурсе и изучение динамики оценочного потенциала цитаты.

Изучением понятий «оценка» и «ценность» в языковой системе занимались многие лингвисты, что обусловило возникновение лингвоаксиологии, рассматривающей взаимосвязь языка и ценностей как составляющих культуры и занимающейся определением ценностных характеристик языковой единицы или высказывания (Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф, Т. В. Писанова и др.)

Лингвоаксиологию можно рассматривать как относительно новое направление, базирующееся на основных постулатах аксиологии, теории о ценностях.

Рассматривая понятие лингвистической оценки, следует обратить внимание на сложившиеся в лингвоаксиологии многообразие определений данного явления и подходов к его изучению.

Оценка представляет собой результат взаимодействия человека с окружающим миром и обладает очень широким диапазоном использования, позволяя характеризовать предмет по различным признакам, таким как время, пространство, значимость, важность, достоверность и т. д. Ввиду многообразного использования данного понятия представляется целесообразным разграничить его общее и частное определение. Так, в узком смысле, под оценкой подразумевается «ценностное / рассудочное или рассудочно-эмотивное отношение субъекта оценки к ее объекту по типу “хорошо–плохо”» [8, с. 18]. Следует отметить, что именно использование этой диады, где понятия «хорошо» и «плохо» могут быть уточнены в зависимости от сферы бытования ценностей, является основным приемом описания оценки. В широком смысле под оценкой принято понимать результат «сопоставления предметов и явлений между собой в определенном отношении или сопоставления некоторого предмета с избранным образцом» [6, с. 25]. Таким образом, под оценочным отношением может подразумеваться как оценка вообще, так и частное отношение к объекту по какому-либо признаку, критерию или параметру.

Среди других немаловажных полярных типов / видов оценки можно выделить узуальную и окказиональную оценки. В первом типе оценочная информация тесно связана и легко ассоциируется с лексическим значением языковой единицы, за которой она закреплена, в то время как при втором типе оценки оценочная информация приобретает в определенном контексте и не является постоянной.

Различают эксплицитную и имплицитную оценки. Эксплицитная оценка предполагает, что за языковой единицей в словарной статье закреплено значение, обладающее оценочностью, которая проявляется благодаря использованию в дефиниции оценочных индикаторов, а имплицитная оценка, напротив, выражает официально не закрепленную за языковым знаком оценочную информацию, которая часто складывается под влиянием контекста. В диссертационной работе «Динамические параметры оценки» Р. М. Якушиной представлены два подхода к изучению имплицитной оценочности: внешний, который подразумевает влияние контекста, и внутренний, состоящий в раскрытии внутренней контекстуальной информации глубинного уровня [10].

В лингвистике выделяют два основных подхода к исследованию лингвистической оценочности: коммуникативный и когнитивный [9, с. 20].

Задачей первого подхода, который считается традиционным и основывается на анализе слов по принципу диады «хорошо–плохо» и производных от нее оценочных шкал, является изучение взаимосвязи между коммуникативной целью речевого акта и употреблением в нем определенного оценочного языкового средства. Таким образом, при коммуникативном подходе исследуется цель использования того или иного оценочного языкового средства и влияние, которое оно оказывает на получателя информации. Основоположниками коммуникативного анализа оценочных предикатов принято считать представителей английской школы, которые полагали, что коммуникативная функция слова играет первостепенную роль при определении значения слова, и таким образом оценочное значение высказывания складывается из взаимодействия оценочных значений его составляющих.

Когнитивный подход, полагаясь на результаты взаимодействия разных научных дисциплин, основывается на взаимодействии языковых и внеязыковых знаний и предполагает изучение роли человеческого опыта в функционировании языка. Опыт, представляя собой результат познавательной деятельности индивида и его эмоционально-чувственного восприятия, практически выражается через отношение человека к чему-либо. Это может быть суждение о чем-то приятном или неприятном, умном или банальном, познавательном или скучном, полезном или вредном, эффективном или бесполезном. На основе этих эмоционально-чувственных, практических и психологических аспектах человеческого опыта Т. В. Писанова выделяет три вида семантических оснований частных оценок: сенсорно-вкусовые, психологические и рационалистические [9, с. 32]. Также подчеркивается существование «высшего» опыта, который определяется личностными качествами и духовными ценностями индивида и включает в себя совокупность его эстетических и морально-этических представлений об объективной действительности.

Утверждается, что когнитивные механизмы оказывают непосредственное влияние на аксиологические механизмы функционирования языка и играют важную роль в образовании и употреблении языковых единиц. «Когнитивный подход раскрывает познавательные возможности оценочных средств, способствует выбору адекватных средств для реализации коммуникативных замыслов и обеспечения процесса понимания оценочных высказываний адресатом» [9, с. 32].

Говоря о структуре оценки, лингвисты выделяют обязательные и периферийные элементы. В первую категорию относят такие базовые компоненты, как субъект, объект, основание оценки, шкалу оценивания с начальной точкой отсчета и оценочные стереотипы. Состав второй категории включает в себя всевозможные классификаторы, интенсификаторы и деинтенсификаторы и может изменяться ввиду динамического характера оценки (А. А. Ивин, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюнова, Е. М. Вольф и др.).

Ингерентной характеристикой оценки является динамика ее внутренней структуры и собственно оценочных единиц, что особенно ярко выражается в газетном тексте. Изменения во внешней среде, динамический характер современной жизни, относительная актуальность, периодичность издания, временные рамки, массовая аудитория – все эти экстралингвистические факторы находят свое отражение в языке газеты. «Оценочность ГТ (газетного текста) может проявляться по-разному и с помощью разноуровневых единиц, например, в выборе автором текста определенной лексики, синтаксических конструкций, способов цитации, стилистических приемов, приведения количественных показателей» [4, с. 45].

Объектом данного исследования выступают цитаты, реализующиеся в статьях, посвященных газовому конфликту между Россией и Украиной в период с июня по июль 2014 г. Исследование проводится на материале пятидесяти статей, отобранных методом сплошной выборки из газеты «The New York Times». Анализ собранного языкового материала подтверждает, что обострение газового конфликта между Россией и Украиной нашло мгновенное отражение в оценке ситуации в зарубежных средствах массовой информации.

В данном исследовании рассматривается динамика оценки трех сторон: представителей Запада, Украины и России.

Начальная стадия переговоров по разрешению газового конфликта между Россией и Украиной сопровождается весьма оптимистичной оценкой со стороны представителей Запада. Так, в статье «Russia Gives Ukraine More Time to Pay for Natural Gas» от 2 июня 2014 г. автор цитирует Джонатана Штерна, специалиста по газовым вопросам, согласно которому примирение между двумя странами вполне возможно:

- (1) Jonathan Stern, an authority on the European natural gas market at the Oxford Institute of Energy Studies, said in a telephone interview that

Ukraine and Russia appear headed toward a **resolution**. “I think we’re now on **conciliatory** territory, to the extent that’s possible” (*Russia Gives Ukraine More Time to Pay for Natural Gas. June 2, 2014*).

Согласно дефиниции, приводимой в <http://www.thefreedictionary.com> [11], слово **conciliatory** изначально обладает ярко выраженным положительным значением, которое усиливается за счет существительного **resolution**, употребленного в предшествующей косвенной цитате. Таким образом, на 2 июня 2014 г. представителями Запада подчеркивается возможность скорого решения конфликта и достижения согласия.

В следующем примере приводится цитата Гюнтера Германа Эттингера, европейского комиссара по энергетике, из статьи «Russia and Ukraine Meet on Natural Gas Pricing Dispute» от 9 июня 2014 г. Тот факт, что между странами существуют серьезные разногласия, находит отражение в цитате за счет лексической единицы **different**, которая в данном контексте приобретает отрицательную коннотацию на основании знания ситуации. Однако отрицательная оценка минимизируется за счет эпитета **ongoing**, подчеркивающего последовательное ведение переговоров, способствующих устранению существующих разногласий:

- (2) “We have some **open questions** and some **different positions** – **ongoing different positions** – but we **agreed to continue to negotiate**,” Günther Oettinger, the European Union’s energy commissioner, said at an early morning news conference (*Russia and Ukraine Meet on Natural Gas Pricing Dispute. June 9, 2014*).

Несмотря на то, что автор цитаты говорит о существующих между странами расхождениях, о нерешенных проблемах и о несогласии по состоянию на 9 июня, он всё же подчеркивает возможность их мирного урегулирования в будущем, о чем свидетельствует употребление глаголов **to agree** и **to negotiate**, передающих положительную логическую оценку.

По мере развития конфликта, можно проследить динамику отрицательной оценки в цитатах из высказываний представителей Запада. Так, несмотря на то, что в примере (3) Гюнтер Герман Эттингер в целом всё еще благоприятно оценивает ситуацию, используя для ее характеристики, обладающие положительной оценкой, лексические единицы **good** и **to reach an agreement**, можно наблюдать некоторое сомнение в положительном исходе данной ситуации, создающееся

употреблением слова *still*, дефиниция которого указывает на непостоянность описываемого действия и на его возможное завершение, и слова *chance*, подчеркивающего неуверенность в достижении примирения:

- (3) “Monday is still quite a way off. We feel there is *still* a *good chance of reaching an agreement*,” Mr. Oettinger, the European Union’s senior energy official, said (*Ukraine and Russia Still Far Apart on Gas Deal. June 11, 2014*).

В цитате из статьи «Ukraine and Russia Still Far Apart on Gas Deal» от 11 июня 2014 г., прилагательные *difficult*, *hard* и идиома *at odds*, обладающие отрицательной коннотацией, описывают не только факт существующего между странами конфликта, но и его высокую сложность и необходимость принятия усилий для его урегулирования. Следует отметить, что использование в цитате наречий *even*, *enough* и сравнительной формы *harder* усиливают негативную оценку сложившейся ситуации:

- (4) “Such negotiations are *difficult enough*, and there is a political situation that makes them *even harder*,” Günther Oettinger, the European Union’s energy commissioner, told a news conference after the negotiations broke down. “We are talking about billions of dollars, major economic interests and major business interests *that are at odds with each other*” (*Ukraine and Russia Still Far Apart on Gas Deal. June 11, 2014*).

Анализируя цитаты украинских политических деятелей, приводимые в The New York Times в статьях по теме газового конфликта, можно утверждать, что, в отличие от рассмотренных ранее примеров, их объектом оценки в большинстве случаев являются не переговоры и существующие разногласия, а Россия и ее действия. Рассмотрим контекст (5):

- (5) The new Russian offer, below the \$485 currently demanded by Gazprom but far above a price of \$268.50 offered in December to Mr. Yanukovich, was rejected by Mr. Prodan (Ukraine’s energy minister) as «*unacceptable*» (*Ukraine and Russia Still Far Apart on Gas Deal. June 11, 2014*).

В приведенной выше цитате цена, предложенная Россией на газ, характеризуется Юрием Проданом, министром энергетики и угольной промышленности Украины, прилагательным *unacceptable*, которое изначально обладает ярко выраженной отрицательной оценкой. Следует отметить, что частое употребление этого прилагательного

с существительным *behavior* позволяет ассоциативно переносить данную оценку на политику России в целом.

Украинский премьер-министр Арсений Яценюк в контексте (6) называет предложенную Россией цену на газ ловушкой, западней: *these Russian traps*, что не только отрицательно характеризует действия России, но и вызывает у читателя чувство сочувствия к Украине за счет ассоциативного ряда создаваемого словом *trap*, и, следовательно, восприятия Украины как незащищенного, страдающего существа, которое оказавшись в капкане, не может повлиять на исход ситуации. Также, используя данное существительное во множественном числе, автор цитаты не только распространяет свою оценку на другие российские действия, но и подчеркивает их неоднократность:

- (6) “*I want to say that we know these Russian traps. The discount is set by the Russian government and cancelled by the Russian government,*” he [Ukrainian Prime Minister Arseny Yatseniuk] said (*Putin Accuses Ukraine of Sabotaging Gas Talks. June 11, 2014*).

В следующем примере (7) негативная оценка России в газовом конфликте, данная украинскими политиками, только усиливается, что достигается за счет апелляции к произошедшим событиям, а также за счет использования лексических единиц (*destruction, annexation, bandit*), создающих общий ярко выраженный отрицательный коннотативный фон предложения. Более того, оценка ситуации усугубляется за счет употребления по отношению к России слов, относящихся к семантическому полю войны (*terrorist, weapon*):

- (7) “*This is not about gas,*” Mr. Yatsenyuk (the Ukrainian prime minister) said. “*This is a general plan for the destruction of Ukraine.*” He said the decision was the latest in a series of steps that “*began with the annexation of Crimea, the Donbass terrorists, supplying Russian weapons and sending Russian bandits to the territory of Ukraine*” (*Gazprom Cuts Russia’s Natural Gas Supply to Ukraine. June 16, 2014*).

В статье от 26 июня 2014 года Юрий Продан, министр энергетики и угольной промышленности Украины, всё же признавая само наличие оказываемой Россией помощи (*Moscow’s support*), характеризует данную поддержку как неудовлетворительную и неподходящую, используя прилагательное с отрицательной оценочностью (*insufficient*) в примере (8). Выражение автором цитаты своего отношения к сложившейся ситуации (*sadly*), желания Украины мирно решить конфликт (*I urge Russia once again to resolve the situation; please support*

the peace plan; we can stop the deaths) и наряду с этим обвинение России в пустословии (*not just words*) и продолжающемся конфликте призваны создать у читателя, за счет сформированного контраста, отрицательную оценку действий России на фоне положительной позиции Украины:

- (8) “*Sadly, so far, Moscow’s support has been insufficient,*” he [Mr. Poroshenko] said in a speech in Strasbourg, France, to European lawmakers. “*From this podium, I urge Russia once again to resolve the situation. Please support the peace plan with deeds and not just words. With deeds, we can stop the deaths of civilians and military people*” (*Kerry Turns Up Pressure on Russia Over Ukraine, Warning of New Sanctions. June 26, 2014*).

Изучая динамику оценки в цитатах российских представителей, можно отметить изначальное присутствие в них лексических единиц, обладающих положительной оценочностью, наряду с общим отрицательным коннотативным фоном предложения. Так, в примерах (9) и (10), слова *partnership spirit, partners, support* употребляются для характеристики положительных намерений и позиции российской стороны, в то время как лексические единицы с отрицательной оценкой *dead end, rather difficult time, rejected*, употребляются по отношению к позиции Украины и ситуации в целом. Более того, использование в цитатах утверждений *This is not our choice. We do not want it* и условных предложений призвано показать, что все дальнейшие действия зависят только от решений, принятых Украиной:

- (9) «The reduction is too little for our Ukrainian partners; they want more, although it's not clear on what basis,» he (Putin) said. «*If this is the case, then it seems that the issue is being driven into a dead end*» (*Putin Accuses Ukraine of Sabotaging Gas Talks. June 11, 2014*).
- (10) “We believe that our offer is more than in a *partnership spirit*, aimed to *support* the Ukrainian economy at a *rather difficult* time,” Putin said in televised remarks. “But if our offers are *rejected* it means we will enter another stage. *This is not our choice. We do not want it*” (*Ukraine Rejects Putin’s Offer of Gas Discounts. June 11, 2014*).

В цитатах российских представителей в более поздний промежуток времени ярко выраженная положительная оценка собственных действий становится менее частотной, в то время как явная отрицательная оценка позиции Украины усиливается, что проявляется в употреблении таких эпитетов, как *inadequate, unconstructive* и суще-

ствительного **blackmail**, которые придают цитатам бóльшую экспрессивность и стимулируют формирование отрицательной оценки в отношении действий Украины:

- (11) “*Thanks to the unconstructive position of the Ukrainian government, today a prepayment regime was introduced,*” Miller told Prime Minister Dmitry Medvedev in a meeting open to reporters (*Gazprom CEO Accuses Ukraine of Being ‘Unconstructive’ in Gas Talks. June 16, 2014*).
- (12) The Ukrainian leadership accused Russia of fomenting a gas war on top of the violence for which it blames Moscow, while the Russian prime minister, Dmitri A. Medvedev, dismissed the entire Ukrainian leadership as “*inadequate*” in remarks on his Facebook page (*Gazprom Cuts Russia’s Natural Gas Supply to Ukraine. June 16, 2014*).
- (13) Alexei Miller, CEO of Russian gas exporter Gazprom, accused Kiev on Monday of adopting an “*unconstructive*” position in gas talks and of using blackmail to try to get an “ultra-low” price (*Gazprom CEO Accuses Ukraine of Being ‘Unconstructive’ in Gas Talks. June 16, 2014*).
- (14) “The debt we were asking for was less than that which was required for the time period ... but the Ukrainian side adopted a position that can only be called **blackmail**... They wanted an ultra-low price” (*Gazprom CEO Accuses Ukraine of Being ‘Unconstructive’ in Gas Talks. June 16, 2014*).

Следует отметить, что динамика оценочного потенциала цитат в англоязычном медиадискурсе чаще всего создается при помощи изменения таких основных элементов структуры оценки, как субъект и объект оценки, под влиянием экстралингвистического и языкового контекста и проявляется в употреблении лексических единиц с различной оценочностью, что отражает установки и цели автора статьи.

Таким образом, правомерно утверждать, что вопрос об использовании цитат в газетных статьях и о сравнении оценки одного и того же события и отношения к нему политических деятелей разных стран является весьма актуальным при изучении аксиологического аспекта и динамики оценочного потенциала языковых средств в языке современных англоязычных СМИ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. – М. : Наука, 1985. – 228 с.

3. *Вольнец Ю. П.* Способы реализации аксиологического потенциала сегментированных цитат в англоязычном медиадискурсе // Современная лингвистика: взаимодействие парадигм и школ. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 60–72. (Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та; вып. 20 (706). Серия Языкознание.)
4. *Гилёва А. В.* Оценочные стратегии в языке британской качественной и массовой прессы : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 249 с.
5. *Ивин А. А.* Аксиология. – М. : Высшая школа, 2006. – 390 с.
6. *Ивин А. А.* Основания логики оценок. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1970. – 229 с.
7. *Калачинский А. В.* Аргументация публицистического текста. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1989. – 120 с.
8. *Новиков В. П.* Оценочная лексика в языке английской газеты : дис. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 145 с.
9. *Писанова Т. В.* Национально-культурные аспекты оценочной семантики (эстетические и этические оценки) : дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1997. – 393 с.
10. *Якушина Р. М.* Динамические параметры оценки: на материале современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2003. – 179 с.
11. The Free Dictionary. – URL : <http://www.thefreedictionary.com>

УДК 81'42

А. В. Соколова

аспирант кафедры перевода и переводоведения
английского языка переводческого факультета МГЛУ
e-mail: adoni@mail.ru

ОНОМАТОПОЭТИЧЕСКИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК СПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Статья посвящена ономастопозэтическим именам собственным (далее – ономастопозэтическим ИС) и их месту в ономастиконе детской литературной сказки. В статье впервые рассматривается вопрос о наличии ономастопозэтического компонента в именах и названиях и впервые предлагается понятие ономастопозэтических имен собственных. Рассматриваются отличительные структурные особенности данной категории ИС. На основании указанных признаков и свойств ономастопозэтики как категории лексики делается вывод об ономастопозэтических именах собственных как особых словесных знаках, которые выполняют характерологическую и смыслообразующую функцию.

Ключевые слова: имена собственные; ономастопозэтические имена собственные; ономастикон; детская литературная сказка.

A. V. Sokolova

Post-graduate student, Department of Translation
and Translation Studies (the English Language),
Faculty of Translation and Interpreting, MSLU
e-mail: adoni@mail.ru

ONOMATOPOEIC PROPER NAMES AS A SPECIFIC PHENOMENON OF CHILDREN'S LITERARY FAIRY TALE

This article covers the topic of onomatopoeic proper names and their place in the onomasticon of children's literary fairy tale. The term of onomatopoeic proper names is introduced for the first time. The article is the first work that gives a view of onomatopoeic component in proper names. It deals with identifying structural features of this category of proper names. Based on the analysis of onomatopoeia and onomatopoeia identifying features, onomatopoeic proper names are considered to be a special word mark that serves as a meaning-creating and text-forming device.

Key words: proper names; onomatopoeic proper names; onomasticon; children's literary fairy tale.

Мы определяем ономатопоэтические имена собственные как значимые имена собственные, звучание которых частично или полностью предопределено значением. В произведении детской художественной литературы эти имена выступают в роли функционально-семантического словесного знака (смыслопорождающего и текстообразующего), предназначенного для индивидуализации и характеристики персонажей художественной детской литературной сказки.

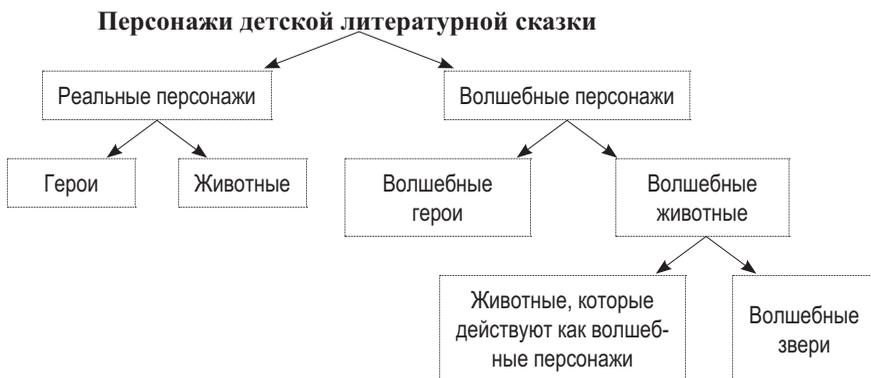
Некоторые исследователи в своих трудах разделяют понятие *ономатопеи* (*ономатопозтики*) и *ономатопы*, а некоторые используют их как синонимы. С. В. Чиронов рассматривает ономатопею как «явление в целом, содержание которого выражается в ономатопах русского языка» [23], а у Н. Г. Румак для обозначения всего слоя ономатопоэтической лексики японского языка как синонимы используются термины «ономатопея», «ономатопозтическое слово» (далее – ОС) и «ономатопозтические единицы» (далее – ОЕ). Алпатов для описания ономатопоэтических единиц вводит термин «идеофоны». Впервые в русском языке термин «ономатопозтика» был зафиксирован в 1910 г. в «Словаре иностранных слов» А. Н. Чудинова, затем в «Словаре лингвистических терминов» появляется аналогичное толкование для термина «ономатопея». «Ономатопея (*греч.* *onomatopoeia* – производство названий, от *опома* – имя + *поіео* – делаю, творю). Звукоподражание, образование слов, условно воспроизводящих природные звуки, крики животных и т. д. (*гав-гав, кукареку, мяу*), а также создание слов путем звукоподражания (*гавкать, кудахтать, куковать, мяукать*)» [19]. В обоих словарях ономатопоэтика описывается через звукоподражания. В современном «Энциклопедическом словаре» ономатопоэтика объясняется как «то же, что и ономатопоэтические слова, изобразительные слова» [2]. На наш взгляд, наиболее точно отражает направленность данной работы определение из «Большой Советской Энциклопедии», так как там затрагивается в равной степени и звукоподражательный, и звукоизобразительный аспекты ономатопоэтической лексики. В данной работе указанные термины (*ономатопы, ономатопоэтическая единица, ономатопоэтическое слово; ономатопея, ономатопоэтика*) используются как синонимы.

Ономастическое пространство [21] детской литературной сказки представляет собой отношение между реальными персонажами и волшебными вымышленными персонажами [1, с. 26].

Реальные персонажи – это те персонажи, дети и взрослые, которых читатель-ребенок может встретить в реальной жизни. Они могут играть как положительную, так и отрицательную роль. Эти персонажи позволяют ребенку ассоциировать себя с главными героями, посмотреть со стороны на знакомых ему взрослых. Благодаря таким персонажам детская литературная сказка выполняет не только развлекательную, но и познавательную функцию, позволяет извлечь мораль.

Волшебные персонажи – это все персонажи, которые являются плодом воображения автора. Их нельзя встретить в реальной жизни. Они несут в себе колорит волшебства, отчуждения от привычного мира, который делает детскую литературную сказку притягательной.

В детской литературной сказке можно выделить следующие группы персонажей:

В число волшебных персонажей обычно входят волшебные герои и волшебные животные.

Волшебные герои – вымышленные персонажи, которые живут в волшебной стране, подверглись волшебным чарам или сами способны творить волшебство. В сказке они выступают и как положительные герои, и как отрицательные.

Волшебные животные – вымышленные животные или растения, отличающиеся своими необычными свойствами от животных и растений, которых читатель привык видеть в реальной жизни.

Животные (или растения), выступающие как персонажи, обычно наделены способностью мыслить и говорить. Иными словами, это полноценные персонажи, которые имеют облик животных.

Волшебные звери – как правило, вымышленные животные. Они обычно не выступают в роли героев сказки и выполняют функцию поддержки атмосферы волшебства и чудес.

Для того чтобы волшебные персонажи справлялись со своей функцией, читателю необходимо отличать реальные персонажи от вымышленных. Для этого автору приходится разделить ономастическое пространство детской литературной сказки на две группы: реальные имена собственные, принадлежащие реальным персонажам, привычные каждому из нас, и волшебные имена собственные, качественно отличающиеся от реальных имен.

Одним из способов такого разграничения является введение в сказку значимых имен. Эти ИС одновременно служат для называния персонажей и дают им характеристику.

Читателю необходимо не просто отнести персонаж к числу вымышленных, но еще и иметь представление о том, что это за персонаж.

Детская литературная сказка – жанр, который не терпит сложных конструкций и описаний. В связи с этим имена собственные являются одним из способов объяснения читателю, что за персонаж появляется на страницах книги. Для этого в детской литературной сказке происходит онимизация, то есть процесс, когда имена нарицательные, обозначающие, например, животных, становятся именами собственными: *кот-Кот, заяц-Заяц* и даже *шляпа-Шляпа*.

Такие имена могут иметь волшебные герои и животные, которые выступают как персонажи.

– В этой стороне, – Кот помахал в воздухе правой лапой, – живет некто Шляпа. Форменная Шляпа! А в этой стороне, – и он помахал в воздухе левой лапой, – живет Очумелый Заяц. Очумел в марте. Навестить кого хочешь? Оба ненормальные [9, с. 59].

Среди ИС, принадлежащих волшебным персонажам, большое количество приходится на ономатопоэтические.

Ономатопоэтические имена собственные – это значимые имена собственные, значение которых частично или полностью предопределено звучанием. Данный термин предложен нами впервые. Хотя примеры такого языкового явления можно всё чаще и чаще найти в детской художественной литературе. При изучении этой темы мы находили попытки обосновать изучаемые имена с точки зрения подражаний звукам внешнего мира. В частности, в комментариях Н. М. Демуровой к переводу произведений Льюиса Кэрролла имена

близнецов *Труляля* и *Траляля* были представлены как звукоподражательные. «Очевидно, что *Tweedledum* и *Tweedledee* – имена звукоподражательные и что соответствия им следует искать в русских словах, изображающих без особого почтения звуки всевозможных музыкальных инструментов» [4, с. 54].

Однако, учитывая, что аналогичное по строению и функциям имя *Шалтай-Болтай* не было рассмотрено Н. М. Демуровой с точки зрения оноματοпозитики, можно предположить, что Н. М. Демурова не стремилась рассмотреть приведенные ИС с точки зрения их принадлежности к категории оноματοпозитических. Мы не нашли ни одной научной работы, посвященной способам передачи оноματοпозитических ИС при переводе.

Детская литературная сказка была выбрана в качестве материала исследования не случайно, ведь именно в этом жанре наиболее плодотворно раскрывается потенциал оноματοпозитических ИС.

Одной из особенностей данного жанра является приближенность к детской речи [22], которая отличается большим количеством употребления оноματοпозитики, образованием нерегулярных форм по нерегулярным моделям, окказиональным словоупотреблением, диффузностью словоупотребления [1].

В исследованиях психолингвистов, посвященных детской речи, говорится о том, что дети мыслят образами и стараются передать их в речи. На этом принципе построены оноματοпозитические ИС. Предполагается, что с помощью звуковой игры, на основании ассоциации и контекста, создается ментальная структура, которая соотносится со структурой, отвечающей за название персонажей, и одновременно с этим позволяет читателю судить о персонаже, представить его облик и характер.

В диссертационной работе А. В. Калашникова «Перевод значимых имен собственных» указано, что значимые имена собственные требуют подтверждения или опровержения в тексте. «У значимых имен собственных характеристический компонент значения реализуется в особом типе контекста, не является регулярным и часто образует отдельное понятие, не относящееся к основному реализуемому значению. Эту нерегулярную значимость можно вполне обозначить как потенциальную значимость. Превращаясь в контексте из потенциально значимых в значимые имена собственные, они становятся релевантными для передачи семантической структуры онимов в переводе» [6, с. 73].

Воспользовавшись выводами А. В. Калашникова, можно сказать, что оноματοпоэтические ИС – потенциально значимые имена собственные, которые требуют обоснования компонента значения при переводе. Можно также отметить, что оноματοпоэтические ИС тесно связаны с контекстом и являются уникальными именами, созданными исключительно для данного произведения. Если же, например, другой автор задумает создать произведение в жанре детской литературной сказки и воспользуется одним из таких ИС для называния своего персонажа, ему необходимо будет создать такое текстовое окружение, где выбор данного имени будет обоснован так же, как и у того автора, у которого было заимствовано имя.

Например, имя *Humpty-Dumpty* является хорошо известным в англоязычном мире персонажем детских стихотворений. В книге Л. Кэрролла «Шалтай-Болтай – философ и филолог, искушенный, в основном, в лингвистических тонкостях» [4, с. 67].

- Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.
- Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.
- Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай. – Вот в чем вопрос! [10, с. 175]

Поэтому в данной работе мы будем рассматривать оноματοпоэтические ИС не обособленно от текста, а включенными в контекст, позволяющий реализовать значение имени.

Humpty Dumpty was sitting with his legs crossed, like a Turk, on the top of a high wall – such a narrow one that Alice quite wondered how he could keep his balance [24, с. 111].

Шалтай-Болтай сидел, сложив по-турецки ноги, на стене, такой тонкой, что Алиса только диву далась, как это он не падает [10, с. 173].

При использовании в произведении оноματοпоэтических ИС автор должен заручиться пониманием читателя. Для этого он помещает имя в текстовое окружение, где можно посмотреть семантическую мотивированность, выбирает в качестве материала для создания имени понятные читателю звуки и образы.

Это могут быть звуки живой и неживой природы, а также слова, которые иллюстрируют состояние с помощью звукового материала. При включении оноματοпоэтики в ИС автор может взять сочетания звуков,

закрепленные в словаре, или предложить собственные. В обоих случаях при создании имени используется метафорический перенос.

Метафорический перенос предполагает замещение названия объекта звуком, связанным с этим объектом. Таким образом автор обращается к детской речи, воспроизводя ситуацию, когда ребенок называет объект звуковым сочетанием, иллюстрирующим определенные свойства этого объекта, или звуки, которые он издает.

Ономатопэтические ИС имеют ряд формальных и семантических особенностей, которые позволяют выделить данные единицы в отдельный класс лексики.

Ономатопэтические слова, по мнению Н. И. Конрада, «дают представление о чем-нибудь в виде живого образа, т. е. пополняют понятийное содержание речи образным» [8, с. 170].

Указанное свойство выражается в том, что имена, построенные на основании ономатопэтики, принимают дополнительные оттенки значений, возникающие при реализации противопоставлений различных категорий, таких, например, как звонкие и глухие согласные, закрытые и открытые звуки и т. п. [8, с. 57].

О том, как различные звуки и их сочетания влияют на смысловое восприятие слова, писал еще О. Есперсен (1860–1943). Звук [i] или подобные ему передают светлые чувства, приподнятое настроение, [u] выражает темные чувства. Так в английском языке слова *gleam*, *glimmer*, *glitter* выражают что-либо светлое, а *gloom* темное. Звук [i] также может означать что-либо маленькое и слабое как в английском *little* или во французском *petit*. Также и английский [gl] в слове *gleam* означает свет¹.

Now at the head of this college were two very wise Chinese philosophers by name Hum-Drum, and Kopy-Keck. Hum-Drum was a Materialist, and Kopy-Keck was a Spiritualist. The former was slow and sententious; the latter was quick and flighty: the latter had generally the first word; the former the last [29, с. 412].

В то время коллегия ученых возглавляли два мудрейших китайских философа по имени Бум-Бам и Кое-как. Бум-Бам смотрел на вещи реально, а Кое-как – возвышенно. Бум-Бам говорил медленно и веско, стараясь оставить за собой последнее слово, а Кое-как бегло сыпал словами и постоянно лез вперед [15, с. 94].

¹ Приводится по [23, с. 76].

Иными словами, структура оноματοпоэтических ИС предполагает звуковой символизм. Это закономерная, непроизвольная, фонетически мотивированная связь между фонемами слова и полагаемым в основу номинации незвуковым признаком денотата. Звукосимволические слова (идеофоны, образные слова) особенно часто обозначают различные виды движения, световые явления, форму, величину, удаленность объектов, свойства их поверхности, походку, мимику, физиологическое и эмоциональное состояние человека и животных.

Для выделения оноματοпоэтических ИС и последующего анализа нам необходимы формальные показатели, которые позволили бы вычленивать эту категорию имен среди ономастического пространства произведения. «Маркер оноματοпеи» – комплексное понятие, сформулированное исследователями в области оноματοпоэтики для устранения субъективизма при обнаружении слов данного класса.

Маркер оноματοпеи – понятие, которое включает в себя ряд формальных признаков, являющихся общими для класса оноματοпоэтических слов и выделяющих их среди другой изобразительной лексики.

Обычно оноματοпоэтической лексике присущи следующие признаки: чередования, редупликации, повторы.

Предполагается, что элементы маркера оноματοпеи присутствуют и в оноματοпоэтических ИС. Следует учесть, что перечисленные признаки могут присутствовать в разных вариантах сочетаний: от только одного признака в имени, до двух и более. Наличие хотя бы одного из признаков маркера оноματοпеи позволяет нам говорить об оноματοпоэтике в данном слове как о классифицирующем сегменте (см. табл. 1).

Данные имена представляют собой окказионализмы, в которых имеются чередования (*Hum-Drum*) или повторы (*Chuchundra Чучундра*).

Таблица 1

Маркер оноματοпеи	Пример
Повторы	Eyore-Eyore – Иа-Иа Chuchundra – Чучундра
Чередования	Hum-Drum – Бум-Бам Rikki-Tikki-Tavi – Рики-Тики-Тави Humpty-Dumpty – Шалтай-Болтай
Редупликации	Too-Too the owl – филин Гу-Гу Chee-Chee the monkey – обезьяна Чи-Чи

Компоненты этих имен сами по себе могут иметь словарное значение (*Eyore – Иа*), однако, входя в состав оноματοпозитического ИС, они утрачивают его в связи с окказиональным (авторским) употреблением этих компонентов в имени.

Таким образом, значение имени собственного вычленяется не за счет значения отдельных его компонентов (как в случае со значащими именами), а на основании звукового образа. Например, под именем *Иа-Иа* понимается не крик ослика, а сам ослик. В произведении А. Милна «Винни Пух и Все-Все-Все» используется онимизация при назывании персонажей (*кролик – Кролик*). Наряду с онимизацией автор применил метафорический перенос, называя вместо животного его крик.

Старый серый ослик *Иа-Иа* стоял один-одинешенек в заросшем чертополохом уголке Леса, широко расставив передние ноги и свесив голову набок, и думал о Серьезных Вещах. Иногда он грустно думал: «Почему?», а иногда: «По какой причине?», а иногда он думал даже так: «Какой же отсюда следует вывод?» И неудивительно, что порой он вообще переставал понимать, о чем же он, собственно, думает [16, с. 71].

Иногда оноματοпозитика в именах применяется шире и включается в наименование двух и более субъектов. В таких именах маркер оноματοпеи проявляется на уровне слов. Эти имена соответствуют двум героям, которые имеют схожие характеристики и выполняют одни и те же функции в произведении. Причем данные имена являются комплиментарными в произведении, когда герои дополняют друг друга, либо имена указывают на противоположные качества героев, рассматриваемых в комплексе. Следовательно, маркер оноματοпеи проявляется в этих именах только тогда, когда их рассматривают в паре. Например:

Таблица 2

<p><i>Woozle and Weezle</i> (“Winnie the Pooh and All, All, All” by A. Milne)</p>	<p>“Oh, Pooh! Do you think it's a – a – a <i>Woozle</i>?” “It may be,” said Pooh. “Sometimes it is, and sometimes it isn't. You never can tell with paw-marks.” “No,” said Pooh, “because it makes different marks. It is either Two <i>Woozles</i> and one, as it might be, <i>Wizzle</i>, or Two, as it might be, <i>Wizzles</i> and one, if so it is, <i>Woozle</i>. Let us continue to follow them” [30, с. 217].</p>
<p><i>Бука и Бяка</i> («Винни Пух и Все-Все-Все»; пер. Б. Заходера)</p>	<p>Ой, Пух! Ты думаешь... это... это... страшный <i>Бука</i>?! – Может быть, – сказал Пух. – Иногда как будто он, а иногда как будто и не он. По следам разве угадаешь? – Нет, не думаю, – сказал Пух, – потому что следы совсем другие... Это, может быть, два <i>Буки</i>, а один, скажем... скажем, <i>Бяка</i>... Или же, наоборот, два <i>Бяки</i>, а один, скажем... скажем, <i>Бука</i>... Надо идти за ними, ничего не поделаешь [16, с. 111].</p>

<p><i>Вузла и Визла</i> («Вини Пух и Все-Все-Все»; пер. В. Вебер, Н. Рейн)</p>	<p>– Неужели, Пух, ты думаешь, это... это... <i>Вузла?</i> – Возможно. Может да, а может, и нет. По одним только отпечаткам лап не скажешь. – Нет, – покачал головой Пух. – Следы другие. Получается, что у нас две <i>Вузлы</i> и один, скажем, <i>Визли</i>, или, вполне возможно, два, скажем, <i>Визли</i> и одна, соответственно, <i>Вузла</i>. Продолжим преследование [17, с. 164].</p>
--	--

Подводя итог, следует указать на то, что маркер оноματοпеи, который был предложен как специфический признак оноματοпоэтической лексики, также применим для выделения оноματοпоэтического сегмента в более узкой категории имен собственных.

Таблица 3

Маркер оноματοпеи	Одиночные ИС	Парные ИС
Повтор слогов	Humpty-Dumpty – Шалтай-Болтай	<u>Tweedledum</u> and <u>Tweedledee</u> – Труляля и Траляля
Чередование	Hum-Dum – Бум-Бам Rikki-Tikki-Tavi – Рики-Тики-Тави	Woozle and Wezzle – Визла и Вузла
Редупликация	Eyore-Eyore – Иа-Иа Too-Too the owl – филин Гу-Гу Chee-Chee the monkey – обезьяна Чи-Чи	<u>Tweedledum</u> and <u>Tweedledee</u>

Звукоподражательные оноματοпоэтические ИС предполагают подражания звукам живой и неживой природы: крики животных, гром, звуки музыкальных инструментов. Как уже говорилось выше, имя формируется на основании онимизации и метафорического переноса. Такие ИС могут быть основаны на звукоподражаниях, зафиксированных в словарях, или придуманы автором. В последнем случае они становятся авторской оноματοпоэтикой.

He [*Rikki-tikki-tavi*] could fluff up his tail till it looked like a bottle brush, and his war cry as he scuttled through the long grass was: “Rikk-tikk-tikki-tikki-tchk!” [25, с. 23]

И его [*Рики-тики-тави*] боевой клич, когда он мчался в высоких травах, был рикки-тикки-тикки-тикки-чк! [7, с. 8]

Зукообразные оноματοпоэтические ИС предполагают создание ассоциации, позволяющей дать представление о состоянии живой или

неживой природы: физических аспектах внешности, черт характера, физических свойствах называемого объекта. Эти ИС обычно придуманы автором и не зафиксированы в словарях.

And this, ladies and gents, is the famous Hurri-Gurri, from the forests of Patagonia. 'E'angs from the trees by 'is tail. Pass on to the next cage [26, с. 212].

А это, дамы и господа, знаменитый Хури-Гури из лесов Патагонии. Он умеет висеть вниз головой, цепляясь за ветки хвостом. Проходите к следующей клетке! [14, с. 314]

С. И. Влахов и С. П. Флорин в своей книге «Непереводимое в переводе» пишут, что оноματοпэтику обычно подразделяют на общепринятую и авторскую [3]. Общепринятой называется та группа общеупотребительных звукоподражаний, которые могут входить в словари. Авторская оноματοпэтика обычно создается писателями стихотворных произведений для сохранения ритма и формы стиха и воплощения богатого, многогранного образа. «Например, поэт хайку Агивара Сэйсэнсуй (萩原井泉水, 1884–1976) в “Фудзи тодзан” называет момент, когда с наступлением рассвета восточная часть неба краснеет, словом *kangari*. При этом он объясняет, что *kangari* – светлее, чем *honsori*, и не ярче, чем *kongari*» (У. Сусуму. Устные лекции по истории японского языка)¹.

В случае имен собственных общепринятая оноματοпэтика встречается только в тех именах, основу которых составляют подражания звукам живой и неживой природы.

По нашим подсчетам, среди оноματοпэтических ИС наибольшее количество занимают имена с авторской оноματοпэтикой. Такие слова по своим свойствам можно приравнять к авторским неологизмам.

Под авторскими неологизмами понимаются новые слова, «созданные отдельными писателями, публицистами, общественными деятелями с определенной стилистической целью» [22, с. 290].

В качестве примера можно привести созданный С. Прокофьевой образ музыканта *Игу-Нагу-Туги*, имя которого имитирует игру музыкальных инструментов при создании джазовой музыки. В английском языке – созданный, например, Хью Лофтингом, образ рыбки *Wiff-Waff*.

Авторские неологизмы являются серьезной проблемой неологии. Писателям принадлежит большая доля в словотворчестве, нахождении

¹ Приводится по: [23, с. 117].

новых языковых форм для выражения человеческой мысли, «авторские», индивидуальные неологизмы, как отмечает Я. И. Рецкер, в словари практически не попадают [20, с. 71]. В таком случае приходится говорить о контекстуальном значении слова, раскрытие которого часто подчинено определенным логико-семантическим закономерностям. Это отчасти объясняет тесную связь оноματοпоэтических ИС с контекстом.

Как отмечают многие исследователи, основная функция оноματοпеи экспрессивная. Оноματοпоэтические слова не только изображают звуки, свойственные предметам, либо состояние предметов, но и выражают отношение, позволяют судить об изображенных предметах или явлениях. При этом важную роль играет передача чувств, эмоций и ощущений непосредственным образом. Это свойство, возможно, отражает причину включения оноματοпоэтических единиц в состав имени собственного.

Оноματοпоэтические имена собственные несут иную функцию, нежели оноματοпоэтические имена нарицательные. Если задача оноματοпоэтических имен нарицательных – усиление эмоционально-прагматического признака, то в оноματοпоэтических ИС эта функция либо не присутствует, либо сведена к минимуму. В данном случае на основе звуковой игры формулируется некий образ, который служит основой оноματοпоэтическому ИС.

That's a Wiff-Waff. Its full name is Hippocampus Pippitopitus. But the natives just call it a Wiff-Waff – on account of the way it waves its tail, swimming, I imagine [28, с. 198].

– Редкий морской конек, – сказал доктор, поворачиваясь ко мне и поднимая в воздух палец. – В науке он зовется гиппокампус пиппитопитус, но местные жители зовут его Вифф-Вафф, потому что он очень забавно виляет хвостиком [13, с. 239].

Оноματοпоэтические ИС выполняют в детской литературной сказке волшебную функцию. С помощью таких имен автор проводит грань между волшебством и реальностью, рассказывает о таких существах, которых его маленький читатель никогда не видел.

Оноματοпоэтические ИС можно назвать именами с размытым (скрытым) денотатом. Эта особенность позволяет каждому домыслить недостающий денотат и наполнить форму ИС своим содержанием. Данное свойство можно считать одним из проявления волшебства детской литературной сказки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арзамасцева И. Н., Николаева С. А.* Детская литература. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательский центр «Академия», 2005. – 576 с.
2. Большая советская энциклопедия. – М. : Эксмо, 2008. – 2944 с.
3. *Влахос С. И., Флорин С. П.* Непереваемое в переводе. – М. : Международные отношения, 1980. – 176 с.
4. *Демурова Н. М.* О переводе сказок Кэрролла. – М. : Наука, 1991. – 79 с.
5. *Есперсен О.* Философия грамматики : пер. с англ. – М. : Изд-во иностр. литературы, 1958. – 404 с.
6. *Калашников А. В.* Перевод значимых имен : дис. ... канд. филол. наук. – М. : МГЛУ, 2004. – 251 с.
7. *Киплинг Р.* Рики-тики-тави / пер. с англ. К. Чуковского. – М. : Росмэн-Пресс, 2012. – С. 3–36.
8. *Конрад Н. И.* Синтаксис японского национального литературного языка, – М. : Изд. Товарищество иностранных рабочих СССР, 1937. – 380 с.
9. *Кэрролл Л.* Алиса в стране чудес / пер. Б. Заходера. – М. : Махаон, 2014. – 160 с.
10. *Кэрролл Л.* Сквозь зеркало и что там увидела Алиса или Алиса в Зазеркалье / пер. с англ. Н. М. Демуровой. – М. : Рипол-Классик, 2013. – 232 с.
11. *Кэрролл Л.* Сквозь зеркало и что там увидела Алиса или Алиса в Зазеркалье / пер. с англ. Л. Л. Яхнина. – М. : Эксмо, 2014. – 315 с.
12. *Лофтинг Х.* История доктора Дулиттла / пер с англ. М. Дубровской, Т. Ждановой. – 1994. – 434 с.
13. *Лофтинг Х.* Путешествие доктора Дулиттла / пер. с англ Б. Давыдовой, В. Нижника. – М. : Олимп, 1992. – 436 с.
14. *Лофтинг Х.* Цирк доктора Дулиттла / пер. с англ. А. В. Шлыковой. – М. : Рудомино, 1993 – 459 с.
15. *МакДональд Дж.* Невесомая принцесса // Сказки / пер. с англ. С. Калининой, Н. Траунберг. – М. : Триада, 2000. – 206 с.
16. *Милн А. А.* Винни Пух и Все-Все-Все / пер. с англ. Б. В. Заходера. – М. : АСТ, 2012. – 320 с.
17. *Милн А. А.* Винни-Пух. Дом на Пуховой Опушке // Сказки / пер. с англ. Н. Рейн, В. А. Вебера. – М. : Терра-Книжный клуб, 2001. – 272 с.
18. *Рецкер Я. И.* Теория перевода и переводческая практика. – М. : Р. Валент, 2006. – 240 с.
19. *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М. : Просвещение, 1976. – 543 с.
20. *Румак Н. Г., Зотова О. П.* Толковый японско-русский словарь ономато-поэтических слов – М. : Моногатари Издательство ООО, 2012. – 493 с.
21. *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. – М. : Наука, 1973. – 367 с.

22. *Фомина М. И.* Современный русский язык. – М. : Высшая школа, 1990. – 415 с.
23. *Чиронов С. В.* Ономатопозитические слова в современном японском языке (Проблемы функционирования) : дис. ... канд. филол. наук. – М. : МГУ, Институт стран Азии и Африки, 2004. – 221 с.
24. *Carroll L.* Through the Looking-Glass, and What Alice Found There. – Evertype, 2009. – 162 p.
25. *Kipling R.* Rikki-tikki-tavi. – Morrow Junior Books, 1997. – 48 p.
26. *Lofing H. J.* Doctor Dolittle's Circus. – Bottom of the Hill Publishing, 2012. – 228 p.
27. *Lofing H. J.* The Story of Doctor Dolittle. – Yearling Books ; Reprint edition, 1988. – 176 p.
28. *Lofing H. J.* The Voyages of Doctor Dolittle. – Yearling, 1988. – 336 p.
29. *McDonald G.* The George MacDonald Treasury: Princess and the Goblin, Princess and Curdie, Light Princess, Phantastes, Giant's Heart, at the Back of the North Wind, Golden Key, and Lilith. – Kahley House Publishing, 2007. – 668 p.
30. *Milne A. A.* The World of Winnie-the-Pooh, Poems. – М. : Радуга, 1983. – 448 с.

Раздел III

СЕМАНТИКА ПРОСОДИИ И НЕВЕРБАЛИКИ

УДК 81'34

Н. Б. Цибуля

кандидат филологических наук,
профессор кафедры фонетики английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: cybnb@mail.ru

ДИНАМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ЖЕСТОВ И ПРОСОДИИ (на материале британского и американского вариантов английского языка)

Статья выполнена в рамках исследований речезестовых единиц. Целью статьи является анализ функций жестов-иллюстраторов, динамики жеста и просодии, их соотношения со значениями слов. Автор делает вывод о том, что с помощью жестов-иллюстраторов говорящий моделирует окружающее его пространство. В работе выявлена корреляция между значениями слов, динамикой жестов и динамикой просодических характеристик.

Ключевые слова: динамический аспект; жесты-иллюстраторы; просодия; функции иллюстраторов; моделирование пространства.

N. B. Tsibulya

Ph.D., Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: cybnb@mail.ru

DYNAMIC ASPECT OF GESTURES AND PROSODY

The article is written within the framework of speech-gesture studies. The aim of the research is the analysis of functions of gestures-illustrators; gesture and prosody dynamics and their relation to the meaning of words. The author draws a conclusion that with the help of gestures-illustrators speakers model the space around them. The research reveals correlation between meanings of words, dynamics of gesture and prosody.

Key words: dynamic aspect; gestures-illustrators; prosody; functions of illustrators; modeling of space.

Наиболее распространенной классификацией жестов является классификация, разработанная американскими учеными П. Экманом

и У. Фризенем, которая включает такие типы жестов, как эмблемы, иллюстраторы, регуляторы, аффективы и адапторы [3; 4].

В данной работе подробно анализируются жесты-иллюстраторы. Целью настоящей статьи является:

- 1) рассмотрение функций данной группы кинем;
- 2) исследование соотношения между динамикой жеста и динамикой просодии;
- 3) анализ соответствия между пространственными характеристиками жестов и значениями слов, которые они сопровождают.

Материалом исследования являются британские и американские художественные фильмы, а также видеозаписи спонтанной речи Лондонского университета.

Эмблемы представляют собой жесты-клише, которые всеми узнаваемы, например жест О. К. или жест V – символ победы и многие другие кинемы. Однако важно помнить, что жесты-клише имеют определенный смысл в одних культурах и могут означать совсем иное в других культурах или вообще не являются жестами-клише в третьих культурах. Так, например, жест О. К. в англоговорящих странах, особенно в США, означает согласие или «всё в порядке». В странах Латинской Америки, Скандинавии, во Франции или в Японии он ассоциируется с другими значениями. Эмблемы, являясь самостоятельными кинемами, часто употребляются вне речи, а также могут сопровождать речь.

По нашим наблюдениям, эмблемы более характерны для общения молодежи, для разговорной нейтральной или стилистически сниженной речи. Они часто используются в перерывах между фонацией, т. е. в паузах.

Иллюстраторы – это жесты, с помощью которых говорящий иллюстрирует то, о чем он рассказывает. Иллюстраторы являются своеобразным наглядным средством, которое дополняет смысл высказывания, делает его более ярким.

Регуляторы, согласно рассматриваемой классификации, не имеют самостоятельного значения. К ним относятся движения руками, тела, изменения позы, кивки головой, визуальный контакт и др. Они, прежде всего, регулируют очередность высказываний собеседников (taking turns).

По нашим наблюдениям, регуляторы наряду с просодическими средствами определенным образом структурируют поток речи,

например помогают делить его на синтагмы. Они часто предшествуют паузе или совпадают с ней. На наш взгляд, к регуляторам можно отнести так называемые «акцентирующие жесты», подчеркивающие самое важное слово или ритм высказывания. В этом случае они тесным образом коррелируют с просодией. При выделении важного слова происходят расширение мелодического диапазона, усиление громкости, замедление темпа. Микрожесты, характеризующиеся небольшой амплитудой, сопадают с фразовыми ударениями и подчеркивают ритм.

Аффективы демонстрируют эмоции говорящего, т. е. являются непосредственным проявлением его психологического состояния. К ним относятся различные жесты и телодвижения, характерные для выражения грусти, удивления, страха, гнева, отвращения или радости. В речевом общении аффективы очень четко и ярко коррелируют с просодическими моделями, с определенными шкалами и тонами, диапазонами, высотой голоса, темпоральными и тембральными характеристиками [2].

Адапторы – жесты и движения, которые направлены на самого говорящего. Он, например, приглаживает волосы, поправляет галстук, прихорашивается, стряхивает с себя пылинки и т. д. Однако следует отличать адапторы от похожих ситуативных действий.

Рассмотрим это различие более подробно. Если человек приглаживает волосы, поправляет галстук, прихорашивается и т. д. вне общения, то это обычные ситуативные действия, являющиеся результатом жизнедеятельности человека или направленные на осуществление этой жизнедеятельности.

Если эти жесты и движения используются в процессе речи, то они становятся адапторами и нередко являются завуалированными аффективами, указывающими на эмоциональное состояние говорящего. Так, например, если костюм и прическа в порядке, но говорящий, однако, поправляет галстук или прическу, то эти действия могут сигнализировать о некоторой степени напряженности или неуверенности коммуниканта. Беспокойство и колебание обычно проявляются и на просодическом уровне. Соответственно в этом случае адапторы коррелируют с определенными просодическими контурами, характерными для манифестации тех или иных эмоций и их оттенков.

Обратимся к более подробному анализу жестов, которые называются иллюстраторами. Эта группа жестов наглядно демонстрирует

смысл фразы, нередко дублирует его. На первый взгляд, иллюстраторы являются избыточными, так как значение сказанного понятно на вербальном уровне. Однако с помощью иллюстраторов говорящий зрительно подчеркивает и усиливает смысл высказывания, делает его более ярким и доходчивым.

Проведенный нами анализ иллюстраторов на материале британских и американских художественных фильмов, а также на материале видеозаписей Лондонского университета, выявляет определенные функции данных жестов.

С помощью иллюстраторов говорящий моделирует пространство вокруг себя, очерчивает его границы, расширяя или сужая его. При этом моделирование пространства может происходить не только с помощью жестов рук, но также с помощью движений тела, визуального поведения и других невербальных единиц.

Иллюстраторы моделируют не только пространство, но и формы предметов, как простые – круглые, квадратные, овальные, так и более сложные – фигуры людей, предметы одежды, аксессуары и т. д.

Иллюстраторы могут моделировать размеры предметов: их длину, ширину, высоту, объем и т. д.

К более сложным функциям иллюстраторов можно отнести моделирование действий. При этом моделируются не только конкретные действия, но также действия, описываемые с помощью метафор.

Проведенный нами анализ показывает, что к сложным функциям иллюстраторов относится моделирование контраста, противопоставления, сравнения и др.

Рассмотрим конкретные примеры на материале двух произносительных вариантов английского языка – американского General American (GA) и британского Received Pronunciation (RP).

GA

At the Grand Canyon – we were standing *on the highest ledge*, watching the sunset.

Произнося *on the highest ledge*, Джо показывает, какое это было пространство. В данном примере говорящий, воспроизводя ситуацию в прошлом, жестом руки моделирует огромное пространство в горах. При этом наблюдается определенная корреляция с мелодикой – расширение мелодического диапазона.

RP

Those beams *create a circle* around the Venus.

При произнесении слов *create a* говорящий изображает руками форму полукруга. Слово *circle* сопровождается движением рук вперед по кругу. Жест имеет изобразительное значение и указывает на замкнутость пространства вокруг статуи Венеры, создаваемое инфракрасными лучами в целях охраны данного произведения искусства.

Фраза характеризуется четким ритмом, расширенным диапазоном и замедленным темпом.

GA

I buy me *a brand new negligee*, I buy him *a great big pizza pie* – and where were you?

Произнося слова *a brand new negligee*, Нелли демонстрирует руками форму своего декольте, при этом красуется и откидывает назад голову. Что касается просодии, то данные слова характеризуются расширением мелодического диапазона.

Слова *a great big pizza pie* сопровождаются жестами, указывающими на качество и размеры предмета. Иллюстраторы, используемые героиней, с одной стороны, расширяют пространство, а с другой стороны, показывают форму и размеры пиццы. Расширение пространства на невербальном уровне сопровождается расширением диапазона на просодическом уровне.

Как было сказано выше, иллюстраторы могут выполнять более сложные функции, а именно – моделировать действия, реальные или предсказуемые, действия, которые могут произойти. Рассмотрим конкретные примеры.

RP

Anything that *breaks* the circle – *instant alarm*.

Произнося слово *breaks*, герой делает резкое движение рукой в сторону.

Значение глагола *to break* в данном контексте – совершить неожиданное или резкое действие, приводящее к повреждению [1]. Таким образом, говорящий посредством иллюстратора наглядно моделирует данное значение глагола *to break*. Что касается просодии, то слово *breaks* произносится с высоким нисходящим тоном, выражающим завершенность, категоричность.

Перед словами *instant alarm* говорящий выдерживает паузу, затем следует жест-щелчок пальцами – иллюстратор, моделирующий мгновенное включение сигнализации. Быстрое движение пальцев в этом жесте, а также звуковое сопровождение жеста – щелчок имитируют моментальность действия.

Слова *instant alarm* характеризуются нисходящим движением голосового тона, выражающим уверенность и информированность говорящего, а также предсказуемость ситуации.

Вышеприведенные примеры демонстрируют, как жесты-иллюстраторы моделируют конкретные пространства, формы и размеры предметов, а также конкретные действия.

Проведенный нами анализ показывает, что иллюстраторы могут моделировать не только реальные, конкретные действия, но и действия, которые описываются с помощью метафор.

Рассмотрим следующий пример.

RP

The entire myth of the Bonnet collection *explodes* ... *boom*.

Обратимся к значению глагола *to explode* – взрываться; взлетать на воздух при взрыве; производить внезапные и сильные разрушения с разбрасыванием осколков, сопровождаемые сильным звуком, и т. п. [1]. На фотографиях и в изобразительном искусстве взрыв обычно имеет вид воронки со значительным расширением вверх.

Проанализируем невербальное сопровождение слова *explodes*, используемое говорящим. Руки совершают движение вверх, моделируют расширение пространства вверх. Слово *boom* является звукоподражанием, которое используется для имитации звука, сопровождающего взрыв.

Таким образом, хотя говорящий рассуждает о том, что «взрывается миф о коллекции Боннэ», он с помощью иллюстратора изображает динамику реального взрыва.

Просодическое оформление фразы коррелирует как с ее значением, так и с невербальным сопровождением. Восходящий тон широкого диапазона соотносится с движением рук вверх.

Перейдем к рассмотрению примеров, в которых с помощью иллюстраторов говорящий моделирует такие абстрактные понятия, как контраст, противопоставление, сравнение и др.

При сравнении или противопоставлении меняется плоскость пространства, в котором выполняется жест. Она может изменяться слева направо, сверху вниз и т. д. Эти действия часто сопровождаются выражениями *on the one hand, on the other hand*.

RP

On the one hand, he was a handsome man. *On the other hand*, he was a brute.

Проанализируем еще один пример.

RP

I don't sell them *to poor people*, *I sell them to millionaires*.

В данной ситуации противопоставляются две категории людей – бедные и миллионеры.

При произнесении слов *to poor people* говорящий держит руки внизу. Громкость голоса при этом понижена, т. е. положение рук внизу соотносится с пониженной громкостью.

При произнесении фразы *I sell them to millionaires* Боннэ поднимает руку вверх. Меняется не только плоскость исполнения жеста, но также и уровень, на который поднимается рука. Данная фраза характеризуется усилением громкости и расширением мелодического диапазона, говорящий использует постепенную восходящую шкалу. Таким образом, невербальный компонент четко коррелирует с изменением просодии.

Значения таких слов, как *great* или *tremendous* также часто подчеркиваются в речи иллюстраторами.

RP

They have *great* paintings like this one.

При произнесении слова *great*, имеющего значение «великий», говорящий делает жест рукой, расширяя пространство вокруг себя, открывая его. Слово *great* при этом характеризуется более высоким мелодическим уровнем.

В аналогичном примере используется словосочетание *a tremendous success* («огромный успех»).

Our Cellini Venus was a *tremendous* success.

Рука говорящего расширяет пространство, открывает его. На просодическом уровне наблюдается расширение мелодического диапазона.

Следовательно, слова *great* или *tremendous* ассоциируются у говорящих с большим пространством, с его расширением, что наглядно демонстрируется жестами-иллюстраторами, коррелирующими с просодическими характеристиками.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. С помощью жестов-иллюстраторов говорящий моделирует пространство вокруг себя, формы и размеры предметов и людей.
2. К более сложным функциям иллюстраторов относится моделирование действий, а также абстрактных понятий.
3. Существует корреляция между значением слов, динамикой жестов и динамикой просодических характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Большой англо-русский словарь : в 2 т. / под ред. И. Р. Гальперина. – М. : Советская энциклопедия, 1972. – Т. 1. – 822 с.
2. Корлыханова Е. Л. Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 178 с.
3. Ekman P., Friesen W. V. The Repertoire of Nonverbal Behavior: Categories, Origins, Usage, and Coding // *Semiotica*. – The Hague, 1969. – No 1. – P. 49–98.
4. Ekman P. Emotional and Conversational Nonverbal Signals // *Language, Knowledge, and Representation // Philosophical Studies Series*. – 2004. – Vol. 99. – P. 39–50.

УДК 81'34

Е. С. Кудинова

аспирант кафедры фонетики английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: kudinova@yandex.ru

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ НЕВЕРБАЛИКИ И ПРОСОДИИ

Статья выполнена в русле исследований совместного функционирования просодии и невербальных единиц в процессе речевой коммуникации. Целью работы является анализ просодических и невербальных характеристик речи в британских художественных фильмах двух жанров – антиутопии и комедии. Автором выявлены изменения в невербально-просодическом поведении актеров на трех временных срезах, охватывающих период с конца 40-х гг. XX в. до начала XXI в. Экспериментально-фонетическое исследование включает анализ различных акустических параметров с использованием новейших компьютерных технологий. В работе используются аудиовизуальный, аудиторский, визуальный, электронно-акустический и сопоставительный методы анализа. В исследовании делается вывод о возрастающей роли невербального компонента коммуникации во втором и в третьем временных срезах.

Ключевые слова: просодия; ЧОТ; интенсивность; длительность; репрезентативные фразы; диахрония; синхрония; временные срезы; невербальная коммуникация; антиутопия; комедия; кинематограф.

E. S. Kudinova

Post-graduate student, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: kudinova@yandex.ru

DYNAMICS OF GESTURE AND PROSODY

The study explores the interrelationship between prosody and nonverbal behaviour in human communication. The paper aims to analyse the actors' speech prosodic features and nonverbal cues in the films of two genres – dystopia and comedy. The essay examines how the actors' prosodic parameters and nonverbal elements change at three diachronic time slices from the late 1940s to the early 2000s. The experimental phonetic study investigates various acoustic properties using latest computer technologies. The author concludes that nonverbal communication serves a prominent role in the second and third diachronic time slices.

Key words: prosody; nonverbal communication; synchronic and diachronic analyses, fundamental frequency; intensity; duration; representative phrases; dystopia; comedy; cinematography.

К настоящему времени накоплен обширный материал в области невербального поведения. Установлено, что процессы вербальной и невербальной деятельности действуют согласованно и целенаправленно

в процессе коммуникации, создавая единое целое, на котором строится вся система человеческого общения [6; 7; 9–12].

В немногочисленных исследованиях, посвященных речестовому функционированию, характер взаимодействия просодии и невербальных характеристик речи изучается исключительно в синхронном плане. В данной работе предпринимается попытка проанализировать соотношение просодии и невербальных единиц не только в синхронном, но и в диахронном аспекте.

Наше экспериментально-фонетическое исследование состоит из следующих этапов:

1. отбор и лингвистический анализ экспериментального материала;
2. аудиовизуальный анализ всего исследуемого экспериментального материала;
3. проведение комплексного перцептивного анализа, включающего:
 - 3.1. аудиторский анализ;
 - 3.2. визуальный анализ;
 - 3.3. электроакустический анализ;
4. соотнесение результатов аудиовизуального, аудиторского, визуального, и электроакустического видов анализа.

Материалом исследования являются оригинальные британские художественные фильмы следующих трех временных срезов:

- 1) конец 40-х – начало 50-х гг. XX в.;
- 2) конец 60-х гг. – середина 80-х гг. XX в.;
- 3) конец XX в. – начало XXI в.

Анализируемые художественные фильмы относятся к двум разным жанрам кино – антиутопии и комедии.

Кинематограф исследует актуальные проблемы, волнующие современный мир. Например, **антиутопии** вызывают интерес потому, что вопросы, которые они поднимают, соотносятся с реальными историческими и современными событиями. Авторы этого жанра описывают тоталитарные режимы, подавление свободы личности, разрушительные войны, последствия экологических бедствий [2; 4; 5]. Антиутопия становится особенно востребованным жанром в периоды кризиса развития общества.

Жанр антиутопии в нашем материале представлен фильмами:

- 1) экранизация романа Дж. Оруэлла «1984», вышедшая в свет в 1954 г. (режиссер Р. Картье) и ее римейк 1984 г. выпуска (режиссер М. Рэдфорд);

- 2) фильм «Страна слепых», вышедший на экраны в 2006 г. (режиссер Р. Эдвардс).

Также для анализа просодических и невербальных характеристик речи были выбраны шесть комедий, снятых по пьесам О. Уайльда:

- 1) экранизация комедии «Как важно быть серьезным» 1952 г. (режиссер Э. Эсквит) и ее римейки 1986 г. (режиссер С. Бердж) и 2001 г. выпуска (режиссер О. Паркер);
- 2) экранизация комедии «Идеальный муж» 1947 г. (режиссер А. Корда) и ее римейки, вышедшие в свет в 1969 г. (режиссер Р. Картье) и в 1999 г. (режиссер О. Паркер).

Основной задачей **комедии** является постижение действительности посредством обличительного смеха как формы выражения общественной критики. Подобно тому, как существуют предпосылки, вызывающие интерес социума к антиутопиям, повышению значения комедии способствует как специфика общественно-политической организации общества, так и стадия его исторического развития [1; 3; 8].

Отбор материала исследования для аудиовизуального, аудиторского, визуального и электроакустического видов анализа осуществлялся с учетом следующих критериев: в исследуемых фильмах отбиралось относительно равное количество фраз, идентичных или близких по семантике. Проводилась выборка фраз как нейтральных, так и эмоционально окрашенных, нейтральных по стилистике и однородных по длительности.

Широкий корпус исследования, который составил 14 часов 43 минуты, был подвергнут аудиовизуальному анализу.

В результате **аудиовизуального анализа** фильмов-антиутопий были отобраны 293 репрезентативные фразы общей продолжительностью 9 мин. В комедиях количество репрезентативных фраз составило 420 суммарной продолжительностью 15 мин. Общее время звучания репрезентативных фраз составило примерно 24 мин.

Цель аудиовизуального анализа заключалась в том, чтобы установить соотношение невербального поведения действующих лиц и речевых отрезков на разных временных срезах.

Исходя из специфики произведений кино, при проведении аудиовизуального анализа учитывались особенности структуры анализируемых фильмов. В результате аудиовизуального исследования материала были выявлены следующие составляющие: 1) речевые отрезки; 2) невербальные отрезки; 3) закадровая речь; 4) титры.

1) Речь всегда сопровождается жестикуюляцией, мимикой, миремическими кинемами¹, телодвижениями и сменами поз, которые могут усиливать смысл высказывания, дополнять или дублировать его. Поэтому в данном исследовании под *речевыми отрезками* (РО) мы имеем в виду речевые отрезки, сопровождающиеся жестами, мимикой, телодвижениями, сменой поз и т. д.

2) Под *невербальными отрезками* (НО) мы подразумеваем отрезки фильма без речевого сопровождения. Они включают в себя ситуативные действия, характеризующиеся разнообразными жестами, мимическими и миремическими кинемами, телодвижениями, сменой поз и т. д.

3) Под *закадровой речью* мы понимаем речь, звучащую вне кадра, когда зритель не видит источника звука.

4) *Титры* – это графические средства фильма, включающие в себя надписи, их шрифт, размер, цвет и пунктуацию, сообщающие зрителю определенную информацию о фильме.

Результаты аудиовизуального анализа фильмов показали, что в каждом последующем временном срезе меняется *соотношение суммарной длительности речевых и невербальных отрезков*. Данные аудиовизуального анализа представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Суммарная длительность речевых и невербальных отрезков
в антиутопиях и в комедиях в трех временных срезах, в %**

Жанр	1-й срез		2-й срез		3-й срез	
	РО	НО	РО	НО	РО	НО
Антиутопии	51	40	19	62	37	46
Комедии	64	34	69	29	43	48

Первый временной срез выявил следующие особенности соотношения речевых и невербальных отрезков:

- а) в антиутопиях продолжительность речевых отрезков доминирует над невербальными;

¹ Под термином «кинема» мы подразумеваем коммуникативно значимые невербальные средства, такие как жесты, выражения лица, телодвижения, смены поз и т. д. Под миремическими кинемами мы имеем в виду направление взгляда и выражение глаз.

- б) в комедиях длительность речевых отрезков *значительно* превышает длительность невербальных отрезков.

Второй временной срез продемонстрировал следующие особенности соотношения речевых и невербальных отрезков:

- а) в антиутопиях продолжительность невербальных отрезков существенно превышает длительность речевых;
б) в комедиях продолжительность речевых отрезков доминирует над невербальными.

Третий временной срез выявил следующие особенности соотношения речевых и невербальных отрезков: хотя сокращается различие в суммарной длительности между речевыми отрезками и невербальными отрезками, длительность последних превалирует над длительностью речевых отрезков.

Следующим этапом исследования был *аудиторский анализ*, который заключался в неоднократном прослушивании отобранных репрезентативных фраз с целью адекватной разметки просодии.

Анализ мелодико-акцентных особенностей репрезентативных фраз в антиутопиях и в комедиях выявил следующее:

- а) в антиутопиях и в комедиях *самой* высокой частотностью реализации отличается нисходящий тон во всех временных срезах;
б) общим для антиутопий и комедий в первом и во втором временных срезах является доминирование скользящей и постепенно нисходящей ступенчатой шкал; в третьем временном срезе – превалирование скользящей и высокой ровной шкал.

В ходе проведения авторского *визуального анализа* ставилась задача установить характер взаимодействия просодии и невербальных средств в исследуемых репрезентативных фразах.

В результате визуального анализа особенностей невербального поведения актеров в антиутопиях и в комедиях было установлено, что общее количество используемых киноактерами кинем в речевых отрезках коррелирует с длительностью невербальных отрезков в исследуемых временных срезах, а именно: *с увеличением общей продолжительности невербальных отрезков сокращается общее число кинем в речевых отрезках*.

В антиутопиях с увеличением суммарной длительности невербальных отрезков во втором временном срезе снижается общее количество кинем в речевых отрезках, а в третьем временном срезе с уменьшением

суммарной длительности невербальных отрезков общее количество кинем в речевых отрезках увеличивается.

В комедиях с уменьшением суммарной длительности невербальных отрезков во втором временном срезе общее количество кинем, реализуемых в речевых отрезках, повышается, а в третьем временном срезе с увеличением суммарной длительности невербальных отрезков общее число кинем в речевых отрезках снижается.

Следующим этапом является проведение *электроакустического анализа* для выявления значений частоты основного тона и интенсивности звукового сигнала, а также темпоральных характеристик речи дикторов.

В процессе электроакустического анализа использовались следующие лицензионные программы:

- программа «Free Studio» (версия 5.0) для редактирования видеофайлов анализируемых фильмов и извлечения звуковой дорожки из видеофайлов;
- программа «Switch Sound File Converter» (версия 4.2.6) для конвертации аудиофайлов в формат *.wav;
- программа для анализа речи «Praat» (версия 5.2.17) для выявления акустических параметров речи.

Анализ частотных характеристик речи действующих лиц в антиутопиях и в комедиях показал, что *существует компенсаторная взаимозависимость между общей продолжительностью невербальных отрезков и средними показателями ЧОТ в речевых отрезках.*

Во втором временном срезе, в сравнении с первым выявлено:

- а) в антиутопиях с увеличением общей продолжительности невербальных отрезков и с уменьшением суммарной длительности речевых отрезков средние значения ЧОТ в речевых отрезках также уменьшаются;
- б) в комедиях с уменьшением суммарного времени невербальных отрезков и с увеличением общей длительности речевых отрезков средние показатели ЧОТ в речевых отрезках также увеличиваются.

В третьем временном срезе, хотя сокращается различие в суммарной длительности между речевыми отрезками и невербальными отрезками, длительность невербальных отрезков превалирует над длительностью речевых отрезков и средние значения ЧОТ в речевых отрезках понижаются по сравнению со вторым временным срезом.

Сводные данные аудиовизуального, визуального и электроакустического видов анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2

Соотношение суммарной длительности невербальных отрезков, суммарной длительности речевых отрезков, общего числа кинем в речевых отрезках и средних значений ЧОТ в речевых отрезках в антиутопиях и в комедиях в трех временных срезах

Жанр	№ среза	Сум. длит. НО, в %	Сум. длит. РО, в %	Общее число кинем в РО	ЧОТ сред., в Гц
Антиутопия	1	40	51	560	183
	2	62	19	482	141
	3	46	37	837	135
Комедия	1	34	64	771	196,5
	2	29	69	1034	229
	3	48	43	814	183,5

Анализ темпоральных характеристик речи актеров в антиутопиях и в комедиях выявил наличие компенсаторной взаимозависимости между темпоральными характеристиками речи в речевых отрезках и продолжительностью невербальных отрезков, а именно: *чем больше продолжительность невербальных отрезков, тем быстрее темп в речевых отрезках:*

а) в антиутопиях во втором временном срезе с увеличением суммарной длительности невербальных отрезков темп в речевых отрезках ускоряется. В третьем временном срезе с сокращением общей продолжительности невербальных отрезков темп в речевых отрезках замедляется;

б) в комедиях во втором временном срезе с уменьшением суммарной длительности невербальных отрезков темп в речевых отрезках замедляется. В третьем временном срезе с увеличением общей продолжительности невербальных отрезков темп в речевых отрезках ускоряется.

Что касается частотности употребления пауз в исследуемом материале, фильмы-антиутопии и комедии продемонстрировали схожую тенденцию: в антиутопиях и в комедиях преобладают психологические и сверхкраткие паузы.

В результате анализа продолжительности внутренних пауз в антиутопиях и в комедиях установлено:

а) в антиутопиях во втором временном срезе общее время внутренних пауз уменьшается, что вполне закономерно, так как продолжительность речевых отрезков сокращается. В третьем временном срезе суммарная длительность речевых отрезков увеличивается, что приводит к увеличению суммарной продолжительности внутренних пауз;

б) в комедиях во втором временном срезе с увеличением времени речи повышается суммарная продолжительность внутренних пауз. В третьем временном срезе с сокращением суммарной длительности речевых отрезков уменьшается объем внутренних пауз.

Сравнительный анализ продолжительности внутренних пауз в антиутопиях и в комедиях показал: *время внутренних пауз в речи всех дикторов уменьшается с сокращением суммарной длительности речевых отрезков, и наоборот, время внутренних пауз в речи всех дикторов увеличивается с увеличением суммарной длительности речевых отрезков.*

Результаты экспериментально-фонетического исследования позволяют сделать следующие выводы.

1. В анализируемых фильмах-антиутопиях и в комедиях в каждом последующем временном срезе меняется соотношение вербального и невербального каналов.

2. В исследуемом материале выявлена компенсаторная взаимозависимость между общей продолжительностью невербальных отрезков, с одной стороны, и изменением невербальных и просодических характеристик в речевых отрезках, с другой стороны.

Таким образом, с увеличением общей продолжительности невербальных отрезков в речевых отрезках сокращается общее число кинем, реализуемых действующими лицами; понижаются средние показатели ЧОТ; темп речи убыстряется.

Итак, сопоставление результатов аудиовизуального, аудиторского, визуального и электроакустического видов анализа позволяет сделать следующий вывод: за более, чем пятидесятилетний период времени существенно изменились особенности просодического и невербального поведения актеров игрового кино, а также отношение режиссеров к способам управления зрителем.

Оказывая воздействие на зрителя, кино представляет собой, с одной стороны, синтез визуальных и аудиальных элементов, а с другой – их противостояние. С повышением роли невербальной коммуникации

уменьшается удельный вес речи, что подтверждает выводы режиссеров о том, что невербальный канал является более существенным способом воздействия на зрителя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бергсон А.* Смех. – М. : Искусство, 1992. – 127 с.
2. *Борисенко Ю. А.* Риторика власти и поэтика любви в романах-антиутопиях первой половины XX века : дис. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2004. – 190 с.
3. *Выготский Л. С.* Психология искусства. – М. : Лабиринт, 2008. – 352 с.
4. *Козьмина Е. Ю.* Поэтика романа-антиутопии (на материале русской литературы XX века) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 222 с.
5. *Комлева Н. Л.* Антиутопическая традиция в американской прозе 1980-х гг.: романы «Берег москитов» и «О-Зона» П. Теру : дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2007. – 207 с.
6. *Потапова Р. К., Потапов В. В.* Язык, речь, личность. – М. : Языки славянской культуры, 2006. – 496 с.
7. *Сухова Н. В.* Взаимодействие просодии и невербальных средств в монологической речи (на материале английских документальных фильмов) : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2004. – 145 с.
8. *Федь Н. М.* Искусство комедии или мир сквозь смех. – М. : Наука, 1978. – 216 с.
9. *Birdwhistell R. L.* Introduction to kinesics: An annotation system for analysis of body motion and gesture. – University of Michigan Library, 1952. – 88 p.
10. *Dittman A.* The role of body movement in communication // A. W. Siegman and S. Feldstein. Nonverbal behavior and communication. – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1987. – P. 37–64.
11. *Ekman P., Friesen W. V.* The repertoire of nonverbal behavior: Categories, origins, usage, and coding // Semiotica, 1. – The Hague, 1969. – P. 49–98.
12. *Kendon A.* Gesture: Visible action as utterance. – Cambridge, 2004. – 412 p.

УДК 81'34

М. В. Безбородова

кандидат филологических наук, доцент
кафедра фонетики английского языка ФГПН МГЛУ
e-mail: mvb87@rambler.ru

ДИАЛЕКТНОЕ НИВЕЛИРОВАНИЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ДИФФУЗИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

В последнее время всё чаще звучат замечания о том, что региональная речь в Великобритании «сглаживается»: исчезают отличительные локальные лингвистические черты, такие как произнесение определенного гласного в той или иной позиции или использование определенной грамматической конструкции. Можно отметить как минимум два процесса, которые способствуют исчезновению локальных черт в городских и в сельских вариантах английского языка в Великобритании и их замене более распространенными произносительными чертами: диалектное нивелирование и географическую диффузию. Данное исследование подтверждает распространенность только *регионального диалектного нивелирования* на территории Великобритании, которое, в свою очередь, является результатом одновременного протекания выше обозначенных процессов в рассматриваемом географическом ареале.

Ключевые слова: диалектное нивелирование (выравнивание); географическая диффузия; региональное диалектное нивелирование; Estuary English (EE); британский произносительный стандарт (RP); молодые британцы; юго-восточный регион Англии.

M. V. Bezborodova

Ph.D., Associate Professor, Department of English Phonetics,
Faculty of Humanities and Applied Sciences, MSLU
e-mail: mvb87@rambler.ru

DIALECT LEVELLING AND GEOGRAPHICAL DIFFUSION IN GREAT BRITAIN

Recent studies showed that regional speech in Great Britain has become "levelled": it leads to the loss of localized linguistic features, such as the pronunciation of certain vowels in some positions or the use of some grammar forms. We consider that there exist at least two possible mechanisms contributing to the loss of localized features in urban and rural varieties of British English and to their replacement with other features. These are dialect levelling and geographical diffusion. The present research provides evidence that regional dialect levelling, as the result of the mixture of the above-mentioned mechanisms, is widespread on the territory of Great Britain.

Key words: dialect levelling; geographical diffusion; regional dialect levelling; Estuary English; young Britons; the British pronunciation standard (RP); south-eastern England.

Вопрос о том, являются ли звуковые изменения осознанными при выборе тех или иных произносительных вариантов, относится к причинам вариативности. Одни ученые говорят о том, что речепроизводство связано с артикуляцией (возникновение новых форм может возникать вследствие экономии речевых усилий) и что говорящие выбирают те или иные произносительные варианты, исходя из ситуации общения, т. е. осознанно [13]. Другие исследователи утверждают, что звуковые изменения случайны. Дж. Охала, к примеру, заявляет, что многие звуковые изменения иногда происходят из-за неверной интерпретации говорящего слушателем [14]. Согласимся с тем, что общепринятой социолингвистической позицией относительно причины языковых изменений является то, что выбранный говорящим произносительный вариант служит способом его самовыражения: «отдельные говорящие выбирают для себя возможные варианты из всех существующих с целью обозначить свое место в многомерном социальном пространстве» [7]. Говорящие могут переключаться с одного типа произношения (акцента) на другой, чтобы приспособиться к слушателям (данный процесс называется аккомодацией). Люди могут менять свое произношение, вступая в контакт с носителями других вариантов английского языка. Иными словами, региональная, социальная и индивидуальная вариативность произношения является не исключением, а, скорее, нормой. Более того, все эти факторы изменяются во времени. Лингвисты самых разных направлений справедливо отмечают, что изменение присуще существованию языка и является его имманентным свойством [1; 2]. В последнее время всё чаще звучат замечания о том, что региональная речь в Великобритании «сглаживается»: исчезают отличительные локальные лингвистические черты, такие как произнесение определенного гласного или использование определенной грамматической конструкции. В результате становится всё труднее точно определить место проживания человека по его акценту или диалекту. Подобный процесс «диалектного нивелирования» подразумевает замену локальных черт другими более территориально распространенными единицами.

Существует ряд лингвистических работ, посвященных анализу феномена диалектного и акцентного выравнивания [3; 9; 16; 19; 24]. Отчасти причиной выравнивания служит образование особого произносительного варианта шести примыкающих к Лондону графств (Home

Counties). Вне всякого сомнения, Лондон остается самым мощным и продуктивным центром лингвистических инноваций. П. Традгилл отмечает изменение социолингвистической ситуации в отношении RP и менее благоприятное отношение к этому акценту в обществе. Следствием этого факта является уменьшение влияния этого акцента и его открытость влиянию со стороны других акцентов [5; 6; 18; 21; 22].

Важным этапом в развитии исследований взаимодействия и взаимовлияния британских диалектов явились три масштабных проекта, которые финансировались Советом по экономическим и социальным исследованиям в Великобритании.

1. Вильямс и Керсвилл (1994) изучали формирование городского койне (языка повседневного общения носителей родственных языков или диалектов, возникшего на основе наиболее распространенного из них) в новом городе Милтон Кинз на материале речи 48 детей в возрасте 4, 8 и 12 лет, их родителей и других взрослых местных жителей. Керсвилл и Вильямс (2000) установили восемь принципов образования койне, среди которых основными являются возраст и наличие социальных контактов со старшими детьми и подростками.

2. Второй проект [23] ставил своей целью изучение речи подростков, при этом обращалось особое внимание на возможные социальные и демографические факторы, которые могли бы оказывать влияние на стирание диалектных различий в трех городах: в недавно основанном Милтон Кинзе и в старом Рединге, находящихся на юго-востоке Англии, а также в Халле, находящемся на северо-восточном побережье Йоркшира. Во всех трех случаях было выявлено сходство на фонологическом уровне в пользу нестандартного варианта.

3. Третье исследование [12] было направлено на изучение основного источника инноваций Лондона. Корпус исследования составляли образцы речи молодых и старых жителей района Лондона Хэрни и лондонского пригорода Хаверинг. Учитывались также этнические и социальные контакты. Инновации, главным образом, отмечались в речи молодых лондонцев под влиянием контактов с людьми, не являющихся коренными носителями английского языка.

В целом, данные исследования демонстрируют происходящие изменения британских городских диалектов под влиянием как процесса стирания различий между диалектами (конвергенция), так и противоположного процесса диалектной дивергенции [15].

Можно отметить, как минимум, два процесса, которые способствуют исчезновению локальных черт в городских и в сельских вариантах английского языка в Великобритании и их замене более распространенными произносительными чертами. Первый процесс носит название географической диффузии (распространенности), согласно которой черты распространяются под влиянием густонаселенного и культурно развитого центра. Распространение носит волнообразный характер, и существует вероятность того, что близлежащие большие и маленькие города станут использовать ту или иную произносительную черту раньше, чем в сельских районах, разделяющих их. На уровне отдельного говорящего согласно этой модели люди общаются друг с другом, усваивают новую произносительную черту и (по разным причинам) также начинают ее употреблять.

Второй процесс носит название нивелирование (выравнивание). Он подразумевает уменьшение использования или постепенное исчезновение маркированных форм. В данном случае под «маркированными» подразумеваются достаточно редкие или малоиспользуемые черты. Нивелирование носит характер лингвистической аккомодации в тех ситуациях, когда говорящие, являющиеся носителями разных, но друг другу понятных диалектов, начинают общаться между собой. В тех случаях, когда аккомодация не происходит, люди начинают избегать использования слишком локальных, на их взгляд, «немодных», произносительных черт, заменяя их более распространенными. Результатом является стирание различий между различными вариантами языка и появление нового варианта, который характеризуется отсутствием локальных черт.

Побуждающей силой для диалектного нивелирования предположительно является контакт людей, говорящих на разных вариантах одного и того же языка, происходящий в результате географической и / или социальной подвижности. Таким образом, мы можем предположить, что во времена массовых переселений людей внутри одного языкового региона диалектное нивелирование происходит быстрее, чем во время преобладания более стабильной обстановки.

Можно отметить еще ряд предпосылок, ведущих к диалектному нивелированию в Великобритании.

1. В регионах, где зафиксирована высокая степень миграции населения, можно ожидать быстрого изменения в диалектах и в акцентах,

а также нивелирования. В данном случае языковое сообщество рассеяно. В свою очередь принадлежность к закрытой и стабильной социальной ячейке с тесными внутренними связями ведет к лингвистической адаптации. Это сдерживает любые изменения, включая нивелирование. Таким образом, языковое сообщество сфокусировано. Причем языковые изменения наиболее заметны после сравнения речи молодого поколения и взрослых.

Многоцелевое исследование гласного контента в речи подростков, представителей среднего и пожилого возраста обоих полов из среды рабочего и среднего классов в двух южных городах Милтон Кинз и Рэдинг и в северном городе Халл, проведенное Дж. Чешир, А. Джиллет, П. Керсвилл и А. Уильямс, полностью подтверждает вышеприведенные утверждения. Данное исследование подтвердило, что нивелирование будет, скорее, более развито в новых городах (Милтон Кинз), чем в старых (Рэдинг), причем речь подростков в Милтон Кинз не содержала никаких локальных черт, в то время как в речи подростков Рэдинга они присутствовали. Северный город Халл, в котором экономическая ситуация стала результатом низкой миграции и тесной общественной взаимосвязи, проявил практически собственный, независимо развивающийся диалект.

Тем не менее существуют различия в процессе нивелирования между городами Милтон Кинз и Рэдинг. Например, изначально в период заселения города Милтон Кинз (1970-е гг.) в системе вокализма преобладало использование формы дифтонга /æʊ/. А на момент проведения эксперимента дети переселенцев стали использовать уже стандартный (RP) вариант звучания данного дифтонга /aʊ/. Дифтонг /aɪ/ произносится как /ɔɪ/ или /aɪ/ пожилыми жителями Милтон Кинз. Молодежь Милтон Кинз и жители Рэдинга предпочитают лондонский нестандартный вариант /aɪ/ [4].

2. Расстояние маленького города от мегаполиса (в данном случае Лондона) обратно пропорционально скорости, с которой жители города заимствуют лингвистические черты жителей мегаполиса. Например, дифтонг /ɛʊ/ стал произноситься как /aʊ/ под влиянием лондонского региона в городах Рэдинг и Милтон Кинз, находящихся в 40–50 милях от Лондона. С юга Англии также пришли такие черты, как продвижение вперед /θ/ и /ð/ (их превращение в /f/ и /v/), а также гортанная смычка в интервокальном положении [4].

3. Если старые и новые произносительные варианты существуют в одном географическом регионе, то говорящие перенимают те черты, которые кажутся им наиболее современными и модными. Например, при исследовании гласного контента двух соседних городов на северо-востоке Англии – Дарема (имеет большой прилегающий сельскохозяйственный район) и Ньюкасла (центр большой конурбации Тайнсайд) было обнаружено, что для дифтонга /eɪ/ характерна монофтонгизация – /e:/, хотя ранее чаще использовался вариант /ɪə/. Причем женщины начали раньше мужчин использовать этот произносительный вариант, так как он является более распространенным, более нейтральным, не сигнализирует о четкой принадлежности к какой-либо территории (хотя это и не вариант RP). В городе Дарем была отмечена тенденция в сторону монофтонгизации большего количества дифтонгов, чем в городе Ньюкасл. Это является примером неиерархической диффузии: изменение в маленьком городе произошло раньше, чем в большом городе [2].

Процесс нивелирования не обязательно подразумевает изменение в сторону стандарта. В структуре современного британского общества RP больше не является обязательным эталонным акцентом, а некодифицированные языковые варианты оказывают значительное влияние на языковую вариативность. Приведенные исследования доказывают, что акцентное нивелирование является ведущим процессом в рамках изменений, происходящих в системе акцентов британского варианта английского языка, и многие изменения, как упоминалось выше, берут свое начало в нестандартных юго-восточных вариантах языка [5].

Акцентное выравнивание происходит как на национальном, так и на региональном уровне. Некоторые произносительные характеристики – такие, как глоттализация /t/, замена межзубных фрикативов /θ/ и /ð/ губно-зубными /f/ и /v/ – заимствуются жителями всех частей Великобритании. Эти тенденции принадлежат нестандартным юго-восточным акцентам и оттуда распространяются по территории всей страны [11; 16; 24]. Что касается других характеристик, акцентное выравнивание носит более региональный характер, обычно ориентируясь на произношение мегаполисов. Развитие системы кратких гласных в Лондоне движет развитие данной подсистемы во всём регионе юго-восточной Англии [16].

Продвижение вперед гласных /u:/ и /əʊ/, например, является характерной особенностью юга страны [10], а на севере Англии ориентиром

для выравнивания является северный региональный стандарт, чертами которого является произношение /e:/ и /o:/ в таких словах, как *face* и *goat* [20]. В двух южных городах Милтон Кинз и Рэдинг дифтонг /aʊ/ имеет стандартное звучание (RP), а его региональное или нестандартное звучание (например, /ɛʊ/ или лондонский /æʊ/) полностью исчезло [4].

Подобного рода явления происходят во многих регионах, где люди стремятся подражать, скорее, региональному стандартному варианту, нежели местному диалекту [10].

Механизмы, лежащие в основе акцентного выравнивания и распространения популярных черт, являются следствием географической экспансии. Географическое распространение включает в себя постепенное «распределение» произносительных тенденций по определенной территории и является основой для того, чтобы сделать выводы об изменениях, происходящих внутри диалектов. Лингвистические изменения обычно берут свое начало в густо населенных экономических и культурных центрах [11]. Как неоднократно упоминалось, «центром тяжести» и основным источником лингвистических инноваций в Британии сегодня является Лондон [21].

Самым заметным произносительным вариантом, используемым на обширной территории, является *Estuary English*. Данный акцент характерен для юго-восточного региона Англии и встречается в Лондонском регионе и в прилегающих к нему графствах, например в Эссексе, Сассексе, Кенте, Беркшире и других. Кроме того некоторые черты *Estuary English* совпадают с чертами других акцентов. Например, лондонский сдвиг гласных характерен также и для графства Мидлэндс (Центральная Англия); глоттальная смычка является также традиционной чертой Манчестера, Шотландии и Дублина.

По мнению П. Кервилла, быстрое распространение данного акцента можно назвать своеобразным проявлением современного процесса акцентного выравнивания [10].

На уровне отдельного говорящего стирание произносительных различий происходит в речевой аккомодации, в результате чего говорящий приспосабливается к речи собеседника. Теория речевой аккомодации была разработана психологом Г. Жилем для того, чтобы показать, как отдельные люди меняют свое поведение под воздействием общения с другими. В коммуникативной ситуации говорящий может

подстраивать свой акцент под слушателя, стараясь избегать произносительных различий с подсознательной целью достичь его одобрения. В результате этого происходит процесс конвергенции акцентов, при котором один говорящий меняет свою манеру речи, чтобы стать более похожим на другого, или, в случае взаимной конвергенции, оба участника коммуникации меняют свой акцент и таким образом подстраиваются друг под друга [8]. Такие частные случаи аккомодации могут со временем стать постоянными и, если аккомодация достигнет большого масштаба, это может привести к языковым изменениям [17].

Наиболее очевидным лингвистическим результатом стирания произносительных различий является редукция. Исчезающие речевые варианты являются обычно малоупотребительными или встречаются в речи небольшого количества носителей, в то время как широко распространенные формы, встречающиеся в речи значительной части населения, остаются в узусе [17]. Произносительные формы, носящие слишком локальный характер, т. е. особенно заметные, обычно подвержены исчезновению. Процесс лингвистического выравнивания может, таким образом, привести к возникновению новых вариантов, которые будут характеризоваться отсутствием локальных черт.

Подводя итог проведенного исследования, можно утверждать, что в глобальном смысле диалектное нивелирование и географическая диффузия с наименьшей долей вероятности будут происходить в таком густонаселенном и большом регионе, как Великобритания. В данном случае можно говорить только о региональном диалектном нивелировании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Степанов Г. В.* К проблеме языкового варьирования. – М. : Наука, 1979. – 326 с.
2. *Шахбагова Д. А.* Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка). – М. : Фоллис, 1992. – 288 с.
3. *Cheshire J., Edwards V. and Whittle P.* Non-standard English and dialect levelling // Milroy and Milroy (eds). – London : Longman, 1993. – P. 53–96.
4. *Cheshire J., Gillet A., Kerswill P., Williams A.* The role of adolescents in dialect leveling : Final report submitted to the Economic and Social Research Council, June 1999. – 30 p.
5. *Foulkes P., Docherty G.* Urban voices. Accent studies in the British Isles. – London : Arnold, 1999. – 313 p.

6. *Hernandez-Campoy J. M.* Geolinguistic models of analysis of the spatial diffusion of sociolinguistic innovations // *Studia Anglica Posnaniensia* 34. – 1999. – P. 7–42.
7. *Hudson R. A.* Sociolinguistics. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 1996. – 279 p.
8. *Giles H., Powesland P.* Accommodation theory. – London : Academic Press, 1997. – P.154–170.
9. *Kerswill P.* Children, adolescents and language change // *Language Variation and Change* 8:2. – 1996. – P. 177–202.
10. *Kerswill P.* Mobility, meritocracy and dialect levelling: the fading (and phasing) out of Received Pronunciation // P. Rajamäe and K. Vogelberg (eds.). *British studies in the new millennium: challenge of the grassroots.* – Tartu : University of Tartu, 2001. – P. 45–58.
11. *Kerswill P.* Dialect levelling and geographical diffusion in British English // D. Britain and J. Cheshire (eds.). *Social dialectology : In honour of Peter Trudgill.* – Amsterdam : John Benjamins, 2003. – P. 223–243.
12. *Kerswill P., Cheshire J., Fox S., Torgersen E.* Linguistic Innovators: The English of adolescents in London: Full Research Report ESRC End of Award Report, RES-000-23-0680. – Swindon : ESRC, 2007.
13. *Lindblom B.* Explaining phonetic variation: a sketch of the H&H theory // *Speech production and speech modelling.* – Dordrecht : Kluwer, 1990. – P. 403–439.
14. *Ohalam J.* The phonetics of sound change // *Historical linguistics: Problems and perspectives / ed. by Ch. Jones.* – 1993. – P. 237–278.
15. *Stuart-Smith J., Haddican B.* Sociolinguistics in the British Isles // Ball M. J. (ed.). *Routledge Handbook of Sociolinguistics Around the World.* – Abingdon : Routledge, 2009. – P. 296–309.
16. *Torgersen E., Kerswill P. and Fox S.* Ethnicity as a source of changes in the London vowel system // F. Hinskens (ed.). *Language Variation – European Perspectives : Selected Papers from the Third International Conference on Language Variation in Europe (ICLaVE3).* Amsterdam, June 2005. – Amsterdam : Benjamins, 2006. – P. 249–263.
17. *Trudgill P.* *Dialects in contact.* – Oxford : Basil Blackwell, 1986. – 174 p.
18. *Trudgill P.* *Sociolinguistic variation and change.* – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2001. – 208 p.
19. *Watt D., Milroy L.* Patterns of variation and change in three Newcastle vowels: is this dialect levelling? // *Foulkes and Docherty.* – 1999. – P. 25–46.
20. *Watt D.* ‘I don’t speak with a Geordie accent, I speak, like, the Northern accent’: Contact-induced levelling in the Tyneside vowel system // *Journal of Sociolinguistics* 6:1. – 2002. – P. 44–63.
21. *Wells J. C.* *Accents of English.* – Cambridge : Cambridge University Press. – 1982. – 465 p.

22. *Wells J. C.* The Cockneyfication of R.P.? // G. Melchers and N.-L. Johannesson (eds.). Non-standard varieties of language. – Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1994. – P. 198–205. – (Stockholm Studies in English 84).
23. *Williams A., Kerswill P. and Cheshire J.* The role of adolescents in dialect levelling : Final Report on ESRC Grant 000236180. – 1998.
24. *Williams A. and Kerswill P.* Dialect levelling: change and continuity in Milton Keynes, Reading and Hull // Foulkes and Docherty. – 1999. – P. 141–162.

Сетевое электронное научное издание

Вестник МГЛУ. Выпуск 22 (733)
ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Редактор *Д. Г. Бордукова*
Корректор *Н. М. Тимакова*
Компьютерная верстка *Ю. Л. Герасимовой*
Дизайн обложки *А. Г. Проскуракова*

ФГБОУ ВПО МГЛУ

Подписано в печать 14.10.2015 г.
Объем 11,9 п. л. Формат 60x90/16
Заказ № 1320

Адрес редакции:
119034, Москва, ул. Остоженка, 38
Тел.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

Перепечатка материалов
возможна при обязательном письменном согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна